



Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова

Научный журнал

**ЭКОНОМИКА
ПРАВО
ОБЩЕСТВО**

**ECONOMICS
LAW
SOCIETY**

Scientific Journal

Том 6, № 1 (25), 2021

ЭКОНОМИКА ПРАВО ОБЩЕСТВО

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Курбанов Рашад Афатович – главный редактор, директор Института правовых исследований и региональной интеграции, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Алиев Назим Талат оглы – Начальник Академии полиции МВД Азербайджанской Республики, генерал-майор полиции, доктор юридических наук

Бодак Алла Николаевна – судья Конституционного Суда Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Валентей Сергей Дмитриевич – начальник Научно-исследовательского объединения (научный руководитель Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова), доктор экономических наук, профессор

Василевич Григорий Алексеевич – заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор юридических наук, профессор

Вельяминов Георгий Михайлович – главный научный сотрудник Сектора правовых проблем международных экономических отношений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор

Витязь Петр Александрович – академик Национальной академии наук Беларуси, руководитель аппарата НАН Беларуси, сопредседатель Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства, доктор технических наук, профессор

Вознесенская Нинель Николаевна – ведущий научный сотрудник Сектора правовых проблем международных экономических отношений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор

Георг Става – член Европейской комиссии по совершенствованию правосудия (CEPEJ) Совета Европы

Гринберг Руслан Семенович – научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор

Гришина Ольга Алексеевна – заведующая кафедрой финансов и цен Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор

Гулиев Ибрагим Саид оглы – вице-президент Национальной академии наук Азербайджана, академик НАНА, доктор геолого-минералогических наук, профессор

Гурбанов Рамин Афад оглы – президент Европейской комиссии по эффективности правосудия (CEPEJ) Совета Европы, судья города Баку, доктор юридических наук

Джафаров Азер Мамед оглы – заместитель Министра юстиции, член Судебно-правового совета Азербайджанской Республики, доктор юридических наук, профессор

Довнар Таисия Ивановна – профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

ECONOMICS LAW SOCIETY

EDITORIAL BOARD

Kurbanov Rashad Afatovich – Chief Editor, Director of the Institute of Legal Studies and Regional Integration, Head of the Department of Civil Legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Aliiev Nazim Talat ogly – Head of the Police Academy of the of the Azerbaijan Republic, Police Major General, Doctor of Law

Bodak Alla Nikolaevna – Judge of the Constitutional Court of the Republic of Belarus, PhD of Law, Associate Professor

Valentey Sergey Dmitrievich – Head of Scientific and Research Union (Supervisor of the Plekhanov Russian University of Economics), Doctor of Economics, Professor

Vasilevich Grigoriy Alekseevich – Head of the Constitutional Law Department of the Belorussian State University, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Law, Professor

Velyaminov Georgiy Mikhailovich – Chief Researcher of the Sector of Legal Problems of International Economic Relations of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Vityaz Petr Aleksandrovich – Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of Academy Staff Presidium of the National Academy of Sciences of Belarus, Co-chairman of the Inter-Academic Council on Development of the Union State, Doctor of Technical Sciences, Professor

Voznesenskaya Ninel Nikolaevna – Leading Researcher of the Sector of the Legal Problems of International Economic Relations of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Georg Stawa – Member of European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ) of the Council of Europe

Grinberg Ruslan Semenovitch – Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Grishina Olga Alekseevna – Head of the Department of Finance and Prices of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor

Guliev Ibragim Said ogly – Vice-President of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Member of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, Professor

Gurbanov Ramin Afad oglu – President of European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ) of the Council of Europe, Judge of Baku City, Doctor of Law

Jafarov Azer Mammad ogly – Deputy Minister of Justice, Member of the Judicial-Legal Council of the Azerbaijan Republic, Doctor of Law, Professor

Dovnar Taisiya Ivanovna – Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Doctor of Law, Professor

Егоров Алексей Владимирович – депутат Палаты представителей седьмого созыва, заместитель председателя Постоянной комиссии по законодательству Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Ершова Инна Владимировна – заведующая кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Жаворонкова Наталья Григорьевна – заведующая кафедрой экологического и природоресурсного права МГЮА имени О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор

Занковский Сергей Сергеевич – заведующий сектором предпринимательского права Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор

Зинчук Галина Михайловна – декан факультета экономики и права Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, доцент

Зубарев Сергей Михайлович – заведующий кафедрой административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Зырянов Сергей Михайлович – ведущий научный сотрудник отдела административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Иванов Вилен Николаевич – советник РАН, вице-президент Российской Академии социальных наук, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор

Капустин Анатолий Яковлевич – научный руководитель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Клеандров Михаил Иванович – судья Конституционного суда Российской Федерации в отставке, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор

Крюкова Нина Ивановна – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Кузнецов Вячеслав Николаевич – президент Фонда поддержки исследования проблем «Безопасность Евразии», член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, профессор

Лисицын-Светланов Андрей Геннадьевич – ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор

Мазур Иван Иванович – председатель правления АО «РАО Роснефтегазстрой», доктор технических наук, профессор

Манке Карстен – руководитель группы в Немецкой корпорации международного сотрудничества (GlZ) (German Corporation for International Cooperation GmbH)

Марченко Михаил Николаевич – заведующий кафедрой теории государства и права и политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор

Минашкин Виталий Григорьевич – врио проректора Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор

Мирмохаммади Мостафа – руководитель группы международного права и прав человека Университета Мофид (Иран), доктор юридических наук, профессор

Egorov Aleksey Vladimirovich – Member of the House of Representatives of the Seventh Convocation, Deputy Chairperson of the Standing Commission on Law of the House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, PhD of Law, Associate Professor

Ershova Inna Vladimirovna – Head of the Department of Entrepreneurial and Corporations Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

Zhavoronkova Natalya Grigorievna – Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

Zankovsky Sergey Sergeevich – Head of the Department of Entrepreneurial Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Zinchuk Galina Mikhailovna – Dean of the Faculty of Economics and Law of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Associate Professor

Zubarev Sergey Mikhailovich – Head of the Department of Administrative Law and Process of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

Zyryanov Sergey Mikhailovich – Leading Researcher of the Department of Administrative Law and Process of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Ivanov Vilen Nikolayevich – Counselor of the Russian Academy of Sciences, Vice-President of the Russian Academy of Social Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor

Kapustin Anatoly Yakovlevich – Science Director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Kleandrov Mikhail Ivanovich – Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation Emeritus, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Kryukova Nina Ivanovna – Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Kuznetsov Vyacheslav Nikolayevich – President of the Foundation for the Support of the Research of Problems "Eurasian Security", Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sociology, Professor

Lisitsin-Svetlanov Andrey Gennadievich – Leading Researcher of the Institute of State and Law of the RAS, Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Mazur Ivan Ivanovich – Chairman of the Board of JSC «RAO Rosneftegazstroy», Doctor of Engineering Science, Professor

Mahnke Carsten – Head of the Group in the German Corporation of International Cooperation (GlZ) (German Corporation for International Cooperation GmbH)

Marchenko Mikhail Nikolayevich – Head of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Doctor of Law, Professor

Minashkin Vitaly Grigorievich – Acting Vice-Rector of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor

Mirmohammadi Mostafa – Director for International Law and Human Rights Group, Mofid University (Iran), Doctor of Law, Professor

Мустафазаде Айтен Инглаб кызы – директор Института права и прав человека НАН Азербайджана, депутат Милли Меджлиса Азербайджанской Республики, доктор юридических наук, профессор

Плигин Владимир Николаевич – председатель Ассоциации юристов России, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, кандидат юридических наук

Рагимов Ильгам Мамедгасан оглы – президент Ассоциации юристов стран Черноморско-Каспийского региона, доктор юридических наук, профессор

Сафи Исмаил – член Совета по безопасности и внешней политике при Президенте Турецкой Республики, директор Института безопасности и обороны Университета Истиние, доктор политических наук

Фатьянов Алексей Александрович – заведующий кафедрой государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Хасбулатов Руслан Имранович – заведующий кафедрой мировой экономики Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор

Экимов Анисим Иванович – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Яблочкина Ирина Валерьевна – директор Центра гуманитарной подготовки Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор исторических наук, профессор

Mustafazade Ayten Inqlab qizi – Director of the Institute of Law and Human Rights of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Deputy of the Milli Meclis of the Azerbaijan Republic, Doctor of Law, Professor

Pligin Vladimir Nikolaevich – Chairman of the Association of Lawyers of Russia, Leading Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, PhD of Law

Ragimov Ilgam Mammadgasan oglu – President of the International Association of Lawyers of the Black Sea-Caspian Region Countries, Doctor of Law, Professor

Safi Ismail – Member of the Council on Security and Foreign Policy under the President of the Republic of Turkey, Director of the Institute of Security and Defense of the University of Istinye, Doctor of Political Science

Fatyayev Alexey Alexandrovich – Head of the Department of State-legal and Criminal-legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Khasbulatov Ruslan Imranovich – Head of the Department of World Economy of the Plekhanov Russian University of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Ekimov Anisim Ivanovich – Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Yablochkina Irina Valerievna – Director of the Center of Humanitarian Training of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Historical Sciences, Professor

Издание зарегистрировано в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций:

ПИ № ФС77-64675 от 22 января 2016 г.

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова»
(ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова»)

Адрес редакции:

117997, Москва, Стремянный пер., 36.
Тел.: 8 (499) 237-85-02, e-mail: grapravo.kaf@mail.ru
www.rea.ru

Главный редактор **Р. А. Курбанов**
Заместитель главного редактора **А. М. Белялова, К. И. Налетов**
Ответственный секретарь **Ю. Х. Давыдова**
Редактор **Т. Л. Савельева**

Оформление обложки **Ю. С. Жигалова**
Подписано в печать 14.04.2021. Формат 60 x 84 1/8.
Печ. л. 12. Усл.-печ. л. 11,16. Уч.-изд. л. 11,23.

Тираж 500 экз. Заказ
Отпечатано в ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова».
117997, Москва, Стремянный пер., 36.

The journal is registered in Federal Service for communication,
informational technologies and media control:
PI N FS77-64675 dated 22 January 2016

Founder

Plekhanov
Russian University of Economics
(PRUE)

Editorial office address:

36 Stremyanny Lane, 117997, Moscow.
Tel.: 8 (499) 237-85-02, e-mail: grapravo.kaf@mail.ru,
www.rea.ru

Chief editor **R. A. Kurbanov**
Deputy chief editor **A. M. Belyalova, K. I. Naletov**
Executive Secretary **Yu. Kh. Davydova**
Editor **T. L. Savel'eva**

Cover design **Yu. S. Zhigalova**
Signed in print 14.04.2021. Format 60 x 84 1/8.
Printed sheets 12. Conv. sheets 11,16. Publ. sheets 11,23.
Circulation 500. Order

Printed in Plekhanov Russian University of Economics.
36 Stremyanny Lane, 117997, Moscow

СОДЕРЖАНИЕ

Право и общество	
Курбанов Р.А., Налетов К.И., Белялова А.М.	
<i>Ограничения прав и свобод в период новой коронавирусной инфекции (COVID-19): совершенствование правовых механизмов в период социально-экономических кризисов, новых вызовов и угроз</i>	7
Рузакова О. А.	13
<i>Проблемы применения российского законодательства о детях</i>	
Петренко Д. С.	19
<i>Проблематика реализации свободы совести и свободы вероисповедания в период становления электронного государства в Российской Федерации (историко-правовой и нормативно-религиозный аспекты)</i>	
Правовые основы экономической деятельности	
Шувалов И. И.	40
<i>Правовое положение субъекта правоотношений в сфере добычи (производства), переработки, хранения, транспортировки, распределения, оборота и использования энергетических ресурсов: действующее законодательство и проблемные вопросы</i>	
Маньковский И. А.	48
<i>Диспозитивный метод гражданско-правового регулирования как основа эффективного экономического развития</i>	
Файнгерш С. И., Зубков Д. Д.	60
<i>К вопросу о рецепции норм Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. в сфере правовой защиты государственного имущества в Российской Федерации</i>	
Международное и интеграционное право	
Зульфугарзаде Т. Э.	64
<i>Осуществление судебной защиты от обвинений и компенсация вреда в европейском деликтном праве при рассмотрении дел о внедоговорной ответственности в нанобиотехнологической сфере</i>	
Зарубежное законодательство и сравнительное правоведение	
Федулов Г. В.	72
<i>Развитие правового обеспечения личной безопасности обучаемых в образовательных организациях высшего образования США</i>	
Mohammadi A., Mohammadi S.	80
<i>A Conceptual Model for the Innovation Strategy in Terms of Uncertainty by a Scenario-Based Technology Roadmap</i>	
Административное право	
Редкоус В. М., Дуванов Н.Ю., Зарицкий С. В.	88
<i>К вопросу о правовом статусе и правовом положении юридических лиц – участников производства по делам об административных правонарушениях</i>	
Требования к публикациям	96

CONTENTS

Law and Society	
Kurbanov R. A., Naletov K. I., Belyalova A. M.	
<i>Restrictions on Rights and Freedoms During the Period of the New Coronavirus Infection (COVID-19): Improving Legal Mechanisms During the Period of Socio-Economic Crises, New Challenges and Threats</i>	7
Ruzakova O. A.	13
<i>Problems of Application of the Legislation of the Russian Children</i>	
Petrenko D.S.	19
<i>The Problems of Realizing Freedom of Conscience and Freedom of Religion during the Formation of an Electronic State in the Russian Federation (Historical and Legal and Regulatory and Religious Aspects)</i>	
Legal Basis of Economic Activity	
Shuvalov I. I.	40
<i>Legal Status of the Subject of Legal Relations in the Field of Extraction (Production), Processing, Storage, Transportation, Distribution, Turnover and Use of Energy Resources: Current Legislation and Problematic Issue</i>	
Mankovsky I. A.	48
<i>Dispositive Method of Civil Legal Regulation as a Basis of Effective Economic Development</i>	
Fayngersh S. I., Zubkov D. D.	60
<i>On the Issue of the Reception of the Norms of the Civil Code of the RSFSR of 1922 in the Field of Legal Protection of State Property in the Russian Federation</i>	
International and Integration Law	
Zulfugarzade T. E.	64
<i>Implementation of Judicial Protection Against Charges and Compensation for Damages in European Tort Law in Cases of Non-Contractual Liability in the Nanobiotechnological Sphere</i>	
Foreign Legislation and Comparative Law	
Fedulov G. V.	72
<i>Development of Legal Provision of Personal Security of Students in Educational Institutions of Higher Education in the United States</i>	
Mohammadi A., Mohammadi S.	80
<i>A Conceptual Model for the Innovation Strategy in Terms of Uncertainty by a Scenario-Based Technology Roadmap</i>	
Administrative Law	
Redkous V. M., Duvanov N. Yu., Zaritsky S. V.	88
<i>On the Issue of the Legal Status and Legal Position of Legal Entities – Participants in Proceedings in Cases of Administrative Offenses</i>	
Requirements to the Publications	96

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2021-1-7-12>

Ограничения прав и свобод в период новой коронавирусной инфекции (COVID-19): совершенствование правовых механизмов в период социально-экономических кризисов, новых вызовов и угроз

Р. А. Курбанов

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова;
заведующий кафедрой правовых основ экономической деятельности
Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36;
ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ»,
117218, Москва, Большая Черемушkinsкая ул., д. 34.
E-mail: mos-ssp@mail.ru

К. И. Налетов

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова;
старший научный сотрудник отдела сравнительно-правовых исследований
Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36;
ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ»,
117218, Москва, Большая Черемушkinsкая ул., д. 34.
E-mail: kirillnaletov@gmail.com

А. М. Белялова

кандидат юридических наук, исполняющая обязанности заведующего
отделом международного сотрудничества
Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.
Адрес: ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве
Российской Федерации», 117218, Москва, ул. Б. Черемушkinsкая, д. 34.
E-mail: asyulya@mail.ru

Restrictions on Rights and Freedoms During the Period of the New Coronavirus Infection (COVID-19): Improving Legal Mechanisms During the Period of Socio-Economic Crises, New Challenges and Threats

R. A. Kurbanov

Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE;
Head of the Department of Legal Foundations of Economic Activity of the Institute of Legislation
and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation;
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
34 Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, 117218, Russian Federation.
E-mail: mos-ssp@mail.ru

K. I. Naletov

PhD of Law, Associate Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE;
Senior Researcher of the Comparative Law Research's Department
of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation;
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
34 Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, 117218, Russian Federation.
E-mail: kirillnaletov@gmail.com

A. M. Belyalova

PhD of Law, Acting Head of the Department of the International Cooperation of the Institute of Legislation and
Comparative Law under the Government of the Russian Federation.
Address: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
34 B. Cheremushkinskaya Str., Moscow, 117218, Russian Federation.
E-mail: asyulya@mail.ru

Аннотация

Данная статья посвящена анализу ограничений, вводимых органами государственной власти в период пандемии COVID-19. В статье описаны меры поддержки субъектов предпринимательской деятельности, осуществлявших деятельность в наиболее уязвимых и пострадавших сферах общественных отношений. Авторы задаются вопросом о нарушении баланса частных и публичных интересов при введении данных ограничений. В статье обосновывается вывод о том, что правотворческая деятельность органов исполнительной власти оказала положительное влияние на состояние защищенности прав и законных интересов граждан. Подчеркивается, что пандемия COVID-19 наглядно продемонстрировала такое преимущество нормативных актов органов исполнительной власти, как оперативность реагирования и возможность максимальной индивидуализации абстрактных правовых норм. Одновременно авторы указывают на недопустимость подмены законного регулирования так называемым ведомственным правотворчеством.

Ключевые слова: предпринимательская (хозяйственная) деятельность, ограничения прав и свобод, пандемия COVID-19, исполнительная власть, ведомственное правотворчество.

Abstract

This article is devoted to the analysis of restrictions imposed by government authorities during the COVID-19 pandemic, the results of their occurrence. Also the article describes measures to support business entities operating in the most vulnerable and affected areas. The author's concern is the violation of the balance of private and public interests due to these restrictions. The article substantiates the conclusion that the law-making activities of the executive authorities has led to positive impact on protection of rights and legitimate interests of citizens. It is emphasized that the COVID-19 pandemic has clearly demonstrated such an advantage of the regulatory acts of the executive authorities as the speed of response and the possibility of maximum individualization of abstract legal provisions. At the same time, the authors point out the inadmissibility of substituting the rule of law by so-called «executive power lawmaking».

Keywords: entrepreneurial (economic) activity, restrictions on rights and liberties, the COVID-19 pandemic, the executive power, «executive power lawmaking».

Развитие общества всегда сопровождалось наступлением тех или иных негативных явлений, влекущих за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью, окружающей среде, материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности. В подобных условиях перед государством стоит весьма непростая задача по выбору необходимых мер по предотвращению или минимизации таких последствий. В этих условиях возрастает риск невольного неисполнения или ненадлежа-

щего исполнения субъектами правоотношений своих обязанностей, что умножает число случаев причинения убытков, неосновательного обогащения, возникновения деликтных обязательств.

Особая роль в этом процессе отводится праву как основному регулятору общественных отношений. Учитывая, что спрогнозировать наступление таких событий не всегда представляется возможным, государство должно оперативно реагировать на стихийно возникшие вызовы и угрозы, что воз-

можно сделать лишь посредством усиления публично-правовых основ регулирования.

Сложность прежде всего связана с обеспечением баланса частных и публичных интересов в новых условиях. Введение жестких ограничений в отношении субъектов предпринимательской деятельности без оказания им должной поддержки может привести к упадку рынка, массовым банкротствам, потере рабочих мест и иным негативным последствиям, что только усугубит социально-экономическую ситуацию. Равно как и наоборот, такие же последствия может повлечь и недостаточность реагирования со стороны государства.

Наиболее показательным отечественным примером положительного реагирования государства на сложные экономические условия в период пандемии коронавирусной инфекции стало введение моратория на банкротство. Данную меру, с одной стороны, можно рассматривать как ограничение прав кредиторов юридического лица. С другой стороны, принимая во внимание все проблемы, с которыми столкнулись прежде всего субъекты малого и среднего предпринимательства, государство ввело соответствующую социально оправданную меру поддержки компаний, оказавшихся в сложной ситуации в период пандемии¹. Вместе с тем ограничению права кредиторов юридического лица на его банкротство законодатель противопоставил ряд ограничительных мер для компаний, в отношении которых кредиторы собирались применить процедуру признания лица банкротом.

Одним из концептуальных недостатков правового регулирования является не столько частота изменения действующего законодательства, сколько хаотичный, непоследовательный характер таких изменений. Эта тенденция выразилась в том числе в появлении множества так называемых ведомственных нормативных правовых актов. Позитивной стороной ведомственного нормотворчества является максимальная приближенность разработчиков ведомственных нормативных правовых актов к предмету правового

регулирования, что обеспечивает максимальную индивидуализацию правового регулирования, максимальную конкретность правовых предписаний. По словам английского философа Уильяма Оккама, излишняя детализация актов ведомственного правотворчества «умножала сущности без необходимости» т. е. регулировала вопросы, которые и так подпадали под действие абстрактно сформулированной нормы законодательства. В связи с этим еще в 80-е гг. прошлого века имело место сокращение ведомственного нормотворчества. Однако в период коронавирусной инфекции именно ведомственное нормотворчество, его способность к оперативному изменению и реагированию на внешние вызовы сыграли решающую положительную роль.

Практика купирования социально-экономических кризисов и их последствий указывает на преобладание в этот период публично-правовых средств регулирования предпринимательской деятельности, что нельзя рассматривать как государственное вмешательство в частные дела. Вводимые ограничения обусловлены необходимостью защиты общественных интересов, что в конечном счете обеспечивает частный интерес. Вместе с тем усиление публично-правовых начал в государственном регулировании должно происходить строго в русле конституционных и законодательных оснований и процедур.

Положения пунктов 2 и 3 статьи 55 Конституции РФ² устанавливают предел ограничений прав и свобод человека и гражданина – они могут быть ограничены исключительно федеральным законом и лишь постольку, поскольку такое ограничение релевантно защите основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и интересов других лиц, обеспечения обороны и безопасности государства.

Очевидно, что в условиях кризиса, когда законодатель должен оперативно реагировать на стихийное изменение социальной и (или) экономической ситуации, прохождение всех установленных процедур принятия федерального закона не позволит государству не то что действовать на опережение и не допустить усугубления ситуации, но и просто стабилизировать ситуацию. Предусмот-

¹ Норма о моратории на банкротства была включена в статью 5 Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций». Федеральный закон № 127-ФЗ был дополнен с 1 апреля 2020 г. новой статьей 9.1.

² См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). – URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

ренные в принимаемом законе меры, которые были бы нужны в начале развития кризисной ситуации, могут быть к моменту его принятия банально не актуальны. Иными словами, такие акты являются средством запоздалого регулирования и не оказывают должного опережающего воздействия на развитие общественных отношений.

Безусловно, решению этой проблемы будет способствовать принятие федерального закона о нормативных правовых актах в Российской Федерации, на что неоднократно справедливо, на наш взгляд, обращали внимание в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации [1. – С. 20–29; 4. – С. 88–93], коллектив которого на протяжении долгих лет пытался реализовать инициативный проект Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации». Документ обсуждался на различных экспертных площадках, а в 2019 г. была издана обновленная редакция указанного проекта [2].

Вместе с тем заслуживают внимания принятые государством весной этого года меры, направленные на недопущение распространения коронавирусной инфекции COVID-19, давшие положительный результат.

Следует одобрить действия законодателя, своевременно внесшего необходимые изменения в Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»¹ (далее – Федеральный закон № 68-ФЗ). Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ² были внесены уточнения в понятие чрезвычайной ситуации, закрепленное Федеральным законом № 68-ФЗ. В редакции данного нормативного акта в объем этого понятия входит в том числе «распространение заболевания, представляющего опасность для окружающих». Это важное уточнение, которое не имеет на первый взгляд существенного юридического значе-

ния тем не менее позволило снять вопросы о наличии правовых оснований для введения ограничений, установленных в ряде субъектов Российской Федерации в целях оперативного реагирования на вспышку коронавирусной инфекции.

В настоящее время каждый отдельный регион вправе с учетом санитарно-эпидемиологической обстановки принимать необходимые меры без введения на данной территории режима чрезвычайного положения или чрезвычайной ситуации. Для этого достаточно только ввести режим повышенной готовности, что и было сделано еще до внесения соответствующих дополнений в Федеральный закон № 68-ФЗ мэрией Москвы и многими иными регионами³ в порядке опережающего правотворчества.

Законодатель внес изменения уже постфактум, чтобы придать законную форму действиям власти, что, с одной стороны, вызывает протест, а с другой – понимание всей сложности ситуации. Следует признать, что такая практика дала положительный эффект.

В целях предотвращения распространения коронавирусной инфекции и поддержки населения и бизнеса за неполные полгода было принято порядка тысячи правовых документов.

Так, Н. Н. Черногор и М. В. Залоило называют общее число принятых на федеральном уровне актов в количестве 855, в том числе 388 нормативных правовых актов и 451 документ рекомендательного и информационного характера. Среди них – 25 федеральных законов, 16 указов Президента РФ, 119 постановлений Правительства РФ [5. – С. 5–26].

Приведенные данные статистики по принятым актам в совокупности с их анализом свидетельствуют о том, что в регулировании предпринимательской деятельности в период кризиса положительно зарекомендовала себя практика использования подзаконных актов. Это в первую очередь связано с упрощенной процедурой их принятия в сравнении с действующим механизмом разработки и принятия законов. Особая роль в этом вопросе должна быть отведена, Президенту РФ, Правительству РФ и субъектам РФ.

Вместе с тем следует принимать во внимание, что нормативные инициативы Правительства РФ

¹ См.: Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 35. – Ст. 3648.

² См.: Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 14 (часть I). – Ст. 2028.

³ Режим повышенной готовности из-за пандемии коронавирусной инфекции к 19 марта 2020 г. установили практически все российские регионы.

отличаются большей проработанностью, поскольку в распоряжении последнего находится целый аппарат органов исполнительной власти, которым могут быть даны соответствующие поручения. Так, Председателем Правительства РФ М. Мишустин 18 марта 2020 г. были даны поручения, направленные на предоставление отсрочки по уплате налогов и страховых взносов в отношении налогоплательщиков, относящихся к отраслям туризма и авиаперевозок, на обеспечение возможности введения моратория на подачу заявлений налоговыми органами заявлениями об их банкротстве, а также на приостановление назначения выездных налоговых и плановых выездных таможенных проверок¹.

С 28 марта 2020 г. поручением Правительства РФ временно была приостановлена деятельность многих организаций, в первую очередь в сфере туризма, отдыха и развлечений, организаций общественного питания, за исключением дистанционной торговли и т. д.

С учетом данных поручений в Москве с 28 марта были закрыты не только рестораны и кафе, но и магазины (за исключением тех, которые торговали продовольственными товарами и товарами первой необходимости), а также парикмахерские, салоны красоты, бани и солярии. Москва не просто ограничила массовые мероприятия в парках, но и закрыла крупнейшие столичные парки, в частности, ЦПКиО им. Горького, парк Сокольники, парк «Зарядье» и ВДНХ².

Одновременно в целях устойчивого развития экономики 2 апреля 2020 г. Правительством РФ принимается целый комплекс мер поддержки субъектов предпринимательской деятельности, занятых в наиболее пострадавших сферах³.

По мере стабилизации эпидемиологической обстановки Минтруду России, Минэкономразвития России, Роспотребнадзору, Минздраву России было дано поручение Правительства РФ от 25 апреля 2020 г. о подготовке и представлении ими в Правительство РФ согласованных предложений по поэтапной отмене введенных в связи с

распространением новой коронавирусной инфекции ограничений деятельности отдельных организаций и индивидуальных предпринимателей⁴.

Такой механизм оперативного реагирования позволяет расширить участие Правительства РФ в законотворческой деятельности именно в период социально-экономических кризисов, а также иных вызовов и угроз.

В этой связи можно считать заслуживающим одобрения расширение полномочий Правительства РФ в редакции Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 68-ФЗ: помимо прочего, Правительство РФ было наделено правом самостоятельного введения режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации при наличии угрозы федерального или межрегионального характера, а также правом установления обязательных для граждан и организаций Правил поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации. Такие Правила были установлены Правительством РФ на следующий день после вступления новой редакции Федерального закона № 68-ФЗ в силу⁵.

Таким образом, в период социально-экономического кризиса и или иных вызовов и угроз, правовое регулирование общественных отношений, в том числе предпринимательской деятельности, характеризуется следующими особенностями.

Во-первых, принимаемые государством меры свидетельствуют о смещении вектора правового регулирования в сторону усиления публично-правовых основ.

Во-вторых, их принятие не нарушает принцип невмешательства государства в частные дела и не приводит к дисбалансу публичных и частных интересов. Вводимые ограничения обусловлены необходимостью защиты, в том числе интересов частного характера [3. – С. 1067–1075].

В-третьих, происходит перераспределение вопросов регулирования посредством принимае-

¹ См.: Поручение Правительства РФ от 18 марта 2020 г. – URL: <http://government.ru> (дата обращения: 25.02.2020).

² URL: <https://www.interfax.ru/russia/701269> (дата обращения: 25.02.2020).

³ См.: Постановление Правительства РФ от 2 апреля 2020 г. № 409 «О мерах по обеспечению устойчивого развития экономики». – URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 06.04.2020

⁴ См.: Поручение Правительства РФ от 25 апреля 2020 г. «О решениях по итогам заседания президиума Координационного совета при Правительстве Российской Федерации по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации». – URL: <http://government.ru> (дата обращения: 25.02.2020).

⁵ См.: Постановление Правительства РФ от 2 апреля 2020 г. № 417 «Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 15 (часть IV). – Ст. 2274.

мых законов и подзаконных актов. Из сферы действия законов ряд вопросов передается на подзаконный уровень правового регулирования, что связано с необходимостью оперативного реагирования на новые вызовы или угрозы. Особая роль в данном процессе должна быть отведена Правительству РФ как высшему органу исполнительной власти. По мнению авторов данной статьи, позитивной стороной правотворческой деятельности органов исполнительной власти, его преимуществом является максимальная приближенность авторов правовых норм к предмету правового регулирования. Если законодатель

вынужден мыслить максимально абстрактно, то задача органа исполнительной власти – обеспечить максимальную индивидуализацию правового предписания и конкретность.

В-четвертых, следует иметь в виду и то, что в период нормального функционирования общества и государства такой перевес правового массива в пользу подзаконных актов недопустим, поскольку может привести к дестабилизации правового регулирования различных сфер общественных отношений.

Список литературы

1. Залоило М. В. Опережающий характер правотворчества и проблема синхронизации правового регулирования // Журнал российского права. – 2019. – № 9. – С. 20–29;
2. О нормативных правовых актах в Российской Федерации (инициативный проект федерального закона). – 5-е изд. перераб. и доп. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019.
3. Раскотиков И. С. Обеспечение публичных и частных интересов при строительстве олимпийских объектов в сфере энергетики // Право и политика. – 2013. – № 8. – С. 1067–1075.
4. Тихомиров Ю. А., Рахманина Т. Н., Хабибуллин А. Г. Закон о нормативных правовых актах – актуальная повестка дня // Журнал российского права. – 2006, – № 5. – С. 88–93.
5. Черногор Н. Н., Залоило М. В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса // Журнал российского права. – 2020. – № 7. – С. 5–26.

Проблемы применения российского законодательства о детях

О. А. Рузакова

доктор юридических наук, профессор кафедры международного частного права
и гражданского права им. С. Н. Лебедева МГИМО МИД РФ;
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных
отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»,
119454, Москва, проспект Вернадского, 76;
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: olalstep@mail.ru

Problems of Application of the Legislation of the Russian Children

O. A. Ruzakova

Doctor of Law, Professor of the Department of Private International Law and Civil Law
them. S. N. Lebedev MGIMO University;
Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation;
Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: olalstep@mail.ru

Аннотация

Федеральный закон № 411-ФЗ «О внесении изменений в статью 54 Семейного кодекса Российской Федерации и статью 67 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (принят 2 декабря 2019 г.) вступил в силу 13 декабря 2019 г. В числе задач, которые были поставлены перед законодателем при принятии данного нормативного акта, – определение возможностей реализации несовершеннолетними детьми права на обучение по основным общеобразовательным программам дошкольного образования и некоторых других образовательных программ в той же организации, в которой получают образование старшие родственники детей, т. е. их сестры и братья. Настоящая статья посвящена истории вопроса, анализу достижения поставленной цели, механизмам реализации, а также некоторым проблемам, возникающим в связи с такой ситуацией, в частности, когда образовательная организация охватывает несколько структурных подразделений, расположенных удаленно друг от друга, и ребенок фактически может быть принят на обучение в удаленное структурное подразделение, отличное от того, где обучаются его родственники.

Ключевые слова: семейное право, изменения в Конституцию РФ, отобрание ребенка, дети как субъекты семейных правоотношений, семья как субъект семейных правоотношений, образование ребенка в образовательной организации, угроза жизни ребенку, образовательная организация, прием ребенка на обучение по основным общеобразовательным программам дошкольного образования преимущественно перед другими детьми.

Abstract

Federal law N 411-FZ of 02.12.2019 «On Amendments to article 54 of the Family code of the Russian Federation and to article 67 of the Federal law «On education in the Russian Federation» (adopted December 2, 2019) has received legal force since December 13, 2019. Among the main tasks set to a lawmaker adopting this law was to develop a mechanism for ensuring the right of minor children to study the basic General education programs of preschool education and primary General education in the same institution where their older brothers or sisters study. This article is devoted to the history of the issue, analysis of achievement of goals, implementation mechanisms, as well as some problems arising in connection with this, in particular, a situation when an educational organization spans several departments, located remotely from each other and the child can actually be adopted for training in remote structural unit different from that where trained his relatives.

Keywords: family law, children, the amendments to the Constitution of the Russian Federation, children as subjects of

family law, relations family as the subject of family relationships, child rearing, child education in the educational organization, educational institution, admission of a child study on the basic educational programs of preschool education in preference to other children.

Несмотря на то что Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СемК РФ) представляет собой один из самых стабильных кодифицированных нормативных правовых актов, интерес законодателя к вопросам совершенствования правового регулирования в области семейных отношений не снижается. За последние годы особое значение приобрели вопросы развития положений Основного закона Российской Федерации¹, в соответствии с которыми дети признаны «важнейшим приоритетом государственной политики России», при этом от государства требуется определение соответствующих условий, которые могли бы развивать детей «духовно, нравственно, интеллектуально, физически». Значимым является и вопрос воспитания в детях «патриотизма, гражданственности, уважения к старшим», что в свою очередь создает возможности для установления соответствующих механизмов реализации принципа приоритета воспитания детей в рамках семьи [1. – С. 4–7].

Проекты федеральных законов, направленные на изменение процедуры отобрания ребенка, были внесены исходя из вышеизложенного и на основе статьи 77 Семейного кодекса РФ. Данный институт является одним из наиболее спорных для семейного права². Практика необоснованного отобрания детей из семьи является одной из актуальных проблем современного семейного права, существующих в контексте проблем так называемой ювенальной юстиции [5. – С. 42–44]. Недобросовестное, зачастую необоснованное вмешательство органов опеки и попечительства в дела семьи вплоть до смертельных случаев, не всегда связаны с реальной угрозой для ребенка. Проблема зачастую имеет в своей основе нежелание или невозможность оказать социальную помощь семьям с детьми, нуждающимся в улучшении жилищных условий или име-

ющим иные сложно решаемые проблемы. В качестве оснований отобрания детей называют нехватку игрушек, громкий плач ребенка, отсутствие у ребенка отдельной комнаты, продуктов питания, в чем, как правило, родители не виноваты, а также гематомы на теле ребенка, оставление малолетнего ребенка с другими родственниками, наличие жалоб от третьих лиц в отношении родителей, иногда и без указания автора этих жалоб, и др. Отмечались случаи, когда обращение в соответствующие органы за денежной помощью давало повод органам опеки и попечительства обратить внимание на семьи в негативном смысле и применить механизм статьи 55 СемК РФ. Государство не должно по общему правилу вмешиваться в родительские отношения, за исключением случаев, когда имеет место существенное нарушение действующего законодательства, а к ребенку применяется насилие или возникает иная опасность для ребенка со стороны родителей. Административный порядок отобрания ребенка, установленный статьей 77 СемК РФ, не является гарантией для ограничения злоупотреблений органами опеки и попечительства. В этой связи проекты Федерального закона № 986679-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³, № 989008-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации в целях укрепления института семьи»⁴ имеют целью защиту прав ребенка.

Первым законопроектом предлагается судебный порядок рассмотрения подобных дел путем дополнения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации такой категорией дел гражданско-правового характера, относящейся к делам особого производства, как отобрание ребенка у родителей (одного из них) или у других лиц, которые осуществляют его попечение при непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью. Административный порядок

¹ См.: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

² См.: Рузакова О. А. Семейное право : учебно-практическое пособие. – М., 2003 и др.

³ Внесен депутатом Государственной Думы ФС РФ П. В. Крашенинниковым, членом Совета Федерации ФС РФ А. А. Клишасом.

⁴ Внесен членами Совета Федерации ФС РФ Е. Б. Мизулиной, Е. В. Афанасьевой, А. Д. Башкиным, Р. Ф. Галушиной, М. Г. Кавджарадзе, Л. Б. Нарусовой, М. Н. Павловой.

отобрания мог бы быть сохранен только в особых чрезвычайных ситуациях при риске смерти ребенка. Только в этом случае орган опеки и попечительства может произвести отобрание ребенка у родителей (одного из них), усыновителей или у других лиц, на попечении которых он находится, составив акт об отобрании ребенка с указанием обстоятельств, свидетельствующих о проблемах, возникших в связи с угрозой ребенку. При этом должны присутствовать прокурор, а также представители органов внутренних дел.

Второй законопроект предусматривает отказ от такой процедуры, как отобрание как единственной и универсальной меры его защиты. Вместо этого предлагалась дифференцированная система мер защиты ребенка, учитывающая характер обстоятельств, в которых оказалась семья (и родители, и дети). Отобрание ребенка предлагалось определить как принудительное разлучение ребенка с родителями, которое возможно только в случае принятия судебного решения.

Тем не менее вопрос об отобрании ребенка пока не решен и указанные проекты отозваны для дальнейшей выработки единого механизма, удовлетворяющего в полной мере интересам несовершеннолетнего при возникновении обстоятельств, угрожающих его жизни или здоровью.

В числе немногочисленных принятых изменений в Семейный кодекс РФ за последние два года – Федеральный закон № 411-ФЗ «О внесении изменений в статью 54 Семейного кодекса Российской Федерации и статью 67 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (принят 2 декабря 2019 г., вступил в силу 13 декабря 2019 г.)¹, изменивший пункт 2 статьи 54 Семейного кодекса Российской Федерации и статью 67 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»², в соответствии с которым дети, проживающие вместе в одной семье и при этом обладающие общим местом жительства, наделяются правом приема на обучение по основным общеобразовательным программам дошкольного образования и некоторым другим программам преимущественно перед другими. Это положение распространяется только на государственные и

муниципальные организации, в которых обучаются старшие сестры и братья.

Предусмотренные названными законами изменения представляют собой дополнительные гарантии детям, воспитывающимся в одной семье, на получение образования. Обусловлены данные изменения необходимостью реализации права на образование. Данное право представляет собой один из основных видов прав ребенка и обязанностей родителей. Определение указанных прав и обязанностей установлено как в СемК РФ, так и Конституцией РФ, а также международными договорами³. Родители обязаны обеспечить получение детьми общего образования. Кроме того, они вправе выбирать вид образовательной организации, в которой будет обучаться их ребенок, а также возможные формы обучения. Родители или в соответствующих случаях законные опекуны несут ответственность за образование, воспитание и развитие ребенка. Интересы ребенка являются предметом их основной заботы. В соответствии с Конвенцией ООН о правах ребенка 1989 г., государства-участники должны оказывать надлежащую помощь в выполнении родителями и лицами их заменяющими своих обязанностей по воспитанию детей [3].

В соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» прием детей на обучение в образовательные организации (исключительно государственные и муниципальные) осуществляется прежде всего на основе принципа проживания на той территории, где находится соответствующая организация (за которой закреплена образовательная организация). Но зачастую из-за недостатка мест в наиболее престижных и обеспечивающих высокое качество обучения школах устроить ребенка исходя из предпочтений родителей было проблематично. Все это едва ли способствовало развитию и укреплению семейных отношений, а также потенциальным возможностям решения демографических проблем.

Предпосылкой разработки законопроекта стали проблемы с зачислением детей в ту же школу, где проходят обучение их старшие родственники. Эти проблемы существуют давно и характерны для многих регионов. Например, в Тверской области и Санкт-Петербурге их удалось решить на уровне

¹ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019 (часть V). – № 49. – Ст. 6970.

² См.: Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53. – Ст. 7598.

³ См.: Семейное право : учебник / под ред. П. В. Крашенинникова. – М. : Статут, 2007.

законодательства субъектов РФ. В некоторых регионах прокуратура обращала внимание на недопустимость включения в учредительные документы муниципальных образовательных организаций положений о преимущественном праве при зачислении в 1-й класс детей, имеющих старших братьев и сестер, обучающихся в муниципальном общеобразовательном учреждении, и требовала принять меры к недопущению органами образования подобных нарушений впредь, а также усилению контроля в этой сфере. На федеральном уровне до недавнего времени вопрос не решался, хотя такие попытки и предпринимались.

Разлучение родственников (сестер и братьев) – это не просто неудобство для семьи. Хорошо, если школы совсем рядом с домом, но для детей 6–8 лет передвижение особенно в крупных городах самостоятельно представляет опасность. При этом не всегда семья полная и у обоих родителей или дедушек, бабушек, других родственников есть возможность водить детей в разные детские сады, школы и обратно, особенно в условиях нестабильной эпидемиологической обстановки, когда планируется обучение по сменам, без продленного дня и т. п. В том случае если в семье даже двое детей учатся в разных организациях, доставить их к началу занятий, зачастую в значительно отдаленные друг от друга школы представляется довольно затруднительным, в том числе с учетом того, во сколько начинается рабочий день у родителей, а иногда это и вовсе невозможно. Еще больше проблем возникает в многодетных семьях. В первую очередь это касается безопасного передвижения детей по пути в школу и обратно. Нелегко реализовать при этом и право на полноценный отдых детей, поэтому у родителей возникает масса проблем с осуществлением трудовой деятельности, особенно в неполных семьях. Актуальной является ситуация, при которой многодетные семьи могут изменить место жительства, при этом прежде всего в крупных городах прием детей на обучение в одну школу также является весьма затруднительным.

Принятие законов было не первой попыткой решения проблем обучения братьев и сестер в одной школе, однако предыдущие проекты, как правило, не связывали предлагаемые изменения с семейными отношениями, с правом ребенка не просто получить образование, а реализовать его в контексте семейных отношений, возможности

жить и воспитываться в семье, права на общение с братьями и сестрами.

Так, в 2019 г. депутатами Государственной Думы Д. Е. Шилковым и др. был внесен проект Федерального закона № 670563-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», предусматривающий установление права первоочередного зачисления на обучение по образовательным программам начального общего образования в образовательные организации отдельных категорий граждан, а именно детей педагогических работников в школы, в которых работают их родители; младших детей в семьях с тремя и более детьми на обучение в учреждения, в которых обучаются их старшие братья и сестры, за исключением приема на обучение в порядке перевода, и который был отклонен, поскольку право на образование гарантируется независимо от происхождения, социального и должностного положения, а правила приема в государственные и муниципальные образовательные организации на обучение по основным общеобразовательным программам должны обеспечивать прием всех граждан, имеющих право на получение общего образования соответствующего уровня, если иное не предусмотрено Федеральным законом, а также прием в образовательную организацию граждан, имеющих право на получение общего образования соответствующего уровня и проживающих на территории, за которой закреплена указанная образовательная организация, когда устанавливаются отдельные случаи первоочередного приема в образовательные организации на обучение по образовательным программам начального общего образования не только расходится с одним из конституционных принципов системы образования в Российской Федерации, но и ставит в неравные условия детей работников иных (в том числе и бюджетных) сфер¹.

Ранее в 2015 г. Новгородской областной Думой был разработан проект Федерального закона № 784450-6 «О внесении изменений в статью 67 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». Это проект был направлен на определение права граждан из многодетных

¹ См.: Заключение Комитета по образованию и науке «На проект Федерального закона № 670563-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». – URL: СПС «КонсультантПлюс».

семей на получение общего образования в одной организации. Также проекты Федерального закона № 233214-6 «О внесении изменений в статью 67 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»¹, № 319426-6 «О внесении изменения в статью 67 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»² стали попыткой в разрешении указанных проблем, однако и они были отклонены как ограничивающие территориальную доступность образовательных организаций для тех граждан, которые проживают на близлежащей территории и имеют право на получение образования соответствующего уровня.

При реализации норм названного федерального закона «О внесении изменений в статью 54 Семейного кодекса Российской Федерации и статью 67 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и выработке подзаконных актов необходимо учитывать следующие проблемы, которые могут возникнуть в правоприменительной практике. В настоящее время на федеральном уровне вопросы приема в образовательную организацию граждан регулируются Правилами приема в государственные и муниципальные образовательные организации на обучение по основным общеобразовательным программам, утвержденными Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 22 января 2014 г. № 32³, которые обеспечивают прием в образовательную организацию граждан, имеющих право на получение общего образования соответствующего уровня и проживающих на территории, за которой закреплена указанная образовательная организация. Письмом Минпросвещения России от 3 февраля 2020 г. № ВБ-159/04 «О порядке приема в образовательные организации в 2020 году»⁴ разъяснено, что прием на обучение в организацию, осуществляющую образовательную деятельность, проводится на принципах равных условий приема для всех поступающих, за исключением лиц, которым в соответствии с Федеральным законом об образовании предоставлены особые права (преимущества) при приеме на обучение.

Так, изменениями, внесенными Федеральным законом № 411-ФЗ в статью 67 Федерального закона об образовании, а также статью 54 Семейного кодекса Российской Федерации, установлено право преимущественного приема на обучение по основным общеобразовательным программам дошкольного образования и начального общего образования в государственные и муниципальные образовательные организации, в которых обучаются их сестры и братья.

Прежде всего, необходимо учесть некоторые особенности законодательства об образовании, в частности, особенности поступления детей в школы с повышенным уровнем требований на конкурсной основе. Очевидно, что в некоторых гимназиях, лицеях могут обучаться дети, имеющие определенный уровень, которому не всегда соответствуют их братья и сестры. В этом случае преимущество должно возникать лишь при прохождении конкурса, т. е. при прочих равных условиях. В противном случае школы, которые имеют соответствующую специализацию и определенный уровень, могут их утратить и при этом будут нарушены права тех детей, которые соответствуют требованиям такой школы.

В то же время реализация норм названного закона не всегда дает необходимый эффект. Это касается прежде всего тех регионов, где в последнее время происходила реорганизация путем объединения школ в одно юридическое лицо, при этом здания объединенных школ находятся иногда на расстоянии нескольких километров. В последнее время отмечаются случаи зачисления ребенка в образовательную организацию, в которой обучается сестра или брат поступающего, но при этом здание школы, куда направляется ребенок, не совпадает со зданием обучения старших детей. И такое распределение происходит нередко не в силу объективных обстоятельств, а исходя из свободных мест в учебном учреждении. Так, например, в Москве школы зачастую разделены на структурные подразделения, которые совпадают с ранее действовавшими школами, каждое из которых имеет начальные классы, но при этом ребенка зачисляют не в то отделение, где учатся его родственники, а в другое, принадлежащее соответствующей образовательной организации. Проблема заключается в том, что под термином государственные и муниципальные образовательные организации понимаются не здания школ, а юридическое лицо, в связи с чем формально ребенка принимают в

¹ Внесен депутатом Государственной Думы И. Н. Игошиным.

² Внесен Законодательным Собранием Еврейской автономной области.

³ URL: <http://www.pravo.gov.ru>

⁴ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73481878/>

образовательную организацию, где обучаются его братья или сестры, а фактически не удается достичь реализации права на посещение той же школы по территориальному принципу, на что был направлен Федеральный закон № 411-ФЗ «О внесении изменений в статью 54 Семейного кодекса Российской Федерации и статью 67 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». Представляется, что толкование данной ситуации не только с точки зрения обучения в организации, в которой обучаются братья или сестры, но и с точки зрения террито-

риальной доступности при наличии нескольких структурных подразделений организации, находящихся в разной степени удаленности от места жительства родственников, должно было быть дано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» (Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1998. – № 7).

Список литературы

1. Беспалов Ю. Ф. Некоторые проблемы применения семейного законодательства в части государственной охраны и защиты ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью и пути их решения // Семейное и жилищное право. – 2019. – № 4. – С. 4–7.
2. Косова О. Ю. Обеспечение доступности образования для несовершеннолетних // Законность. – 2017. – № 4. – С. 6–10.
3. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации, Федеральному закону «Об опеке и попечительстве» и Федеральному закону «Об актах гражданского состояния» / под ред. П. В. Крашенинникова. – М. : Статут, 2012.
4. Процевский В. А., Голикова С. В. Особенности конституционно-правового статуса ребенка в Российской Федерации // Семейное и жилищное право. – 2020. – № 6. – С. 29–31.
5. Швабауэр А. В. Институт отобрания ребенка у родителей: недостатки правового регулирования и пути разрешения проблем // Российская юстиция. – 2020. – № 10. – С. 42–44.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2021-1-19-39>

Проблематика реализации свободы совести и свободы вероисповедания в период становления электронного государства в Российской Федерации (правовой и нормативно-религиозный аспекты)

Д. С. Петренко

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Petrenko.DS@rea.ru

The Problems of Realizing Freedom of Conscience and Freedom of Religion during the Formation of an Electronic State in the Russian Federation (Legal and Regulatory and Religious Aspects)

D. S. Petrenko

PhD of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Civil Legal Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: Petrenko.DS@rea.ru

Аннотация

В статье анализируются проблемные аспекты реализации права на свободу совести и свободу вероисповедания в контексте проводимой в России официальной политики по формированию системы электронного правительства в период 1990–2010-х гг. Автором на основе рассматриваемого в публикации теоретического, законодательного и богословского материала делается вывод о перманентной конфликтности между правовым регулированием и административной деятельностью электронного правительства в его специфическом российском варианте, с одной стороны, и некоторыми религиозными нормами, мировоззрением ортодоксальных православных христиан, их конституционными религиозными правами – с другой. Делается акцент на фактах правовой и неформальной дискриминации в рамках электронной государственности прав лиц, отказывающихся по религиозным мотивам от использования в публичном пространстве информационно-коммуникационных технологий. Причинами разрыва между системой «электронное правительство» и православным миром определяются избыточные технократизм, оптимизм и энтузиазм лиц, определяющих актуальную политику реализации концепта «электронного правительства». Для решения этих проблем предлагается развивать комплекс правовых средств, предоставляющих гражданам возможности гарантированного выбора между информационно-коммуникационными и традиционными технологиями взаимодействия с государством.

Ключевые слова: цифровое правительство, информационно-коммуникационные технологии, индивидуальный номер налогоплательщика, электронная (цифровая) идентификация личности, персональные данные, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна.

Abstract

The article analyzes the problematic aspects of the realization of the right to freedom of conscience and freedom of religion in the context of the official policy pursued in Russia on the formation of the system of electronic government in the period of the 1990–2010s. The author, based on the theoretical, legislative, and theological material considered in the publication, concludes that there is a permanent conflict between the legal regulation and administrative activities of the electronic government in its specific Russian version, on the one hand, and some religious norms, the worldview of resistant Orthodox Christians, their constitutional religious rights, on the other hand. Emphasis is placed on the facts of legal and informal discrimination in the framework of «electronic statehood» of the rights of persons who refuse to use information and communication technologies in the public space for religious reasons. The reasons for this gap between the system of «electronic government» and the

Orthodox world are determined by excessive technocracy, optimism, and enthusiasm of those who determine the current policy of implementing the concept of «electronic government». To solve these problems, it is proposed to develop a set of legal means that provide citizens with the opportunity to choose between information and communication and traditional technologies of interaction between the state.

Keywords: digital government, information and communication technologies, individual taxpayer number, electronic (digital) identification of a person, personal data, personal and family secrets.

Сегодня в пространстве государства и права постоянно проектируются, апробируются, трансформируются и с поразительной быстротой меняются многочисленные государственно-управленческие сущности, содержанием которых является широкомасштабное внедрение информационных коммуникативно-сетевых технологий в деятельность государства. Казалось, еще совсем недавно, пять – десять лет назад, мейнстримом были «электронная демократия», «электронное управление», «электронное государство», «электронный парламент», «электронное правосудие», а сегодня в актуальной повестке – иные восходящие тренды – «цифровое государство», «цифровое правительство», «цифровая дипломатия», «цифровое общество» и т. п.

Об одном из упомянутых концептов – инновационной идее электронного правительства (*electronic government*, или *e-government*) – в странах Запада заговорили еще в 90-х гг. XX в. [32; 33], понимая под этим термином систему организации власти, основанную на фронтальном внедрении современных информационно-коммуникационных технологий в деятельность государственных органов и учреждений с целью повышения эффективности, доступности и прозрачности их деятельности. Заметим, что здесь понятие «правительство» используется скорее не в узком смысле как определение только лишь высшего органа исполнительной власти, а в более широкой трактовке как синоним государства вообще. Данную теорию органично дополняла другая популярная тогда доктрина, предполагавшая создание «сервисно ориентированного государства» (*service oriented state*) [17], т. е. государства, предоставляющего различные услуги¹ своим гражданам в интерактивной форме [1]. Именно эти две концепции и были по-

ложены в основу создания в ряде зарубежных стран новейших форм организации и функционирования органов публичной власти, построенных на широком применении ими информационно-коммуникационных технологий.

В Российской Федерации, следующей в кильватере этой международной административной моды на информационную революцию в управлении, в середине 1990-х гг. власти начали формировать отдельные общенациональные электронные системы и сервисы, наибольшую известность из которых у россиян приобрели автоматизированные базы налогоплательщиков (начали формироваться в 1994–1999 г.), пенсионного страхования (действует с 1996 г.), а также связанные с ними индивидуальные номера налогоплательщиков (ИНН) и страховые номера индивидуальных лицевых счетов (СНИЛС).

С начала нулевых годов идея электронного правительства в России стала обретать конкретные правовые очертания. В 2002 г. была принята федеральная целевая программа «Электронная Россия»², основной целью которой провозглашалась информатизация деятельности государственных органов. В 2008 г. федеральным правительством принимается концепция, предполагавшая необходимость создания электронного правительства³, на основе которой по поручению тогдашнего Президента Российской Федерации Д. А. Медведева была подготовлена и в 2010 г. официально утверждена программа «Информационное общество», определяющая стратегию формирования и базовые параметры электронного правительства, а если брать шире – электронного государства, на ближайшее десятилетие

¹ Именно под влиянием этой доктрины в России в 2010-х гг. в политическом, правовом и информационном дискурсе произошла замена термина «государственные функции» на «государственные услуги». Например, это нашло отражение в названии и содержании принятого в 2010 г. Федерального закона № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

² См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 28 января 2002 г., № 65 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 5. – Ст. 531.

³ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 мая 2008 г. № 632-р «О Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 20. – Ст. 2372.

тие¹. С этого времени понятие «электронное правительство» обретает официальный статус и стратегическое целеполагание. Государство начинает кампанию по широкой информатизации своих структур и функций, в первую очередь тех, которые связаны с коммуникациями между публичной властью и гражданами.

Именно в первые годы становления электронного правительства были приняты отдельные законы, составившие своего рода каркас электронной государственности, многие элементы которого актуальны до сих пор. Среди них наиболее значимыми стали законы «О персональных данных» (2006 г.), «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (2006 г.), «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» (2007 г.), «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» (2008 г.), «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (2009 г.), Федеральный закон «Об организации предоставляемых государственных (муниципальных) услуг» (2010 г.), «Об электронной подписи» (2011 г.) и др.

6 мая 2012 г. был издан Указ Президента Российской Федерации № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления»², в котором определялись перспективные планы и контрольные цифры вовлеченности граждан в процесс использования технологий получения государственных и муниципальных услуг в электронных форматах. Указом, в частности, предусматривалось, что к 2018 г. количество таких граждан должно достичь уровня в 70%, при этом показатель удовлетворенности граждан качеством предоставления государственных и муниципальных услуг планировался на уровне не менее 90%. Можно с определенной долей уверенности сказать, что именно эти контрольные цифры во многом подстегнули российскую бюрократию к тем

перегибам, которые можно было наблюдать в повседневной практике добровольно-принудительного навязывания электронно-информационного инструментария гражданам и его продавливания в различные сферы жизни общества.

В итоге, согласно официальным отчетам, эти показатели были достигнуты³, но какой ценой? Очевидно, что многие граждане стали клиентами государственных электронных услуг под явным административным нажимом, не испытывая к этому особого желания. У тех, кто знаком с историей нашего государства здесь невольно возникают параллели и ассоциации с эксцессами политики коллективизации 1920–1930-х гг. или бюрократическими методами антиалкогольной кампании 1980-х гг.

К середине 2010-х гг. практически полностью сложилась и информационно-коммуникационная инфраструктура электронного правительства, а фактически, если учитывать информационные ресурсы не только исполнительной, но и законодательной, а также судебной ветвей власти, – широкомасштабного электронного государства. Уже в 2016 г. в стране функционировали 355 федеральных и более 2 000 региональных государственных информационных систем (ГИС) [7], чем были во многом исчерпаны задачи данного проекта. После этого начался новый этап, когда на основе информационно-технологического фундамента, заложенного электронным государством стало создаваться новейшее цифровое государство, нацеленное на решение более амбициозных задач. Этот процесс всеобъемлющей цифровизации сейчас протекает на наших глазах.

При этом электроника и цифра изначально были детерминированы в каждом из этих двух упомянутых постмодернистских концептов государства будущего. Различие между ними заключалось лишь том, что если в идее электронного государства делался упор на развитие информационно-коммуникационных технологий, процессов и услуг для граждан, то в концепции цифрового государства акцент уже ставится на информации и данных об этих гражданах, преимущественно цифровых (отсюда и название) Поэтому необходимо не столько противопоставлять модели электронного и цифрового государств,

¹ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 октября 2010 г. № 1815-р «О государственной программе Российской Федерации "Информационное общество (2011–2020 годы)"» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 46. – Ст. 6026.

² См.: Указ Президента Российской Федерации № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 19. – Ст. 2338.

³ Перевыполнен показатель доли граждан, использующих электронные государственные услуги. – URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/37922/>

сколько говорить о их преемственности. Причем электронное государство, или, иными словами, *кибергосударство первого поколения*, не исчезло бесследно. Скорее сейчас наблюдаются его перестройка, модернизация и приспособление под задачи цифровизации, т. е. его реструктурирование в цифровое государство, являющееся, по сути, *кибергосударством второго поколения*. Ряд экспертов полагает, что принципиальной разницы между электронным и цифровым вариантами такого государства нет, а смена вывесок здесь в большей степени осуществляется в полном соответствии с текущими международными постмодернистскими цифровизаторскими веяниями и не отражает каких-либо серьезных различий между ними.

Тем не менее нарративы, связанные с внедрением новейших электронных и информационно-цифровых технологий в жизнь российского государства, с течением времени изменялись. Первоначально в официальных, медийных и доктринальных источниках в актуальной повестке речь шла не о цифровом, а об электронном государстве (правительстве). Цифровым¹ в России оно стало называться лишь относительно недавно, в конце минувшего десятилетия.

Этими обстоятельствами во многом объясняется факт отсутствия в современном научном лексиконе, причем не только в его юридической, но и в информационно-технической составляющей, однозначных подходов к дефинированию понятий «информационные технологии», «электронные технологии», «цифровые технологии» и четкого определения соотношения между ними. Дефинитивный аппарат здесь крайне противоречив и неустойчив. Если в 2010-х гг. применительно к функционалу электронного государства было сформировано обобщенное и адекватное понятие «информационно-коммуникационные технологии» (ИКТ), то сейчас на фоне стремительного роста количества политических заявлений и научных дискуссий о цифровизации нет единодушия в определении как самого этого явления, так и смежных терминов «цифровые технологии», «цифровое государство», «цифровая экономика» и т. д.

Поэтому полагаем целесообразным в настоящей публикации и в актуальной лексике научных текстов, во-первых, придерживаться одной из популярных точек зрения, которая определяет цифровые технологии как разновидность технологий информационных (наряду с аналоговыми технологиями). Во-вторых, весь комплекс способов, методов, механизмов, процессов и средств обработки, хранения, распространения и использования информации обозначить традиционным понятием «*информационно-коммуникационные технологии*», одной из составляющей которых являются цифровые технологии [2. – С. 78]. Применительно к рассматриваемым в данной публикации вопросам это тем более резонно, если учесть, что они связаны с периодом становления в России электронного государства, который определяется в пределах середины 1990-х – первой половины 2010-х гг. В то время о цифровых технологиях еще говорили мало, и наиболее используемым было понятие ИКТ. В-третьих, по причине тесной взаимосвязи между понятиями «информационный» и «цифровой» видится вполне логичным введение в специальную лексику пока еще редко используемого термина «*информационно-цифровые технологии*» [20. – С. 42–61], сочетающего в себе прежние и нынешние лексические средства, маркирующие многообразные аспекты процесса внедрения в государственное управление технологий, порожденных информационной революцией.

Отраженный в данной публикации исследовательский интерес к аспекту свободы совести и свободы вероисповедания применительно именно к этапу становления электронного правительства и проникновения ИКТ в сферу управленческих практик российского государства связан с тем, что в этот период возник и начал усиливаться конфликт между официальной политикой по ускоренному внедрению информационных технологий и религиозными убеждениями значительной части верующих россиян. Ведь именно тогда, в первые годы политики сплошной информатизации публично-властного пространства, возникли основные проблемы, которые вызывали и вызывают до настоящего времени неприятие как самих ИКТ, так и используемого государством бескомпромиссного, навязчивого стиля их продвижения в жизнь граждан.

Необходимо отметить, что с самого начала осуществления политики по реализации в России концепции электронного правительства в дискур-

¹ Впервые понятие «цифровизация» было применено в отношении экономики (*digital economy*) в 1995 г. американским ученым Николасом Негропonte [35].

сивном плане оно пропагандируется как передовая, современная и соответствующая интересам общества система государственного управления, действующая на благо человека, позволяющая перейти к предоставлению государственных услуг в наиболее эффективных, доступных и отвечающих запросам россиян форматах, способствующая их вовлечению в процессы принятия решений публичного характера, а также увеличивающая степень прозрачности и подотчетности государственных органов власти гражданам. Говоря образно, речь идет о воплощении принципа «ноль бумаги», «ноль чиновников» и «ноль проблем взаимодействия» [29. – С. 51].

Один из энтузиастов внедрения ИКТ в деятельность государства, третий Президент Российской Федерации Д. А. Медведев, в 2010 г., характеризуя плюсы этой системы организации государственной власти, заявлял, что «электронное правительство и электронное управление – это невозможность получить через Интернет бумажный бланк и потом отнести его в соответствующее ведомство, а возможность получить электронную услугу, не выходя из своей комнаты»¹.

Несмотря на всю оптимистичную риторику *фанатичных идеологов* электронной государственности, которые в своих панегириках пророчат электронно-цифровым инновациям ослепительные перспективы, в обществе сегодня есть немало критиков и скептиков, обращающих внимание на то, что эти новейшие инструменты могут использоваться, как во благо, так и во вред гражданам. При этом сегодня власти сфокусировали свое внимание исключительно на решении задач эксплозивного распространения ИКТ и отчасти – на вопросах безопасности их применения, но они упускают из виду различные аспекты соблюдения прав и свобод человека, игнорируя то обстоятельство, что современные информационно-цифровые технологии оказывают, как положительное, так и отрицательное воздействия на тонкую материю гуманитарного измерения личности.

Случайно или преднамеренно создателями электронного государства была проигнорирована опасность, таящаяся в потенциальных тоталитарных возможностях, изначально заложенных в самой природе, структуре и логике существования любого государства, как бы оно не именовалось и на чем бы не основывалось, которые

неизменно нацелены на постоянное, непреклонное стремление к трансгрессии границ государственного контроля и влияния, т. е. преодолению любых ограничений на пути к установлению всепроникающего воздействия на страну, общество и личность. И именно новейшие информационно-коммуникационные технологии открывают колоссальные, ранее неведомые возможности для воплощения этих трансгрессивных устремлений государства в реальность. В таком контексте электронное, цифровое и тому подобное государство видится в перспективе не столько заботливым сервисным «бюро добрых услуг», сколько инструментом беспрецедентной эксплуатации человека, утратившего какие-либо гарантированные возможности для сохранения личной экономической, политической, семейно-бытовой и мировоззренческой автономии.

Известный христианский публицист А. Кураев в свое время весьма проницательно заметил, что эти информационные технологии со временем предоставят такие средства контроля и влияния на граждан, «о которых не могли и мечтать диктаторы XX столетия... Но в распоряжении гипотетических тиранов XXI или XXII столетия эти технологии уже будут! И в этом случае частному человеку придется, конечно, весьма и весьма затруднительно...» [25].

Эти опасности осознаются современными интеллектуалами, в том числе известными российскими правоведами [9; 15; 30; 31. – С. 1075–1082]. Проблема им в целом видится в том, что строители «светлого цифрового будущего» все меньше обращают внимание на такие рудименты и сантименты, как права, свободы человека и на иные конституционные трюизмы. В первую очередь это касается всего того, что определяет границы пространства личной, в том числе внутренней свободы индивида – его личной и семейной тайны, неприкосновенности частной жизни, необходимости получения согласия на сбор, хранение, использование и распространение информации об этой частной жизни, тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, свободного передвижения и, конечно же, свободы совести и вероисповедания, включая право действовать в соответствии с религиозными убеждениями. Причем, на последнем из упомянутых проявлений личной свободы, закрепленных в статье 28 Конституции Российской Федерации, свободах совести и вероисповедания необходимо сделать

¹ URL: <https://www.audit-it.ru/news/account/240908.html>

особый акцент. Ибо в общественных и научных дискуссиях относительно минусов и плюсов электронного государства правового характера, как правило, рассматриваются проблемы роста киберпреступности, резкого увеличения количества различных недобросовестных манипуляций с приватными цифровыми сведениями (в том числе персональными данными граждан), проявления неэффективности защиты чести, достоинства и деловой репутации лиц, пострадавших от распространения цифровой информации, новые вызовы для интеллектуальной собственности и авторских прав, аспекты использования персональных цифровых данных враждебными иностранными акторами во вред национальной безопасности и личности их носителя, способы снижения киберрисков при осуществлении электронных платежных транзакций и многое иное. А в некоторых научных публикациях авторами даже всерьез обсуждаются правовые аспекты футуристических сценариев цифровизации, во многом напоминающие научно-фантастические технократические антиутопии.

За редким исключением, мимо внимания общественности, в том числе научной, проходят актуальные тенденции и проблемные аспекты воздействия цифровых технологий на взаимосвязанные, пересекающиеся в своем содержании конституционные свободы совести и вероисповедания, суть которых заключается в праве иметь и выражать в установленных законом рамках любые религиозные и иные убеждения¹. В том случае если исследования этой сферы правоотношений и проводятся, то они, как правило, осуществляются в конформном ключе и посвящены тем возможностям, которые предо-

ставляют новые информационные технологии «киберверующим» в рамках «интернет-церкви» (internet church) и мира «киберрелигий». Анализируются различные симулякры «интерактивного пространства для души и духа» (interactive soul space). Исследуется «миссионерский потенциал технологий chat room, newsgroup, mailing list» и иных сетевых инструментов религиозной пропаганды [34]. В рамках этой апологии информационно-коммуникационных технологий находятся и рассуждения авторов о том, что «церковь сегодня признает важность интерактивной сети и присутствия в ней», о «необыкновенной коммуникативной мощи» Интернета, позволяющей решить проблему географического распространения и отдаленности верующих от Святой Земли» [8. – С. 91–100; 11. – С. 373–381; 13. – С. 291–293; 28. – С. 1137145] и об иных аспектах инновативности традиционных и новейших религий, их совместимости с технологическими новшествами.

Вместе с тем ни в актуальной законодательной и правоприменительной повестке, ни в юридическом научном сообществе практически не дискутируются те крайне болезненные и реальные угрозы, которые таят в себе информационно-цифровые технологии для содержательной части свободы вероисповедания – неприкосновенности религиозного мировоззрения, образа жизни и возможности полноценного существования многих верующих в случае сохранения ими своей религиозной идентичности, если они по вероучительным мотивам отказываются от навязываемых властями, причем как правило, на безальтернативной основе, различных средств, процедур и практик ИКТ.

Более того, в обществе, экспертной среде и властных структурах к религиозным противникам ИКТ формируется негативное отношение. Общепринятым становится их огульное определение чуть ли не мракобесами, врагами прогресса, марзматиками, лицами, извращенно, неверно и некомпетентно трактующими духовные вопросы, склонными к фобиям и оккультизму, что дает повод не считаться с их позицией. При этом, как правило, никто из представителей информационно-цифрового истеблишмента, ИКТ-лобби и провластного научного сообщества не утруждает себя диалогом с этими гражданами, нарочито игнорируя их мнения, аргументацию и проблемы, даже не пытаясь разобраться в их сути.

Не исключая того, что зачастую такая позиция является преднамеренной и нацеленной на

¹ В настоящий момент наиболее частым, исторически установившимся в российском правоведении подходом к пониманию свободы совести, является ее трактовка в качестве нравственного и юридического права граждан на свободное определение своего отношения к религии, выражающегося в возможности выбирать и исповедовать ту или иную веру [4. – С. 9]. Высказываются, однако, вполне обоснованные мнения о том, что свобода совести не относится исключительно к сфере религии, а является более широким понятием, охватывающим как пассивный компонент (право убеждений, причем не только религиозных, но и моральных), так и преимущественно активный (свободу вероисповедания). Под последним понимается совокупность права исповедовать веру, совершать религиозные обряды, открыто возвещать о своих религиозных убеждениях, о своей принадлежности к определенному религиозному течению [12. – С. 57].

стремление причинить сознательный ущерб православию и православным, вместе с тем необходимо констатировать, что многие политики, tecnocrаты и правоведы не знают или не понимают всех богословских тонкостей тех религиозных оснований, которые подталкивают православных ортодоксов к столь «странному», на взгляд человека с секулярным мировоззрением, упорству в отрицании информационно-коммуникационных технологий.

Попробуем, хотя бы отчасти, сделать это в настоящей публикации, оперируя при этом не только правовыми, но и религиозными нормами, поскольку без учета последних крайне сложно объективно уяснить суть нарушений религиозных прав значительной части российских граждан, их озабоченность складывающейся ситуацией и оценить адекватность правового регулирования столь неоднозначного узла проблем.

Причем акцент будет сделан на христианском вероучении, поскольку именно в его источниках содержатся наиболее четкие догматы, имеющие отношение к цифре, вследствие чего, именно в среде христианской общественности (в первую очередь православной, в определенной мере католической¹ и в малой степени протестантской) вероисповедные и светские проблемы информационно-цифровых технологий наиболее активно дискутируются. Для иных традиционных религий, которые ввиду объективных историко-культурных причин имеют на территории Российской Федерации, помимо православия, существенный численный приоритет (ислам, буддизм, иудаизм и др.), рассматриваемая в данной публикации проблематика или не носит столь острого характера, каким она является для православных христиан, или вообще не является существенной.

Предваряя краткий обзор религиозных норм и авторитетных мнений церковных деятелей, необходимо отметить, что он, во-первых, в силу незначительного формата и жанра научной статьи, вы-

бранной для данной публикации темы, предполагающей исследование преимущественно юридических аспектов рассматриваемой проблемы, не претендует на полноценный обзор всех вероучительных аспектов, а тем более различных направлений внутрицерковной полемики по этому сложнейшему вопросу актуальной православной повестки. Во-вторых, акцент будет делаться на теологических основаниях позиции именно тех православных верующих, которые являются противниками тех или иных информационно-цифровых средств, форм и атрибутов, так как именно с неприятием данных инноваций этими гражданами связан конфликт между их свободой вероисповедания, с одной стороны, и действующими нормами российского права, и характером администрирования в сфере информационно-государственного управления – с другой.

В общем плане суть имеющейся проблемы заключается в том, что, решая, безусловно, важные (фискальные, правоохранительные и иные) задачи публичного характера по учету, сбору данных и идентификации граждан, но с опорой исключительно на ИКТ, без представления гражданам другой, альтернативной, неэлектронной модели идентификации² и аутентификации³, официальные должностные лица и структуры провоцируют перманентный, скрытый а зачастую и явный антагонизм между своими властными интересами и религиозно-нравственными взглядами, а также соответствующими конституционными свободами тех россиян, чьи внутренние духовные убеждения не приемлют разнообразных электронных учетов, машиночитываемых записей, индивидуальных номеров, кодов, биометрических и тому подобных маркеров, определяющих сквозную идентификацию их личности. Потому с позиций их веры данные инновации имеют богоборческое содержание, что оскорбляет религиозные чувства этих людей и несовместимо с христианским мировоззрением.

¹ Католицизм занимает в отношении ИКТ сдержанную, двойственную позицию. Например, нынешний Папа Римский Франциск, выступая 28 сентября 2019 г. перед руководителями IBM и Microsoft приветствовал «замечательные» технологические разработки современной эпохи, но напомнил, что они требуют открытых и конкретных дискуссий для решения проблемы растущего присутствия искусственного интеллекта во всех областях деятельности человека, что достижения в развитии этого интеллекта не должны вести к новой форме варварства, где общее благо оставлено на верховенство закона сильнейших [36].

² Идентификация – соотнесение человека с его цифровым образом.

³ Аутентификация – установление подлинности, достоверное определение того, что, вступивший в контакт с системой объект, действительно является тем, за кого он себя выдает, его опознание, процесс сравнения реальных биометрических параметров личности с теми данными, которые предварительно были в отсканированном, оцифрованном виде, помещены в базу данных и зафиксированы в микрочипе.

В первую очередь этих взглядов сегодня придерживается значительная часть россиян, относящихся к категории так называемых воцерковленных, или, говоря иначе, – ортодоксальных¹ православных верующих, т. е. тех, кто ясно понимает, что цель христианской жизни – спасение², знаком с основами христианского вероучения, догматики и ведет ортопраксальный³ образ повседневной жизни на основе приоритета норм христианства.

В чем же конкретно эти верующие усматривают умаление своих религиозных прав и свобод в случае внедрения в их жизнь информационно-цифрового инструментария?

Во-первых, неприятие информационно-цифровых средств персонализированного учета и контроля сводится к исключительно острому, можно даже сказать драматическому для православного сообщества, едва не вызвавшему на рубеже 1990 – 2000-х гг. раскол православного мира, вопросу. Связан он с тем, что в процессе присвоения гражданину индивидуального номера налогоплательщика (ИНН), других цифровых персональных идентификаторов, а также при их последующей кодировке, хранении и распространении в информационно-коммуникационном пространстве, прямо или косвенно может быть использовано обозначение трех закодированных шестерок – числа «зверя» (антихриста). То есть случайно или преднамеренно, но в этих маркерах электронной персонификации человека при их последующей обработке и обороте в коммуникационных сетях используется цифровое сочетание, имеющее провокационно-кошунственный характер, оскорбляющее религиозные чувства и смущающее совесть православных верующих.

Библейские нормы о дьявольской (антихристианской) сущности этого цифрового сочетания, способах его фиксации и распространения содержатся в Апокалипсисе (Откровении) Святого Апостола Иоанна Богослова. Приведем полностью

богословский текст ключевого постулата Откровения, в котором говорится об этом, поскольку именно он лежит в основании оппозиции православных верующих к цифровым идентификаторам личности: *«И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их, и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его. Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть»*⁴.

Сделаем акцент на том, что это прямая цитата из Нового завета – источника, обладающего высшей силой в иерархии православных норм, игнорирование которых верующими в их мировоззренческой системе ведет к явному греху и утрате возможности спасения. Об этом также недвусмысленно сказано в Апокалипсисе: *«... Кто поклоняется зверю и образу его и принимает начертание на чело свое, или на руку свою, тот будет пить вино ярости Божией, ..., и будет мучим в огне и сере пред святыми Ангелами и пред Агнцем; и дым мучения их будет восходить во веки веков, и не будут иметь покоя ни днем, ни ночью поклоняющиеся зверю и образу его и принимающие начертание имени его...»*⁵.

Упоминание «числа зверя» в негативной коннотации встречается также и в иных фрагментах Апокалипсиса⁶.

Именно по этим основаниям воцерковленные православные христиане испытывают унижение и отвращение к навязываемым им «числам зверя» и цифровым именам.

С этим связан еще один, воспринимаемый православным мировоззрением как греховный, подтекст в предназначенных государством персональных идентификаторах. Суть его в том, что человеку при заполнении некоторых официальных бланков, необходимых для получения услуг электронного государства, предлагаются к подписанию их безальтернативные форматы, в которых в виде штрих-кода или иного электронного варианта присутствует «число зверя – три шестерки». То, что это не пустые выдумки религиозных отщепенцев, а официальное мнение Рус-

¹ Этимологически термин ортодокс связан с греч. ὀρθός – правильно, δόξα – думать, верить.

² «...Спасение, говоря общепринятым языком, есть избавление человека от греха, проклятия и смерти... и в даровании ему вечной святой жизни в общении с Богом...» [16. – С. 4, 22]. «... Вопрос о личном спасении человека – это важнейшая истина христианского учения, («*graecepius locus doctrinae christianaе*») ...» [3. – С. 12].

³ От греч. πρᾶξις – делать. По аналогии с ортодоксией – правильно верить, образовано понятие «ортопраксия» – правильно делать, жить, поступать.

⁴ См.: Апок. 13:16–18.

⁵ См.: Апок. 14, 9–11.

⁶ См.: Апок. 19, 20 и 20, 4.

ской православной церкви (РПЦ) следует из заявления ее Священного Синода от 7 марта 2000 г.¹: «В некоторых документах содержится или будет содержаться штрих-код – изображение чисел в виде линий разной толщины. Каждый из этих кодов заключает в себе три разделительные линии, графически совпадающие с символом, принятым для цифры «6». Таким образом, в штрих-кодах по воле создателей международной системы заключено изображение числа 666, которое упомянуто в книге «Откровения святого Иоанна Богослова» как число антихриста (Откр. 13:16–18), а посему используется сатанинскими сектами для оскорбления Церкви и христиан.... разработчики глобальной системы штрих-кода, ... избрали символ, оскорбительный и тревожный для христиан, что выглядит по крайней мере как дерзостная насмешка».

Упомянутые выше новозаветные нормы формируют отрицательное отношение православных христиан к «дьявольскому начертанию» – «печати антихриста». И это отрицание является одним из ключевых моментов в определении ими образа настоящей жизни и проецировании загробной участи.

Во-вторых, отторжение цифровых идентификаторов и верификаторов православными ортодоксами связано с вероучительным аспектом *недопустимости замены человеческого имени христианина на обезличенный цифровой код*. Об этом, например, весьма однозначно сказано в Обращении Митрополита Почаевской Лавры Владимира и братии этой Лавры (от 16 октября 2012 г. № 91/И) на имя Патриарха Московского и всея Руси Кирилла: «...Обязательное и поголовное присвоение гражданам цифровых идентификаторов вместо имен, данных при крещении, однозначно трактуется в свете апокалиптических пророчеств св. апостола Иоанна Богослова... С духовной точки зрения – *добровольное принятие и использование человеком цифрового имени, вместо имени христианского, а также электронных документов – носителей его, является деянием греховным, равнозначным отречению от Христа*».

О том, что речь здесь идет именно о замене имени на номер, недвусмысленно свидетель-

ствуют формулировки российского налогового законодательства, в первую очередь Налогового кодекса РФ, в части 7 статьи 84 которого императивно установлено: «*Каждому налогоплательщику присваивается единый на всей территории Российской Федерации по всем видам налогов и сборов идентификационный номер налогоплательщика*».

Причем для IT-технологий учета именно данный номер (цифровой код) имеет определяющее значение, он является ключевым идентификатором, паролем для создаваемых баз данных о гражданине. Этот идентификатор не несет никакой информации об обычных опознавательных данных объекта учета (человека). Все остальные данные о человеке, сформированные и обрабатываемые в системе «умного государства» и «умной экономики» (имя, фамилия, отчество, дата рождения и иные естественные, «живые» сведения о личности) являются дополнительными атрибутами к этому сквозному номеру, свойствами ячейки системы, соответствующей упомянутому номеру. У этой ячейки есть имя, уникальное и неповторимое, но это цифровое имя – бездушный номер. И поскольку сегодня очевиден тренд на повсеместное проникновение информационно-цифрового учета и идентификации практически во все сферы жизнедеятельности человека, данное цифровое имя будет употребляться для распознавания личности и ее коммуникаций вместо того имени, которое человек получил при рождении (крещении). Тем более что имя, отчество или фамилия могут меняться в случаях вступления в брак, по иным семейным и личным обстоятельствам, при монашеском постриге и в иных ситуациях, а ИНН и иные цифровые «имена» – никогда.

В результате именно личный цифровой код перманентно будет становиться неперменным условием доступа человека к участию в экономической, общественной и политической жизни и к каким-либо благам. Притом что любые попытки гражданина использовать свое нареченное имя при общении с бюрократическими, правоохранительными и иными властными структурами, социальными службами, банковско-финансовыми учреждениями, любыми субъектами легальной экономики, будут обречены на неудачу без обязательной цифровой самоидентификации.

Любой же, кто не откажется от этой перспективы по религиозным или иным убеждениям, столкнется с большим числом непреодолимых житейских трудностей, которые ставят его вне

¹ См.: Заявление Священного Синода Русской православной церкви, 7 марта 2000 г. – URL: <https://mospat.ru/archive/page/synod/2000-2/395.html>

закона и вне экономической системы, т. е. фактически переводят в позицию маргинала, изгоя постмодернистского государства и общества.

В церковном диалоге, литературе и публичных общественных дискуссиях не раз звучало предложение о замене формулировки «индивидуальный номер налогоплательщика» на более нейтральные с религиозной точки зрения фразы. Например, еще в 2001 г. РПЦ обсуждала с Министерством налогов и сборов возможность инициирования в Государственной Думе РФ проекта с предложением об изменениях в Налоговом кодексе, предусматривающих введение взамен индивидуального номера налогоплательщика понятия «номер лицевого счета налогоплательщика – физического лица». Однако этот вопрос до сих пор так и не решен положительно, несмотря на то, что церковь неоднократно просила государственную власть изъять или заменить эту символику «ради Духа Истины и мира в обществе».

Удивительное упорство законодателя, не слышащего любые разумные аргументы и предложения по корректировке формулировок законов, однозначно закрепляющих формат учета граждан в налоговом пространстве только исключительно в виде пресловутого ИНН (*номера* налогоплательщика, т. е. номера человека, а не данных о нем), создает благоприятную почву для возникновения среди верующих мнений и настроений, в том числе конспирологического характера, о преднамеренном антихристианском замысле тех, кто эти нормы разрабатывал и принимал.

В-третьих, отрицание отдельными верующими электронно-цифрового инструментария идентификации связано с опасениями, которые обозначил в одном из своих выступлений видный теолог РПЦ митрополит Волоколамский Иларион. В частности, он отметил, что «кипучая энергия» государства пытается «окончательно порвать с христианством, сдерживавшим ее тоталитарные импульсы», «она бессознательно стремится к установлению абсолютной диктатуры, ... полного контроля над каждым членом общества». Результатом таких процессов, по мнению митрополита, *станут упоминаемые в пророчествах Апокалипсиса «образы тоталитарной империи», которые, воюя «против святых», упо-*

требляют для этой цели «всю свою колоссальную мощь и средства контроля»¹.

В этом контексте ИНН и прочие уникальные, несменяемые, пожизненные и посмертные цифровые номера человека, заменяющие его имя во взаимоотношениях с властными и коммерческими структурами, позволяющие отслеживать все социально значимые действия личности в реальном масштабе времени со всей очевидностью выступают элементами упомянутой тоталитарной системы.

Немалому количеству верующих людей с этим трудно смириться. Принятие внешних персональных цифровых индикаторов, дача согласия на дактилоскопический и иной биоучет, на обработку своих персональных данных и т. п. – *дело греховное и богоборческое, означающее для этих православных христиан переподчинение себя, своей воли хозяевам антихристианской, антихристовой системы.*

Известно, что Иисус Христос в свое время призывал подданных Римской империи платить налоги в пользу кесаря: «итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22. 16–21) [21]. Поэтому христиане в большинстве своем действительно были и являются в настоящий момент законопослушными налогоплательщиками. Проблема только в том, что кесарь, т. е. государственная власть, чем дальше, тем больше своими информационно-цифровыми фискальными и контрольными новациями создает для христианина неразрешимый внутренний мировоззренческий конфликт. Поскольку после приобщения к «дивному цифровому миру», навязываемому властью кесаря, ортодоксальному православному крайне сложно воздавать Божие Богу, сознавая, что он уже не может после этого наследовать Царствие Божие.

В результате вопросы цифровизации личности, в первую очередь принятия или непринятия ИНН и иных цифровых атрибутов, стали восприниматься многими христианами как испытание на верность Христу, так как согласившись, помимо прочего, принять такой номер, православный этим поступком дает свое согласие на ту или иную форму, пускай хотя бы пассивного участия

¹ Выступление митрополита Волоколамского Илариона на конференции «Значение Миланского эдикта в истории европейской цивилизации и актуальные вопросы отношений церкви и государства в современных условиях». 6 апреля 2013 г. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2885605.html>. [43].

в строительстве мирового порядка нового типа, в облике которого просматриваются явные черты царства Антихриста.

В творениях выдающегося богослова-миссионера и подвижника начала XX в., священномученика архиепископа Пермского Андроника (Никольского) сказано: «Пусть никто не верит наговорам обольстителей, которые говорят, что для христианина совершенно безразличен тот или иной порядок гражданской жизни, нет, мы – христиане – в мире живем и из этого мира до времени, определенного Творцом, выйти не можем. А потому нам вовсе не безразлично – что совершается в гражданском нашем быту, ибо тот или иной строй, те или иные порядки жизни могут содействовать или препятствовать делу спасения...»¹.

Поэтому существенная часть православных искренне полагает, что вторжение в жизнь христианина информационно-коммуникационных технологий, в особенности цифровых, при добровольности согласия верующего на их использование, угрожает спасению его души.

Еще 20 лет назад тревога по всем вышеизложенным проблемам была высказана Святейшим Патриархом Алексием II в его докладе на Архиерейском Соборе, состоявшемся 13–16 августа 2000 г.: «Одной из проблем, вызвавших в последнее время серьезную обеспокоенность верующих, стало намерение властей организовать сбор информации о гражданах, которая будет храниться в специальных компьютерных системах. Опасения вызваны несколькими вопросами. Во-первых, предполагается ввести специальные идентификаторы, содержащие определенную информацию о человеке, возможно, не вполне ему известную и подконтрольную. ... Многие верующие полагают, что таким образом будет нарушена тайна личной жизни; мало того, условием получения идентификаторов со временем может стать полное согласие с секулярными, гуманистическими идеологемами... Во-вторых, каждому налогоплательщику присваивается индивидуальный налоговый номер, который некоторыми людьми воспринимается как некое новое «имя», отличное от данного при Крещении. Наконец, вызвало у части верующих смущение присутствие на бланках

заявлений о присвоении налогового номера так называемого штрих-кода...»².

В октябре 2004 г. Архиерейским Собором РПЦ было адресовано Послание Президенту РФ, в котором говорилось: «...Учитывая опасения многих верующих граждан, Собор призывает государственную власть принять во внимание их озабоченность при разработке новых образцов основного документа гражданина России [электронного удостоверения личности], который, как мы считаем, не должен содержать отметку о личном коде, а также какие-либо данные, неизвестные или непонятные владельцу документа. Необходимо приложить все усилия, чтобы развитие законодательства и административной практики в сфере идентификации граждан не ущемляло их вероисповедной и мировоззренческой свободы...»³.

На этом РПЦ не прекратила богословского осмысления процессов и тенденций электронной государственности, как и попыток достучаться до власти, с целью сдерживания перегибов в осуществлении принудительной политики навязывания ИКТ православным россиянам. В 2013 г. РПЦ приняла важный нормативно-религиозный документ под названием «Позиция Церкви в связи с развитием технологий учета и обработки персональных данных»⁴. В нем православная церковь однозначно установила *«обоснованность тревоги»* верующих за *чистоту и свободу исповедания своей веры в случаях использования пожизненно-го персонального цифрового идентификатора*. При этом Церковь официально подтвердила, что причины отрицания православными верующими идентификационной системы, использования документов с электронными идентификаторами личности *«религиозно мотивированы»* (курсив мой. – Д. С.), т. е. они не являются маргинальными, беспочвенными страхами и фобиями. Церковь также *«...разделяет опасения граждан и считает недопустимым ограничение их прав в случае отка-*

¹ Ищенко Борис (иерей). Память святых Царственных мучеников. – URL: <http://www.arhangel.pravorg.ru/2016/07/22/pamyat-svyatyx-carstvennyx-muchenikov/>

² Русская Православная Церковь на рубеже веков : доклад Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на Архиерейском Соборе Русской православной церкви 13 августа 2000 г. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/421863.html>

³ Послание Архиерейского Собора Русской православной церкви Президенту Российской Федерации В. В. Путину, 6 октября 2004 года // <https://mospat.ru/archive/2004/10/7805/>

⁴ Документ принят Освященным Архиерейским Собором Русской православной церкви 4 февраля 2013 г. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/2775107.html>

за человека дать согласие на обработку персональных данных»¹.

Нельзя при этом забывать, что современный верующий проживает не в хрустальной башне, а в обществе, причем обществе преимущественно нерелигиозном.

Поэтому, рассматривая теологические аспекты ИКТ, необходимо учитывать, что этот вопрос имеет два измерения: религиозное и секулярное. Как мы установили выше, ревнителей христианства и некоторых иных конфессий в рассматриваемом модернистском процессе волнуют в первую очередь вопросы вероучительные. Но политика по активному внедрению ИКТ в пространство взаимодействия личности и государства также в существенной мере затрагивает права россиян, не имеющих радикальных религиозных воззрений, равно как права и тех, кто вообще придерживается атеистических убеждений.

Ведь даже современная безрелигиозная светская мораль, существующая в дискурсе секулярной идеологии и этики, не признает нарушения этической и юридической автономии личности (тайны личной жизни, приватного пространства, законной финансовой деятельности субъекта), которая, увы, в случае использования ИКТ, и особенно идентифицирующих цифровых инструментов, легко может быть нарушена. Например, в техническом плане использование идентификационных номеров человека (в частности, ИНН) позволяет собирать информацию о его конкретных действиях (покупках, обращениях в медучреждения, перемещениях) и предпочтениях (вкусах, увлечениях, личных контактах), что по сути является запрещенным законодательством сбором информации о частной жизни граждан.

Электронно-информационная трансгрессия государства является угрозой пространству свободы не только лиц, исповедующих религию, но и вообще всех граждан, их праву жить в обществе в соответствии со своими морально-нравственными императивами, принципами и убеждениями (причем, не обязательно религиозными). Любому человеку, как верующему, так и атеисту, мало радости доставляет бесцеремонное вмешательство в свою частную жизнь, проникновение в интимные пределы личного повседневного быта,

давление на автономию определения модели собственного поведения, на свои нравственно-мировоззренческие ориентиры.

Довольно унижительно осознавать, что твои отношения с государством строятся на основе твоего расчеловечивания — оцифровки твоей личности и унижающей твое достоинство замене данного от рождения имени на номерной маркер, что к тебе относятся как к вещи, которую пометили инвентарным номером, как к помеченному тавром животному в стаде, или, что еще унижительней, как к заключенному концентрационного лагеря, коему присвоен лагерный номер.

Действительно, возможно ли игнорировать историческую память нашего народа, в которой неизгладимый след оставили зверства фашистов и их приспешников в концлагерях, что прочно ассоциируется с практикой присвоения в этих фабриках смерти людям обезличивающих номеров и клеймением этими номерами. Причем эти факты на Нюрнбергском процессе рассматривались в негативном ключе как античеловеческая практика и безусловное нарушение права. А отрицательное отношение к этим деяниям как преступлению против человечности на процессе со всей очевидностью явствует из контекста материалов Нюрнбергского трибунала².

Одним из излюбленных аргументов-софизмов, выдвигаемых апологетами ИКТ является энтима: «Человек, которому нечего скрывать, информационно-коммуникационных технологий наблюдения, надзора, контроля не должен бояться». И если следовать этой искаженной логике далее, то очевиден детерминированный вывод — все сторонники электронного (цифрового) государства являются законопослушными и добропорядочными гражданами, коль скоро они не рефлексируют по поводу цифровой слежки за со-

² Например, в материалах Трибунала приводится текст Директивы Верховного главнокомандования германскими вооруженными силами от 20 июля 1942 г. № 3142/42 OPF/IVii «О клеймении советских военнопленных опознавательным знаком». Клеймение указывается как один из элементов программы действий нацистов против евреев наряду с лишением их прав, собственности, применением к ним насилия, ссылки, рабства, подневольного труда, голода, убийств и массового истребления. Трибуналом были исследованы и осуждены как преступления против человечности многочисленные факты присвоения людям номеров и клеймения (татуирования) ими лиц, содержащихся в немецких лагерях и еврейских гетто [18 — С. 40; 136; 277; 441; 444; 448; 665; 811; 872; 875; 877].

¹ Документ принят Освященным Архиерейским Собором Русской православной церкви 4 февраля 2013 г. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/2775107.html>

бой. А все его противники, не приемлющие цифрового надзора, становятся в последовательности такого измышления латентными правонарушителями и девиантными личностями – «врагами государства». Однако при этом полностью игнорируется тот факт, что умные средства информационно-коммуникационного контроля позволяют отслеживать не только соблюдение гражданами норм права, но и иных социальных норм (морали, нравственности, религии, обычаев, традиций и т. п.), соблюдение или несоблюдение которых и составляет внутреннее содержание предусмотренных статьей 23 Конституции РФ прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, честь и доброе имя.

Ведь информационно-коммуникативные инструменты мониторинга за различными сферами жизни гражданина, будучи *техническим средством неизбежного действия*, также позволяют контролирующим субъектам отследить, узнать и проанализировать потребительские предпочтения, медицинские проблемы, специфические бытовые привычки, политические и религиозные взгляды, характер и подробности взаимоотношений с родственниками, социальные контакты с иными лицами, особенности полового поведения и интимные связи, своеобразие эмоций, чувств и переживаний, а также другие подробности приватной жизни гражданина, не имеющие совершенно никакого отношения к его законопослушности – неукоснительному соблюдению юридических норм.

Вместе с тем это впоследствии открывает широчайшее поле для шантажа человека, манипулирования его поведением и иных злоупотреблений этими «дополнительными» избыточными сведениями. Многочисленные факты преднамеренных утечек конфиденциальной информации о личной жизни тех или иных политиков, бизнесменов, оппозиционеров, медийных личностей и простых граждан только подтверждают эти суждения об опасности ИКТ для личной свободы граждан.

Недавно Президент РФ В. В. Путин заявил, что «наши планы повсеместного внедрения искусственного интеллекта, цифровой трансформации по глубине изменений во всех сферах аналогов не имеют. Они действительно затронут каждого человека, каждую семью...» [26]. Что ж, можно сказать, что они уже в существенной мере вторгаются в личное пространство и семейный мир россиян. Но рады ли сами граждане бесцеремонному вниманию и навязчивому вмешатель-

ству в свою частную жизнь со стороны электронного (цифрового) государства и частных субъектов «подглядывающего капитализма»¹, – это большой вопрос, негативную сторону которого нельзя заглушить никакой бравурной пропагандой и фигурами умолчания.

Интересен в связи с этим опыт Германии, где Федеральный Конституционный суд (далее – ФКС Германии) еще в 1983 г. признал право на информационное самоопределение необходимым конституционным благом. Суд усмотрел угрозу свободному демократическому строю, которая может возникнуть при современных информационных технологиях в отсутствие у гражданина контроля за сбором данных о нем самом. В решениях ФКС неоднократно отмечалось, что человек не знающий, какая информация о нем и образе его действий собирается, а также сохраняется, и не имеющий возможности на это повлиять, *из осмотрительности станет следить за своим поведением*, а это наносит *ущерб индивидуальной свободе*. Также подчеркивалось, что только в защищенном и недоступном для постороннего контроля пространстве происходит *раскрытие личности в частной жизни, выражение ощущений и чувств, мыслей, взглядов, переживаний личного свойства, проявления подсознательных эмоций и формы выражения сексуальности*. Как утверждает комментирующий эти правовые позиции ФКС Германии немецкий юрист Герхардт Баум, «приватность – это сверхпотребность человека» [5. – С. 69; 70; 72; 73]. Следуя этой логике, можно охарактеризовать информационное самоопределение человека не только как право на знание им окружающей действительности, но и право на незнание окружающими ничего о частной жизни самого человека. В связи с этим профессор университета города Майнца Уве Фолькер говорит о новейшем понимании сферы приватной жизни, как о «... про-

¹ Этот новый термин ввел профессор Гарвардской школы бизнеса Ш. Зубофф в своем рассуждении о сущности «...новой логики накопления, которую можно назвать «капитализмом наблюдения» («подглядывающим капитализмом», «капитализмом слежки»), для которого "Большие данные" являются одновременно условием и выражением. ...Эта новая информационная форма капитализма (его организации и собственности) нацелена на прогнозирование и изменение человеческого поведения как средства получения дохода и контроля над рынком... «Большие данные» – это теперь основная цель стратегий коммерциализации...» [10. – С. 75–77].

странстве, закрытом от сообщества и его требований, неполитической, свободной от государства [т. е. неподконтрольной ему] сфере, где человек может раскрыться, следуя своим правилам и своим целям...» [5]. И здесь, по мнению Г. Баума, «самые интимные пространства нашего коммуникативного существования должны быть защищены от непрошенного яркого света, кто бы его не включал – государство или просто посторонний человек» [5. – С. 74].

Неуклонное же расширение диапазона сбора, объемов обработки и масштабов учета электронных персональных данных, нарастающая в геометрической прогрессии цифровизация документооборота, средств информационно-цифрового контроля за перемещениями граждан, повсеместное внедрение безальтернативных электронных денежных расчетов и т. п. означают, помимо прочего, усиление незащищенности граждан перед административным и экономическим давлением, навязывание невыгодных человеку моделей поведения, управление и манипулирование людьми через регулирование электронных статусов и т. п.

Поэтому главное, что может и должно обеспечить государство, в том числе посредством адекватного правового регулирования, – сохранение человека, его облика и уязвимого пространства гуманности, не позволив себе поддаться желанию одним радикальным скачком, наперекор всему, осуществить очередную, на этот раз информационно-цифровую, революцию. Ибо сколько уже было таких «скачков», «переломов» и «революций» в отечественной истории, которые заканчивались национальной катастрофой и миллионами личных трагедий.

Трудно при этом отрицать, что длительное время современное российское государство выдерживало нейтральную, сбалансированную линию в рассматриваемом вопросе.

Общая официальная позиция на этот счет несколько лет назад была выражена Государственно-правовым управлением Президента РФ в том смысле, что «...любые формы принуждения людей к использованию электронных идентификаторов личности автоматизированных средств сбора, обработки и учета персональных данных, личной конфиденциальной информации, недопустимы»¹.

В федеральном законодательстве принцип демократического самоопределения гражданина в решении им вопросов использования или неиспользования ИКТ, согласия или несогласия на обработку своих персональных данных и не дискриминации его по этому поводу, тоже нашел свое закрепление.

В Конституции РФ (ст. 24) еще с 1993 г. действовала норма, запрещающая «...сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица...» без его на то согласия.

Кроме того, в соответствии с нормой статьи 28 Конституции РФ, продублированной в пункте 1 статьи 3 Федерального закона № 125-ФЗ от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях» в России было гарантировано право каждого не только свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения, но и действовать в соответствии с ними. А пункт 3 этой же статьи Федерального закона № 125 запретил устанавливать преимущества, ограничения или иные формы дискриминации в зависимости от отношения к религии².

Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» устанавливалось правило об обязательной даче добровольного согласия гражданина на их обработку «свободно, своей волей и в своем интересе».

Другим законом от 27 июля 2006 г. № 137-ФЗ в пункт 7 статьи 84 Налогового кодекса РФ был добавлен абзац 6, содержащий принципиально важную норму: «...Физические лица, не являющиеся индивидуальными предпринимателями, вправе не указывать идентификационные номера налогоплательщиков в представляемых в налоговые органы налоговых декларациях, заявлениях или иных документах, указывая при этом [вместо этого] свои персональные данные ...».

Государственные власти России попытались также найти компромисс с верующими в другом вопросе. В 2000 г. Министерство по налогам и сборам предоставило гражданам при получении ИНН возможность не подписывать каких-либо

Кириллу от 22 января 2014 г. № А6-403, подписанное помощником Президента Российской Федерации, начальником управления Л. Брычевой. – URL: www.patriarchia.ru

² См.: Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (ред. от 5 февраля 2018 г.) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 39. – Ст. 4465.

¹ Разъяснение Государственно-правового управления Президента Российской Федерации Святейшему Патриарху

заявлений на этот счет, а заполнить краткую анкету налогоплательщика¹.

Кроме того, паспортно-визовым законодательством² гражданам предоставлялась возможность при получении иностранного паспорта:

— либо получить такой документ в формате, содержащем электронные носители информации с записанными на них персональными данными владельца паспорта, включая биометрические персональные данные (изображение папиллярных узоров 2 пальцев рук владельца документа);

— либо получить традиционный паспорт (в форме бумажного буклета), не содержащий упомянутых сведений.

Заметим, однако, что уже здесь была заложена определенная дискриминация – биометрический паспорт выдается на 10 лет, а обычный – на 5 лет. Ничем иным, кроме как попыткой властей стимулировать таким образом граждан получать именно биометрические паспорта, данное различие адекватно объяснить сложно.

Длительное время также действовал в полном, не усеченном виде закрепленный в Федеральном законе № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» генеральный принцип вариативности формы предоставления гражданам государственных и муниципальных услуг (в зависимости от желания гражданина – с использованием ИКТ или без такового)³. Однако приведенных выше политических заявлений и правовых норм уже в тот период десятилетней давности было явно недостаточно, так как они, формально устанавливая право и добровольность выбора между элек-

тронно-цифровыми или традиционными способами общения гражданина с администрацией, оставляли человека один на один с конкретными чиновниками или начальниками на работе, обладающими управленческими и экономическими возможностями вынудить человека сделать «правильный выбор» в пользу ИКТ.

При этом в тогдашнем законодательстве существовало немало норм, требующих неукоснительного согласия гражданина на получение цифровых идентификаторов, что создавало перед лицами, отказывающимися от них, практически непреодолимые юридические барьеры на пути реализации ими ряда иных, значимых конституционных прав, помимо прав религиозного характера.

Так, для тех, кто реализует свою конституционную свободу совести и вероисповедания в форме отказа от электронной номерной идентификации и учета своей личности, изначально действует прямой юридический запрет поступления на государственную гражданскую службу. Это следует из того, что лицо, пожелавшее стать госслужащим, обязано предоставить свидетельство о постановке физического лица на учет в налоговом органе, в котором содержится индивидуальный номер налогоплательщика (ИНН)⁴. Аргументированно спорить с тем тезисом, что это противоречит положениям нормы статьи 32 Конституции РФ, провозглашающей *равный доступ* граждан к государственной службе, весьма затруднительно. Так как Федеральный закон детерминировал заключение служебного контракта неукоснительным условием предоставления упомянутого свидетельства, а значит, возможность получения равного и любого иного *доступа* к государственной службе лица, по религиозным убеждениям не получившего такое свидетельство, полностью исключена.

Присвоение ИНН является обязательным условием и для осуществления индивидуального предпринимательства⁵. Данное императивное нормативное требование в свою очередь также

¹ См.: Письмо МНС РФ от 22 сентября 2000 г. № БГ-6-12/753 «Об использовании анкеты при постановке физических лиц на учет в налоговых органах» // Экономика и жизнь. – 2000. – № 45.

² См.: статьи 7, 10 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»; Постановление Правительства РФ от 4 марта 2010 г. № 125 (ред. от 10 февраля 2014 г.) «О перечне персональных данных, записываемых на электронные носители информации, содержащиеся в основных документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, по которым граждане Российской Федерации осуществляют выезд из Российской Федерации и въезд в Российскую Федерацию».

³ См.: Часть 6 статьи 4 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ (ред. от 13 июля 2015 г.) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 31. – Ст. 4179.

⁴ См.: Пункт 6 статьи 26 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.

⁵ См.: Пункт 11 статьи 8 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 33. – Ч. I. – Ст. 3431.

вступает в коллизию с действующей российской Конституцией, статья 34 которой декларирует право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности.

Вполне понятны логически объяснимые ограничения свободы предпринимательства, вводимые посредством лицензирования, надзора за соблюдением пожарных, санитарно-эпидемиологических норм и т. п. Неоспоримы и налоговые обязательства бизнеса перед государством и обществом. Но формы администрирования налогообложения предполагаются соответствующими человеческому достоинству, не нарушающими прав и свобод граждан и предусматривающими для налогоплательщика выбор между вариантами процедур реализации конституционной обязанности уплачивать законно установленные налоги. В случае же с ИНН, как видим, это не так. Для граждан, желающих осуществлять официальное предпринимательство, выбора нет – или согласие на присвоение индивидуального номера налогоплательщика, или невозможность заниматься этой деятельностью. Иначе как дискриминацией, причем дискриминацией преимущественно людей, имеющих твердые религиозные убеждения и за эти убеждения, такую ситуацию назвать трудно.

В результате фактически от госслужбы и массовых (индивидуальных) форм ведения бизнеса отстраняются люди, относящиеся к одной из наиболее идейно мотивированных, патриотичных и традиционалистски настроенных групп граждан. Власть таким образом отказывается от духовного, интеллектуального и нравственного потенциала этих «лишенцев» новейшего, цифрового времени, который мог бы при ином подходе стать одной из наиболее устойчивых социальных опор фундамента российской государственности.

Как уже отмечалось выше, помимо правовых барьеров, существует еще и область реального правоприменения, где лица, отказывающиеся от обретения электронных идентификаторов, все чаще сталкиваются, например, с проблемами трудоустройства, ввиду произвольных, противозаконных требований работодателей об обязательном получении работниками ИНН, страхового номера индивидуального лицевого счета (СНИЛС), электронных подписей, дачи «добровольного» согласия на обработку своих персональных данных, как условия принятия на работу, поскольку «этого требуют финансово-налоговые госорганы» и вообще «это удобнее». Сле-

дование тем или иным новациям информационно-цифровой модернизации зачастую начинает рассматриваться не только, как признак приверженности идеям технологического прогресса в глазах окружающих, но и как проявление законопослушности, благонадежности перед государством, и как демонстрация необходимой для трудоустройства и карьерного роста полной лояльности работодателю.

Сформировалась негласная бюрократическая и производственно-трудовая практика, основанная на подзаконных, ведомственных нормативных актах, устных указаниях ответственных должностных лиц и руководителей, которая ставит возможность реального получения различных налоговых вычетов, социальных выплат, иных государственных и муниципальных льгот, а также трудоустройства, в прямую зависимость от предоставления гражданами электронных идентификаторов, получения ими различных социальных и иных электронных, в том числе чипированных карт, регистрации в личных кабинетах, на официальных порталах, согласия на обработку своих персональных данных и т. п. По сути, – это правовая, трудовая, кадровая, медицинская, социальная и финансовая дискриминация.

Рассматриваемая в данной публикации проблематика, отнюдь не является умозрительной. К сожалению, она стала реальностью уже в первые годы функционирования электронного правительства. Это подтверждается фактами протестных акций, проводимых *гражданами против* курса российских властей на неуклонное продвижение ИКТ в сферу их публичных контактов с государством. Например, в 2015 г. напряженная обстановка в связи с сопротивлением граждан внедрению информационно-цифровых технологий возникла в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе. Поводом послужили действия властей, связанные с планами массовой выдачи местным жителям в порядке эксперимента электронных удостоверений личности российского гражданина в формате универсальной электронной карты (УЭК¹).

¹ УЭК – проект, представляющий собой первую попытку российских федеральных властей внедрить электронные паспорта (удостоверения) взамен традиционных паспортов в виде бумажных буклетов (в 2010–2017 гг.). Однако впоследствии от введения УЭК государство отказалось в связи с неприемлемыми техническими, финансовыми и социальными издержками.

Еще на стадии подготовки¹ этот эксперимент вызвал масштабные протесты и большое число обращений к региональному и федеральному руководству [24] (под коллективным письмом крымчан было собрано более 6 тыс. подписей²). Причинами неприятия УЭК стало закрепление на них носителей цифровой информации, содержащей некорректную, по мнению граждан, исповедующих православие, информацию – персональные, в том числе биометрические данные гражданина в оцифрованном виде. В УЭК должны были размещаться (в визуальной форме, на чипе и в закодированном штрих-коде) более 20 наборов данных о гражданине, в том числе его СНИЛС, ИНН, номер полиса ОМС, информация о детях, брачном (небрачном) состоянии, группе крови, сведения о регистрации по месту жительства, отношение к военной обязанности и пр. В своей петиции православные верующие настаивали на выдаче им удостоверяющих документов, не имеющих графу «личный код» и кощунственную символику, противоречащую их религиозным убеждениям. Они также выдвигали требования о получении государственных и муниципальных услуг без обязательного использования цифровых способов идентификации и учета личности.

Удивляет выбор именно крымского региона для проведения столь неоднозначного социального эксперимента. Пожалуй, трудно было найти более неподходящее место и время для этого. Мало того, что данная акция привносила дополнительные затруднения в и без того сложный процесс интеграции присоединяемых территорий в состав Российской Федерации. Инициаторами эксперимента не были учтены отдельные специфические особенности населения, проживающего на этой территории. Например, на Украине православные верующие еще за десять лет до

того в упорном противостоянии с официальными властями обрели право отказываться от индивидуального налогового номера с удалением этого номера из базы налоговых органов и фиксацией в паспорте гражданина отметки о том, что он имеет право осуществлять любые платежи без использования ИНН [14]. Эта длительная борьба украинских православных верующих, в том числе тех из них, которые проживали в крымском регионе, сформировала общий мировоззренческий фон их негативного отношения к любым информационным технологиям идентификации личности. Получалось так, что, уйдя из-под националистического гнета киевских властей, вернувшись в лоно Российского государства, наши соотечественники в вопросе электронной свободы обрели меньшие возможности, чем те, которые у них были на Украине. Сложно было найти более удобный повод для антироссийской пропаганды на полуострове. Особенно, если учесть, что высшее политическое руководство России в своих публичных выступлениях продвигает тезис о Крыме как колыбели русского православия³.

На необходимость тщательной проработки любых законодательных норм, регулирующих процессы внедрения и применения информационно-коммуникационных технологий с позиций обеспечения конституционных прав верующих на свободу совести и вероисповедания, неоднократно делала акцент Русская православная церковь.

Так, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, выступая в 2015 г. перед российским парламентом предложил вполне взвешенный подход к разрешению рассматриваемой проблемы: «Люди должны иметь право выбора – получать документы, удостоверяющие личность в виде пластиковых электронных карточек или в традиционном виде, с использованием электронных

¹ Экспериментом предполагалось выдать жителям Крыма и Севастополя 300 тыс. электронных удостоверений на добровольной основе, притом что по состоянию на 29 июня 2015 г. на территории Крымского федерального округа уже было выдано около 2 млн паспортов обычного образца на бумажном носителе в виде многостраничного буклета без электронного носителя информации. (См.: Письмо директора Федеральной миграционной службы Российской Федерации уполномоченному по правам человека в Российской Федерации от 29 июня 2015 г. № КР-1/10-7884).

² См.: Письмо Председателя Государственного Совета Республики Крым В. А. Константинова уполномоченному по правам человека в Российской Федерации от 10 марта 2015 г. № 28-39/111.

³ Об этом, например, заявил Президент РФ В. В. Путин в Послании к Федеральному собранию Российской Федерации 4 декабря 2014 г.: «...именно здесь, в Крыму, в древнем Херсонесе, или, как называли его русские летописцы, Корсуни, принял крещение князь Владимир, а затем и крестил всю Русь... И именно на этой духовной почве наши предки впервые и навсегда осознали себя единым народом. И это дает нам все основания сказать, что для России Крым, древняя Корсунь, Херсонес, Севастополь имеют огромное цивилизационное и сакральное значение...» (См.: «О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства» : Послание Президента Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. – URL: <http://www.kremlin.ru>)

носителей информации или без таковых. Использование автоматизированных средств сбора, обработки и учета персональных данных, особенно конфиденциальной информации, должно производиться только на добровольной основе. Со ссылкой на то, что это удобно для бюрократов, нельзя тотально внедрять эти технологии»¹.

Кстати, аналогичный подход сформулирован в правовой позиции Конституционного суда РФ, зафиксированной в его Постановлении от 22 июня 2010 г. № 14-П: «цели же одной только рациональной организации деятельности органов власти не могут служить основанием для ограничения прав и свобод»².

Резюмируя сказанное, необходимо отметить, что столь длительное и упорное сопротивление значительной части православного сообщества технологии ИНН, иным цифровым кодам и многим другим информационно-цифровым технологиям, не может интерпретироваться исключительно как результат агитации сторонников парабогословских фобий, фанатиков-отщепенцев, а также преднамеренных врагов церкви и российской государственности. По-видимому, эта проблема затрагивает основы духовной жизни многих ревнителей христианства. Для этих людей вопрос принятия цифрового кода, штрих-кода, QR-кода, чипов и т. п. явлений информационно-цифрового мейнстрима становится вопросом верности Христу.

Кроме этого, можно заключить, что библейские и иные теологические основания для неприятия многих, в первую очередь идентификационных и контрольно-аналитических инструментов электронного (цифрового) правительства, православными верующими в христианском вероучении есть. Их опасения по этому поводу с точки зрения канонов православия не являются беспочвенными, а отторжение ими новых практик использования ИКТ в том формате, который сейчас предлагается государством, религиозно мотивировано.

Налицо также усиление ортодоксальных начал в общей позиции РПЦ по данному вопросу. Если на рубеже 1990–2000-х гг. церковь прояв-

ляла осторожность и по соображениям внутреннего (нежелание создавать поводы к конфессиональному расколу) и внешнего характера (надежды на сотрудничество с государством в данном вопросе) высказывала подчеркнуто неполитическое, по возможности нейтральное отношение к ИКТ (в первую очередь к ИНН), то по мере стремительного роста присутствия инфокоммуникационного и электронно-цифрового инструментария в деятельности государства, начиная со второго десятилетия XXI в., акценты в оценках этого явления в официальной позиции РПЦ стали смещаться в пользу признания религиозной обоснованности опасений и отказных действий верующих по этому поводу, а также в выдвижении тезиса о необходимости альтернативного правового регулирования, дающего гражданину право выбора между информационно-коммуникационными и традиционными технологиями взаимодействия с публичными властями.

Одной из причин конфликта, разрыва между системой электронного правительства и православным миром, является неоправданно резкий уклон в технократизм, излишний оптимизм и опасный энтузиазм лиц, определяющих актуальную политику информатизации, а теперь и цифровизации, т. е. всех высокопоставленных чиновников, провластных экспертов, а также ответственных исполнителей на местах из числа сторонников рассвета новой цифровой эры, существующих в своем собственном измерении, которые не соотносят свои прорывные инновационные идеи и действия, с реалиями и спецификой политического, экономического, а главное, социального, в том числе религиозного, пространства России. При этом от реальных процессов, связанных с разработкой принципиальных (а не второстепенных) стратегических документов, политических решений и ключевых законов по вопросам информатизации, цифровизации, цифровой трансформации т. п., практически устранены представители православной церкви и руководящих структур иных конфессий, а также значимые общественные организации, юристы, социологи, культурологи, другие гуманитарии, имеющие альтернативную точку зрения на эти процессы, или хотя бы те, кто может рационально критиковать их.

Кроме того, можно, по-видимому, говорить о наличии неразрешимого мировоззренческого конфликта между религиозной идеологией православного христианства и идеологией электрон-

¹ См.: Выступление Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации 22 января 2015 г. – URL: <http://www.patriarchia.ru>

² Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 27. – Ст. 3552.

ного правительства и всех прочих версий очередного электронного, цифрового или иного инновационного проекта, основанного на отрицании классической веберовской бюрократической системы государственного управления в угоду передовым информационным технологиям.

В этих условиях значительная часть граждан Российской Федерации, исповедующих православие, была поставлена перед драматическим выбором: или отказ от несовместимых с их мировоззрением информационно-коммуникационных технологий в отношениях с властью и связанные с этим трудности, лишения, или полное подчинение системе, но против своей христианской совести.

Как результат, сформированная в период становления электронного государства информационно-цифровая среда, стала антагонистичной для любого человека, отказавшегося исходя из своих, предусмотренных статьей 28 Конституции РФ религиозных или иных убеждений, от присвоения ИНН, СНИЛС, ЭЦП и прочих электронных идентификаторов, а также от дачи согласия на обработку своих персональных данных. Человек, пожелавший таким образом реализовать свою свободу совести и вероисповедания, автоматически оказывался существенно ограниченным, а зачастую вообще лишенным отдельных конституционных прав. И что наиболее тревожно, это коснулось в первую очередь именно жизненно необходимых социально-экономических прав и свобод, в том числе закрепленных в соответствующих статьях Конституции РФ важнейших прав на социальное обеспечение, государственные пенсии и пособия (ст. 39), охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41), трудовых прав (ст. 37). Кроме того, такие граждане фактически оказались лишенными доступа к государственной службе (ст. 32 Конституции РФ) и возможности реализовать свободу предпринимательской деятельности (ст. 34) в ее индивидуальной форме. С внедрением в жизнь россиян информационно-цифровой идентификационной системы, те из них, кто ее отвергает, оказались нередко лишенными возможностей поступать в учебные заведения, приобретать проездные документы, осуществлять имущественные сделки, коммунальные платежи и др. В целом это поставило под сомнение доступность для электронно-цифровых диссидентов благ декларированного в российской Конституции (ст. 7) социального государства и создало преграды на пути полноценного использования возможностей свободной экономи-

ки, гарантированных конституционными нормами (ст. 8; 9; 34; 35; 36). Под угрозой оказались и личные права православных верующих, как, впрочем, вообще многих россиян, на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ст. 23 Конституции РФ), а также на недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о их частной жизни без личного на то согласия (ст. 24 Конституции РФ).

Решение этих проблем видится в применении светскими властями нынешнего российского государства взвешенного подхода, который предложил Освященный Архиерейский Собор Русской православной церкви, прошедший в феврале 2013 г.: «... Особенно важным Собор считает соблюдение принципа добровольности при принятии любых идентификаторов, предполагающего возможность выбора традиционных методов удостоверения личности. Собор призывает власти государств канонического пространства нашей Церкви придерживаться данного принципа. При этом необходимо проявлять уважение к конституционным правам граждан и не дискриминировать тех, кто отказывается от принятия электронных средств идентификации»¹.

Следование упомянутому принципу добровольности предполагает, что законодатель и правоприменитель будут создавать, сохранять и развивать комплекс правовых средств, предоставляющих гражданам возможности гарантированного выбора между информационно-коммуникационными и традиционными технологиями взаимодействия с государством.

Это представляется необходимым, поскольку исходя из логики норм российской Конституции любому верующему человеку государством должно быть обеспечено гарантированное и неоспоримое право поступать сообразно совести, религиозно-мировоззренческим ориентирам, не будучи отрешенным за это от значимых благ, жизни общества и государства.

В пылу административной горячки, осуществляемой в духе свойственных российской государственности традиций кампанейщины по ускоренному внедрению в жизнь россиян очередных, на

¹ См.: Позиция Церкви в связи с развитием технологий учета и обработки персональных данных (документ принят Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 4 февраля 2013 года). – URL: www.patriarchia.ru/db/print/2775107.html

этот раз информационно-цифровых новаций, российскому законодателю и правоприменителю нельзя забывать, что свобода совести и вероисповедания дает человеку право не обосновывать свои убеждения перед кем-либо, а значит он имеет право просто верить. При этом доказывать данное право на упомянутую свободу кому-либо он не обязан, поскольку имеет все законные (в первую очередь конституционные) основания для того, чтобы государство считалось с этой

свободой. Принуждение же его поступать вопреки религиозным и иным убеждениям является ничем иным, как давлением на религиозный выбор личности, открытым произволом и нарушением прав человека. Такой путь связан с опасностью для всех ревнителей православного благочестия, для свободы мировоззренческого самоопределения личности как таковой.

Список литературы

1. Азизов Р. Ф. Проблема соотношения терминов «электронное правительство» и «электронное государство» в современном информационном праве // Вестник Владимирского юридического института. – 2014. – № 4 (33). – С. 135–143.
2. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М. : ИКАР, 2009.
3. Архимандрит Сергей (Страгородский), ныне Митрополит Московский. Православное учение о спасении. – Казань : Типо-Литография Императорского университета, 1898.
4. Архирейская Т. Ю. Правовые основы деятельности религиозных объединений в России: история и современность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001.
5. Баум Г. Спасти права граждан. – М. : Сектор, 2015.
6. Гагуа А. К. (Агафангел, игумен). Проблема цифровизации жизни современного общества и культуры в контексте православного мировоззрения. – URL: // <https://bogoslav.ru/article/6024986>
7. Горбачев А. Как будет развиваться рынок ИТ в госсекторе в ближайшие годы? – URL: https://filearchive.cnews.ru/files/reviews/2016_04_05/13_Gorbachev.pdf
8. Ермакова М. В. Использование интернет-коммуникаций святым престолом и Русской православной церковью // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2014. – № 1. – С. 91–100.
9. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире // Российская газета – Столичный выпуск. – 2018. – № 7578 (115).
10. Зубофф Ш. Большой Другой: Надзорный капитализм и перспективы информационной цивилизации // Journal of Information Technology. – 2015. – № 30. – С. 75–77. –DOI: 10.1057/jit.2015.5.
11. Иванов А. В. Цифровая религия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2018. – № 4. – С. 377–381.
12. Иванюк О. А. Свобода совести и свобода вероисповедания: соотношение понятий и границы законодательного регулирования // Журнал российского права. – 2010. – № 9 (165). – С. 57).
13. Колкунова К. А. Религия и Интернет // Энциклопедический словарь социологии религии / под ред. М. Ю. Смирнова. – СПб. : Платоновское философское общество, 2017. – С. 291–293;
14. На Украине пересчитают тех, кто отказался от ИНН. Седмица. – URL: http://otechestvo.org.ua/vesti/2004_10/v_27_06.htm/
15. Несмеянова С. Э., Колобаева Н. Е., Мочалов А. Н. «Открытое правительство» и права человека // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2018. – № 5 (49). – С. 5–14.
16. Новоселов М. Спасение и вера по православному учению. – М. : Печ. А. И. Снегиревой, 1913.

17. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. А. Н. Нестеренко. Фонд экономической книги «Начала», 1997. Серия «Современная институционально-эволюционная теория».
18. Нюрнбергский процесс : сборник материалов : в 2 т. – Т. 1 / под. ред. К. П. Горшенина, Р. А. Руденко, И. Т. Никитченко. – М. : Юридическая литература, 1954.
19. Обязательное введение электронных паспортов и дактилоскопии – путь к абсолютной диктатуре, – считают в Русской церкви. – URL: <http://www.interfax-religion.ru/print.php?act=news&id=56794>
20. *Осипов Ю. М., Юдина Т. Н., Гелисханов И. З.* Информационно-цифровая экономика: концепт, основные параметры и механизмы реализации // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2019. – № 3. – С. 42–61.
21. От Матфея Святое благовествование // Новый завет Господа нашего Иисуса Христа. – Свято-Введенский монастырь Оптиной Пустынь, 2005. – С. 7–155.
22. Откровение (Апокалипсис) Святого Апостола Иоанна Богослова // Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета (Синодальный перевод). – М. : Московская Патриархия, 1988. – С. 1105–1180.
23. Позиция Церкви в связи с развитием технологий учета и обработки персональных данных (документ принят Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 4 февраля 2013 года). – URL: www.patriarchia.ru/db/print/2775107.html.
24. Православные Крыма отказываются получать СНИЛС, ИНН и паспорт РФ с личным кодом. Пресс-служба Государственного Совета Республики Крым, 2016. – 2 марта. – URL: <http://www.crimea.kz/194097-Glava-parlamentskogo-Komiteta-po-kul-ture-Svetlana-Savchenko-provela-priem-grazhdan.html>
25. Пронумерованные христиане. Интервью с диаконом Андреем Кураевым // Православного обозрения «Радонеж» (спецвыпуск) : сборник материалов. 2001. – № 3–4 (110).
26. Путин заявил о необходимости цифровой трансформации России, 2020. – 4 декабря. – URL: <https://www.tass.ru/ekonomika/10172635>
27. Русская Православная Церковь на рубеже веков : доклад Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 13 августа 2000 г. – URL: www.patriarchia.ru/db/print/421863.html.
28. *Смирнов М. Ю.* Цифровизация как «обнуление религий» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2019. – № 3. – С. 137–145.
29. *Трахтенберг А. Д.* Идеологический концепт электронного правительства: как работает риторика разрыва? // Антиномии. – 2017. – № 2. – С. 51.
30. *Хабриева Т. Я.* Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 9. – С. 5–16.
31. *Шахрай С. М.* «Цифровая» Конституция. Судьба основных прав и свобод личности в тотальном информационном обществе // Вестник Российской академии наук. – 2018. – № 12. – Т. 88. – С. 1075–1082.
32. Alexander J. H., Grubbs J. W. Wired Government: Information Technology, External Public Organizations and Cyberdemocracy. Browning G. Electronic Democracy: Using the Internet to Influence Politics. – Wilton, CT : Online Inc., 1996.
33. *Browning G.* Electronic Democracy: Using the Internet to Influence Politics. – Wilton, CT: Online Inc., 1996.
34. *Menicocci M.* La Rete delle Religioni, 2005. – URL: <http://www.storiadelmondo.com/33/religioni.pdf> in Storiadelmondo, n. 33, 28 marzo 2005.
35. *Negroponte N.* Being Digital. Vintage Books. – New York : Alfred A. Knopf, 1995.
36. *Pullella P., Dastin J.* Vatican Joins IBM, Microsoft to Call for Facial Recognition Regulation, 2020. – February 28. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-vatican-artificial-intelligence/pope-to-endorse-principles-on-ai-ethics-with-microsoft-ibm idUSKCN20M0Z1>).

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2021-1-40-47>

Правовое положение субъекта правоотношений в сфере добычи (производства), переработки, хранения, транспортировки, распределения, оборота и использования энергетических ресурсов: действующее законодательство и проблемные вопросы

И. И. Шувалов

кандидат юридических наук, председатель Государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ».
Адрес: Государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ»,
Москва, 107078, проспект Академика Сахарова, д. 9.
E-mail: pr_shuvalova@veb.ru

Legal Status of the Subject of Legal Relations in the Field of Extraction (Production), Processing, Storage, Transportation, Distribution, Turnover and Use of Energy Resources: Current Legislation and Problematic Issues

I. I. Shuvalov

PhD in Law, Chairman of the State Development Corporation «VEB.RF»
Address: The State Development Corporation «VEB.RF», 9 Academician Sakharov Avenue,
Moscow, 107078, Russian Federation.
E-mail: pr_shuvalova@veb.ru

Аннотация

Данная статья посвящена правовому статусу субъектов правоотношений в сфере ТЭК в действующем законодательстве и является попыткой выявления общих юридических черт у субъектов предпринимательской (иной хозяйственной деятельности), осуществляющих такие принципиально различные, но в то же время взаимосвязанные виды деятельности, как добыча (производство), переработка, хранение, транспортировка, распределение, оборот и использование энергетических ресурсов. Автор данной статьи предлагает разграничение понятий абонента и потребителя энергетических ресурсов, в связи с чем им предлагается определение абонента. Автором указывается на такую уникальную черту субъектов ТЭК, как разграничение правового статуса потребителя энергетических ресурсов на правовое положение потребителя-гражданина и правовое положение потребителя – юридического лица, а также затрагиваются проблемы арбитрабельности споров в сфере ТЭК.

Ключевые слова: право, добыча полезных ископаемых, недра, ТЭК арбитрабельность; принцип акцессии, абонент, потребитель, общераспространенные полезные ископаемые, иностранные инвесторы, газоснабжение.

Abstract

Present article is devoted to the legal status of subjects of legal relations in the field of fuel and energy in the current legislation. It is an attempt to identify common legal features of business entities (other economic activities) that carry out such fundamentally different, but at the same time interrelated activities as extraction (production), processing, storage, transportation, distribution, turnover and use of energy resources. The author offers a distinction between the concepts of a subscriber and a consumer of energy resources, in connection with which they are offered a definition of a subscriber. The author also points out such a unique feature of the subjects of the fuel and energy complex as the differentiation of the legal status of the consumer of energy resources into the legal status of the consumer-a citizen and the legal status of the consumer-a legal entity, and touches on the problems of arbitrability of disputes in the fuel and energy sector.

Keywords: Keywords: law, mining, mineral resources, fuel and energy arbitrability; the principle of excession; subscriber, consumer, common minerals, foreign investors, gas supply.

Правовое регулирование отношений в сфере ТЭК основано, согласно общему мнению ученых-юристов, на комплексном правовом регулировании¹ [3. – С. 12; 7. – С. 63]. Поскольку эти отношения регулируются нормативными актами различной отраслевой принадлежности, адресатом которых является почти неопределенный круг лиц, гораздо проще дать отрицательное определение субъекта ТЭК, указав, какие из субъектов права не являются таковыми.

Более того, субъектом ТЭК юридически может быть организация, состоящая из лиц, являющихся сторонами договора о совместной деятельности (см.: например, ч. 1 и 4 ст. 9 Закона РФ «О недрах», положения Федерального закона «О соглашениях о разделе продукции»²), которая не является юридическим лицом³. Исключением являются разве что иностранные государства и международные межправительственные организации⁴ – российское законодательство не включает их в перечень потенциальных субъектов энергетического права⁵.

В качестве еще одной иллюстрации открытости круга субъектов ТЭК можно привести и то, что хотя обычные физические лица не являются субъектами права пользования недрами, тем не менее элемент принципа акцессии⁶, содержащийся в Законе Российской Федерации «О недрах», предоставляет такой статус физическим лицам – обладателям имущественных прав на земельный участок, поскольку они получают ограниченное право пользования недрами под ним.

Современной тенденцией развития правового статуса субъектов ТЭК стало то, что в их круг входят не только юридические лица и индивидуальные предприниматели, но и их объединения, не имеющие прав юридического лица, – холдинговые структуры.

Субъектами электроэнергетики, например, не являются лишь ее потребители – лица, приобретающие электроэнергию для собственных нужд (бытовых или производственных)⁷. Сама по себе фигура принимающей энергетические ресурсы стороны – абонента – вызывает многочисленные дискуссии. Е. Л. Осипчук, например, высказывает мнение о том, что «...абонент – это потребитель энергии, оборудование которого имеет технологическое присоединение к сетям организации, оказывающей услуги по передаче энергии в качестве основного вида деятельности» [5. – С. 10]. Субабоненты же, по ее мысли, тождественны в правовом отношении потребителям электроэнергии, чье оборудование технологически присоединено к сетям абонента. Таким образом, Е. Л. Осипчук отказывает субабонентам в юридической самостоятельности – они не являются, по ее мнению, стороной договора энергоснабжения [5. – С. 11].

¹ Энергетическое право. Общая часть. Особенная часть : учебник / под ред. доктора юридических наук В. В. Романовой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрист, 2015. – С. 29.

² Классическим объединением такого рода является консорциум. Российские юридические лица также используют такую форму взаимодействия при осуществлении деятельности за территорией Российской Федерации (Национальный нефтяной консорциум, функционирующий на территории Венесуэлы, 80% доли в котором принадлежит ОАО НК «Роснефть», 20% – «Газпромнефть»).

³ Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в своем Определении от 16 октября 2018 г. № 5-КГ18-185 прямо указала на отсутствие тождества понятий организации и юридического лица, указав, что термин «организация» имеет более широкое значение. Однако в целом указание на организацию в текстах нормативных актов тождественно указанию на юридическое лицо.

⁴ Международные неправительственные организации, являясь в отличие от международных организаций юридическими лицами, как раз могут выступать субъектами ТЭК.

⁵ Однако это не означает невозможность их фактического участия в отношениях через юридических лиц, контролируемых им. Неслучайно Федеральный закон от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» вводит ограничения, в том числе на приобретение долей участия в определенных хозяйственных обществах для иностранных государств, международных организаций и для организаций, находящихся под их контролем (ч. 2 ст. 2), причем эти ограничения бо-

лее существенны по сравнению с ограничениями для обычных иностранных инвесторов.

⁶ Принцип следования, согласно которому право на участок недр следует праву на земельный участок. Подробнее см.: [2; 6].

⁷ Согласно статье 3 Федерального закона «Об электроэнергетике», к субъектам электроэнергетики относятся лица, осуществляющие деятельность в сфере электроэнергетики, в том числе производство электрической, тепловой энергии и мощности, приобретение и продажу электрической энергии и мощности, энергоснабжение потребителей, оказание услуг по передаче электрической энергии, оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике, сбыт электрической энергии (мощности), организацию купли-продажи электрической энергии и мощности.

Рядом ученых-юристов предлагается отказ от использования в нормативных актах термина «абонент» и замена его термином «потребитель» ввиду того, что правовой статус абонента и потребителя различается – в качестве потенциального абонента может выступать любое лицо, от которого требуется лишь присоединение энергетических сетей к сетям энергоснабжающей организации. Правовой статус потребителя предполагает, что лицо потребляет энергию [1. – С. 168]. Далеко не все абоненты являются фактически потребителями энергии – некоторые абоненты могут осуществлять ее перепродажу (передачу) без потребления.

Предлагаем следующее определение абонента: лица, принадлежащие которым на законном основании объекты технологически присоединены к сетям энергоснабжающей организации и заключившие договор энергоснабжения, купли-продажи энергетических ресурсов или любой другой договор, предполагающий передачу прав на использование энергии.

Юридическая связь лица с иностранным государством традиционно является существенным фактором, определяющим объем правоспособности того или иного субъекта ТЭК, что является одним из многочисленных исключений из закрепленного Конституцией РФ принципа национального режима. Мы намеренно используем критерий юридической связи как термин, объединяющий многочисленные случаи связанности с иностранными государствами – традиционный критерий инкорпорации¹ постепенно уступает место критерию фактической связи лица с тем или иным правовым порядком. Кроме того, юридическая связь компании с иностранным государством может проявляться в наличии в ее составе участников (акционеров) – юридических или физических лиц иностранных государств.

Это может стать серьезным препятствием для приобретения таким юридическим лицом (или даже для обладания права пользования) опре-

деленного участка недр². В некоторых случаях действующее законодательство ограничивает перечень субъектов права юридическими лицами, либо прямо указывая на юридическое лицо как на потенциального носителя определенного права³ или, указывая *obiter dictum* (с лат. – попутно) на характеристики, которым может обладать исключительно юридическое лицо⁴.

Ряд юридических лиц для обладания статусом субъекта той или иной деятельности в сфере энергетики должен иметь специальную правоспособность, например, статусом угледобывающей организации. Так, в одном из арбитражных решений суды отказали в признании организации угледобывающей, что означало отсутствие у нее права на получение ее контрагентом налоговой выгоды. Такое решение было принято судом ввиду отсутствия у организации, являющейся поставщиком угля по договору, каких-либо разрешений, лицензий или иных документов, свидетельствующих о возможности эксплуатации шахт или разрезов, с которых должен был поставляться уголь⁵.

Формально добыча энергетических ресурсов может осуществляться любым лицом – право пользования недрами может быть предоставлено любым субъектам предпринимательской деятельности в силу положения части 1 статьи 9 За-

² Эта связь может выражаться, во-первых, в регистрации (создании) юридического лица по закону иностранного государства или в случае с физическим лицом – наличии гражданства иностранного государства, а во-вторых, в наличии в российском юридическом лице иностранного участия (иностраных инвестиций).

³ Например, субъекты оптового рынка электроэнергии или гарантирующий поставщик электроэнергии.

⁴ Например, норма абзаца 2 статьи 7 Федерального закона «О газоснабжении», помимо ограничения доли участия иностранных субъектов, ограничивает и перечень возможных организационно-правовых форм собственников региональных систем газоснабжения – в качестве таковых могут выступать исключительно акционерные общества. Такое же правило закреплено и в отношении собственника ЕСГ (ст. 15 Федерального закона «О газоснабжении»). Норма пункта 2 статьи 8 Федерального закона «Об электроэнергетике» прямо указывает на то, что организация по управлению единой национальной (общероссийской) электрической сетью является открытым акционерным обществом, доля прямого или косвенного участия Российской Федерации в уставном капитале которого составляет не менее 50% плюс одна голосующая акция.

⁵ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25 октября 2011 г. № 09АП-26193/2011-АК по делу № А40-157788/09-4-1218.

¹ Согласно данному критерию, личный статус юридического лица определяется правом места его регистрации, и юридическое лицо, осуществляющее деятельность на территории России, состоящее из российских участников (учредителей), зарегистрированное на территории Республики Кипр, будет юридически рассматриваться в Российской Федерации как кипрское юридическое лицо.

кона РФ «О недрах», однако специальными нормами самого Закона РФ «О недрах» и нормами других федеральных законов это общее правило существенно корректируется¹.

Еще больше ограничен круг потенциальных недропользователей на участках недр, которые находятся на континентальном шельфе России – ими могут быть российские юридические лица с участием Российской Федерации и обладающие не менее чем пятилетним опытом освоения континентального шельфа России, при этом доля (вклад) Российской Федерации в их уставных капиталах должна превышать 50%.

Недропользователями на условиях СРП (инвесторами) могут быть юридические лица и их объединения на условиях простого товарищества при условии солидарной ответственности товарищей по условиям соглашения о разделе продукции. Субъектами добычи радиоактивных веществ, а равно захоронения радиоактивных и опасных отходов, могут быть юридические лица – обладатели соответствующей лицензии.

Выше уже говорилось о том, что физические лица, несмотря на то, что они не указаны в Законе РФ «О недрах» в числе недропользователей тем не менее могут осуществлять добычу определенных видов полезных ископаемых на принадлежащих им земельных участках. Энергетические ресурсы, относящиеся в соответствующем субъекте Российской Федерации к общераспространенным полезным ископаемым², могут

при соблюдении определенных условий добываться обладателями земельных участков (собственниками, арендаторами и иными законными владельцами³) без получения лицензии, тогда как добыча полезных ископаемых, не входящих по конкретному региону в данный перечень, требует обязательного наличия таковой. Лицензия на добычу общераспространенных полезных ископаемых выдается органами государственной власти субъектов Федерации, тогда как добыча необщераспространенных полезных ископаемых осуществляется на основе лицензии, выдаваемой недропользователю органами власти федерального уровня.

Право на добычу попутных полезных ископаемых, не указанных прямо в лицензии на пользование недрами могут приобрести исключительно недропользователи являющиеся: а) российскими юридическими лицами, в уставном капитале которых доля (вклад) Российской Федерации, а равно ее субъекта, в совокупности превышает 50%, или эти публично-правовые образования вправе распоряжаться аналогичным количеством голосов; б) дочерними обществами этих российских юридических лиц.

Это правило не распространяется на добычу следующих категорий полезных ископаемых: попутных подземных вод, углеводородного сырья, общераспространенных полезных ископаемых. Газ однозначно относится к углеводородному сырью⁴. Таким образом, вопрос о правовом положении попутного газа остается открытым.

¹ Например, добыча полезных ископаемых на участках недр федерального значения на сухопутной территории Российской Федерации может осуществляться только российскими юридическими лицами, что впрочем не означает существования аналогичного запрета в отношении российских хозяйственных обществ с иностранным участием при условии, что: а) Правительством РФ не был ограничен доступ таких юридических лиц к участию в аукционах; б) Правительство РФ не установило дополнительные требования к таким юридическим лицам, которые, как указано в тексте части 2 статьи 9 Закона РФ «О недрах», «вправе осуществлять геологическое изучение участков недр федерального значения внутренних морских вод и территориального моря Российской Федерации в целях поиска и оценки месторождений нефти, газа и газового конденсата».

² По критерию залегающих в участках недр полезных ископаемых участки недр можно разделить на содержащие общераспространенные полезные ископаемые и содержащие необщераспространенные полезные ископаемые. Перечень участков, содержащих общераспространенные полезные ископаемые, утверждается по каждому субъекту Российской Федерации совместным распоряжением Министерства природных ресурсов Российской Федерации и

высшим органом исполнительной власти соответствующего субъекта Российской Федерации (правительства субъекта РФ либо главы правительства субъекта РФ – губернатора). Например, перечень полезных ископаемых по Московской области утвержден Распоряжением Минприроды РФ № 39-р, Губернатора МО № 392-РГ от 25 октября 2010 г. «Об утверждении перечня общераспространенных полезных ископаемых по Московской области» (См.: Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2010. – № 49). Например, торф на территории Московской области относится к категории общераспространенных полезных ископаемых, тогда как на территории Республики Крым он таковым не является (См.: Распоряжение Минприроды России № 34-р, Совета министров Республики Крым № 1300-р от 8 декабря 2014 г. «Об утверждении перечня общераспространенных полезных ископаемых по Республике Крым»).

³ Обладателями права постоянного бессрочного пользования.

⁴ ГОСТ Р 53554-2009-2009. См.: Природный газ. Метан : справочник. – СПб. : НПО «Профессионал», 2006).

Статус газотранспортной организации приобретает юридическим лицом при одновременном наличии двух фактов: 1) фактического осуществления им транспортировки газа; 2) наличия у этого юридического лица на праве собственности или на любых других законных основаниях¹ газопроводов и любых других производственных объектов, действующих в транспортировке газа.

Газоснабжение является одним из видов энергоснабжения, что, учитывая содержание нормы части 2 статьи 548 ГК РФ, обуславливает применение к нему норм статей 539-547 ГК РФ о договорах энергоснабжения², согласно которым, в сферу действия Федерального закона «О газоснабжении» входит только процедура передачи газа через газопроводы (присоединенную сеть).

Иностранные юридические лица не могут обладать правом собственности на системы газоснабжения. Кроме того, Федеральный закон «О газоснабжении» во втором абзаце статьи 7 ограничивает долю участия иностранных субъектов предпринимательской деятельности в акционерных обществах – собственниках региональных систем газоснабжения двадцатью процентами от общего числа обыкновенных акций. В отношении юридических лиц – собственников ЕСГ и региональных систем газоснабжения аналогичных ограничений не установлено. Федеральный закон «Об электроэнергетике» вообще не предусматривает никаких ограничений ни для иностранных лиц³, ни для участия иностранных лиц в уставном капитале субъектов электроэнергетики. Аналогичны положения законодательства о теплоснабжении в отношении теплоснабжающих организаций.

Особый статус потребителя в российском гражданском законодательстве общеизвестен. При этом правовое положение потребителя-

гражданина и потребителя-юридического лица различается уже на уровне норм ГК РФ.

Так, потребитель-гражданин, использующий энергию для бытового потребления, не может быть ограничен в количестве потребляемой им энергии, тогда как потребитель – юридическое лицо может изменить объем потребляемых им энергетических ресурсов, только если это прямо предусмотрено договором энергоснабжения. Кроме того, потребитель – юридическое лицо обязан возместить расходы энергоснабжающей организации, которые возникли на ее стороне в связи с увеличением количества передаваемых энергоресурсов (п. 2 и 3 ст. 541 ГК РФ).

Пункт 1 статьи 546 ГК РФ дает гражданину – бытовому потребителю безусловное право отказаться от обязательств по договору энергоснабжения в одностороннем порядке при отсутствии задолженности по оплате энергии и уведомлении им энергоснабжающей организации об этом. Потребитель – юридическое лицо не имеет такого права, более того, именно энергоснабжающей организацией договор может быть прекращен в одностороннем порядке в соответствии со статьей 523 ГК РФ, т. е. обусловлен соблюдением условий и наличием оснований для прекращения договора в одностороннем порядке, предусмотренных ГК РФ для договоров поставки⁴.

Таким образом, право гражданина-потребителя по договору энергоснабжения на прекращение договора энергоснабжения в одностороннем порядке безусловно, тогда как аналогичное право потребителя – юридического лица отсутствует.

В отношении гражданина-потребителя односторонний отказ энергоснабжающей организации от договора энергоснабжения недопустим в принципе.

Определение энергоснабжающей организации в тексте ГК РФ не дается – законодатель оставил данный вопрос за актами отраслевого законодательства, в частности, законодательства о газоснабжении.

Для того чтобы получить статус участника оптового рынка электроэнергии и мощности и право осуществлять на нем поставки электрической энергии, юридическое лицо должно отвечать

¹ Хозяйственное ведение, оперативное управление, аренда, доверительное управление.

² См.: Определение Приморского краевого суда от 18 мая 2015 г. по делу № 33-3886/2015. См.: также Определение Ленинградского областного суда от 13 января 2016 г. № 33-145/2016.

³ Впрочем, тот же федеральный закон предусматривает создание системного оператора и организации по управлению единой национальной (общероссийской) электрической сетью исключительно в качестве открытого акционерного общества, что можно рассматривать как запрет на существование иностранных юридических лиц в таком правовом качестве.

⁴ Кроме того, подзаконными правовыми актами могут быть предусмотрены исключения из права энергоснабжающей организации на одностороннее прекращение действия договора энергоснабжения, заключенного с юридическим лицом.

требованиям Правил оптового рынка электроэнергии¹, а также придерживаться положений договора о присоединении к торговой системе оптового рынка.

Среди субъектов ТЭК очень велик удельный вес юридических лиц, участниками которых являются публично-правовые образования (акционерных обществ с государственным участием, государственных корпораций, государственных компаний, государственных (муниципальных) унитарных предприятий, бюджетных учреждений).

Кроме того, очевидна значимость субъектов предпринимательской или иной, не связанной непосредственно с извлечением прибыли хозяйственной деятельности в сфере ТЭК для бюджетов всех уровней и нормального функционирования транспортной, промышленной и жилищной инфраструктур. Следует пояснить, что ряд этих субъектов не приносит прибыли *by design* (с англ. – в силу своего прямого назначения), а финансируется собственником (например, сетевые компании). Не менее очевидно и то, что работа объектов ТЭК оказывает влияние на интересы неопределенного круга лиц – от наличия или отсутствия доступной энергетической инфраструктуры зависит стоимость реализации строительных проектов. Все перечисленное дает основание для вывода таких споров из-под юрисдикции третейских судов ввиду концентрации публично-правовых элементов.

Процессуальное положение субъектов ТЭК, таким образом, характеризуется двумя тенденциями: 1) повышенного риска неарбитрабельности споров в сфере ТЭК; 2) риском подпадания такого спора под действие юрисдикционного иммунитета государства-ответчика. Вместе с тем можно отметить и принципиально иную тенденцию – отсутствие проблемы юрисдикционного иммунитета при разбирательстве в международном коммерческом арбитраже. Последний не является органом государственной власти, не входит в судебную систему, следовательно, к нему неприменим принцип, на котором основан юрисдикционный иммунитет государства «равный над равным не имеет юрисдикции». Это означает возможность привлечения государства в качестве ответчика в международном коммерческом арбитраже.

В качестве иллюстрации множественности способов привязки государства к спорам с участием юридических лиц, имеющих с ним связь, можно привести прецедент *Bridas et alia v Government of Turkmenistan et alia*, 345 F.3d 347 (5th Cir 2003), в котором истец стремился добиться признания Туркменистана стороной спора, хотя третейская оговорка была подписана от имени государственной компании «Туркменнефть». В процессуальной переписке истец поочередно использовал несколько теорий определения лица в качестве стороны третейского разбирательства: агентскую теорию, инструментальную теорию, теорию предполагаемых полномочий (*apparent authority*), теорию *alter ego*, теорию стороннего бенефициара (*third-party beneficiary*), теорию справедливого эстоппеля (*equitable estoppel*).

Процесс развития частноправовых отношений и развитие международного коммерческого арбитража идет по пути постепенного расширения юрисдикции третейских судов не только по кругу споров, но и по кругу лиц. Юристами отмечается следующая тенденция: современное государство все чаще не отказывается от своих традиционных функций полностью, но предпочитает передавать их частным лицам [4. – С. 3–9], выстраивая таким образом дополнительный юридический барьер между претензиями истцов и бюджетом государства.

Международный коммерческий арбитраж, вопреки чрезвычайно распространенной в российской юридической науке точке зрения, имеет ряд недостатков по сравнению с государственным судом. Это, в частности, отсутствие института третьего лица, равно как и процессуальных фигур соистцов и соответчиков.

Неарбитрабельность – определенная законом невозможность разрешения спора в третейском суде. Предметом дискуссии между специалистами в области правового регулирования добычи полезных ископаемых является противоречивое содержание общей нормы, сформулированной в статье 50 Закона РФ «О недрах» о неарбитрабельности споров о недрах.

Так, в деле о признании и приведении в исполнение Решения МКАС при ТПП РФ о взыскании денежных средств с российского акционерного общества в пользу иностранного контрагента заинтересованное лицо ссылалось в обоснование неарбитрабельности спора на то, что: а) договор, из которого возник спор, был заключен в соответствии с положениями административного

¹ Утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2010 г. № 1172.

контракта между иностранным государством и российским генеральным подрядчиком; б) указанный договор был направлен исключительно на реализацию этого административного контракта. Соответственно, договор, из которого возник спор, также не является гражданско-правовым, а как и административный контракт, является административным договором. И хотя арбитражные суды ожидаемо не поддержали данный подход (см.: Постановление ФАС МО от 7 августа 2017 г. по делу № А40-32661/2017), позиция заинтересованного лица по данному спору является развернутой, детальной иллюстрацией технологии наделения обычного по сути гражданско-правового договора характеристикой неарбитрабельного. К тому же, как следует из материалов данного дела, отказ в удовлетворении требований имел своей причиной нарушение заинтересованным лицом процессуального принципа эстоппель – в рамках основного спора аргумент о неарбитрабельности им не заявлялся.

Вместе с тем в целом российской судебной практикой сформирована правовая позиция, согласно которой споры при условии наличия в них «концентрации общественно значимых публичных элементов», под которой понимается «совокупность публичного интереса, участия публичных субъектов и влияния спора на бюджетные средства», не могут рассматриваться третейскими судами, в том числе МКАС при ТПП РФ¹.

Очевидно, что активное участие государства в ТЭК предопределяет «влияние спора на бюджеты всех уровней».

Имущественные отношения давно перестали быть сферой действия исключительно частного права. Соответственно, и имущественные споры, одной из сторон которых является государство, рассматриваются межгосударственными судебными органами. Безусловно, в данном сегменте общественных отношений существует определенная конкурирующая компетенция между межгосударственными судебными органами и судами международного коммерческого арбитража.

Во-первых, имущественные отношения между государством и хозяйствующими субъектами в сфере ТЭК являются сферой действия частного права, которое является сферой деятельности коммерческого арбитража. Во-вторых, преимуществом международного коммерческого арбитража является отсутствие проблемы юрисдикционного иммунитета государства [4. – С. 3–9] – международный коммерческий арбитраж не связан с государством, поэтому формула «*par ad parem non habet imperium*» (с лат. – «Равный над равным власти не имеет») о нарушении государственного суверенитета привлечением государства к суду неприменима в отношении его юрисдикции.

Проведенное в данной статье исследование позволило прийти к следующим выводам:

1. Необходимо разграничение понятий абонента и потребителя энергетических ресурсов. В связи с этим автором предлагается следующее определение абонента: лица, принадлежащие которым на законном основании объекты технологически присоединены к сетям энергоснабжающей организации и заключившие договор энергоснабжения, купли-продажи энергетических ресурсов или любой другой договор, предполагающий передачу прав на использование энергии.

2. Ввиду неполного определения полномочий субъектов добычи полезных ископаемых вопрос о распространении права на добычу попутных полезных ископаемых, не указанных прямо в лицензии, на лиц, осуществляющих добычу попутного газа, остается открытым.

3. Следует отметить разграничение правового статуса потребителя энергетических ресурсов на правовое положение потребителя-гражданина и правовое положение потребителя – юридического лица. Если первый не может быть ограничен в количестве потребляемой им энергии, то второй может изменить объем потребляемых им энергетических ресурсов только если это прямо предусмотрено договором энергоснабжения. Если первый имеет в силу пункта 1 статьи 546 ГК РФ безусловное право отказаться от обязательств по договору энергоснабжения в одностороннем порядке при отсутствии задолженности по оплате энергии и уведомлении им энергоснабжающей организации, то второй не только не имеет такого права, но и находится в зависимом положении от энергоснабжающей организации, которая как раз имеет право прекратить договор в одностороннем порядке, что обусловлено юридическими ос-

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 3 марта 2015 г. по делу № 305-ЭС14-4115, А41-60951/13; Постановление Президиума ВАС Российской Федерации от 11 февраля 2014 г. № 11059/13 по делу № А26-9592/2012; Постановление Президиума ВАС РФ от 28 января 2014 г. № 11535/13 по делу № А40-148581/12, А40-160147/12; Постановление МКАС при ТПП РФ от 1 июня 2016 г. по делу № 216/2015.

нованиями, предусмотренными ГК РФ для поставщиков по договорам поставки. То есть право гражданина-потребителя по договору энергоснабжения на прекращение договора энергоснабжения в одностороннем порядке безусловно, тогда как аналогичное право потребителя – юридического лица отсутствует.

4. Существенный удельный вес юридических лиц, участниками которых являются публично-правовые образования; значимость субъектов предпринимательской или иной, не связанной непосредственно с извлечением прибыли хозяйственной деятельности в сфере ТЭК для бюджетов всех уровней и нормального функционирова-

ния транспортной, промышленной и жилищной инфраструктур, а равно существенное их влияние на интересы неопределенного круга лиц в совокупности, с одной стороны, дает определенные юридические основания для вывода таких споров из-под юрисдикции третейских судов ввиду концентрации публично-правовых элементов, а с другой – позволяет привлечь государство в качестве стороны третейского разбирательства, если третейский суд придет к выводу о наличии между ответчиком, заключившим договор (и, соответственно, третейское соглашение), и государством фактической связи, которая таким образом может перейти в качество юридической.

Список литературы

1. *Блинкова Е. В., Чибис А. В.* Гражданско-правовое регулирование теплоснабжения : монография. – М. : Юрист, 2007.
2. *Клюкин Б. Д.* Горные отношения в странах Западной Европы и Америки: (Англия, Канада, США, Франция, ФРГ). – М. : Городец, 2000.
3. *Курбанов Р. А. Налетов К. И.* Правовые аспекты обеспечения конкурентоспособности российской экономики с использованием преимуществ евразийской интеграции // Экономика. Право. Общество. – 2018. – № 2. – С. 12–16.
4. *Налетов К. И.* Трансформация частноправового аспекта деятельности государства в эпоху глобализации // Страховое право. – 2018. – № 2 (79). – С. 3–9.
5. *Осипчук Е. Л.* Договор энергоснабжения в системе договорных отношений на рынке электрической энергии. – М., 2004.
6. *Штоф А. А.* Сравнительный очерк горного законодательства в России и Западной Европе. – Ч. 1. Главные основания горного и соляного законодательства. – СПб. : Типография М. Стасюлевича, 1882.
7. *Яковлев В. Ф., Лахно П. Г.* Энергетическое право как комплексная отрасль права России. Энергетическое право России и Германии: сравнительно-правовое исследование / под ред. П. Г. Лахно. – М., 2011.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2021-1-48-59>

Диспозитивный метод гражданско-правового регулирования как основа эффективного экономического развития

И. А. Маньковский

кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора Минского филиала
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», Минский филиал,
220070, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Радиальная, 40.
E-mail: Mankovskiy.IA@rea.ru

Dispositive Method of Civil Legal Regulation as a Basis of Effective Economic Development

I. A. Mankovsky

PhD, Assistant Professor, Deputy Director of the Minsk branch
of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, Minsk Branch,
40 Radial st, 220070, Minsk, Republic of Belarus.
E-mail: Mankovskiy.IA@rea.ru

Аннотация

Автором исследована совокупность приемов и правовых средств, составляющих содержание метода гражданско-правового регулирования Республики Беларусь, выявлены правовые нормы, составляющие основу гражданско-правового метода, проведен сравнительный анализ их содержания с аналогичными нормами гражданских кодексов постсоветских государств, вступивших в Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС). На основе критического анализа точек зрения о применяемом гражданско-правовом методе сделан вывод, во-первых, о юридической бесплодности утверждений о применении в гражданском праве императивно-диспозитивного метода и, во-вторых, о том, что применяемый гражданско-правовой метод характеризуется нормативно ограниченной диспозитивностью правового положения субъектов. Проведен сравнительный анализ принципов гражданско-правового регулирования как основы метода правового регулирования с аналогичными статьями ГК государств – участников ЕАЭС; сделан вывод о том, что принципы гражданского права, закрепленные в ГК Республики Беларусь, устанавливают приоритет публичных интересов над частными, что противоречит сути гражданско-правового регулирования, которое должно применяться в государствах с развитой демократией. Установлен тот факт, что в гражданских кодексах государств, входящих в ЕАЭС, отсутствует принцип диспозитивности в его классическом понимании, а нормативно ограниченная диспозитивность как черта гражданско-правового метода наряду с системой принципов поддерживается определенной совокупностью правовых норм и закрепленной в ГК презумпцией их императивности. Проведен анализ российского и казахстанского опыта преодоления презумпции императивности гражданско-правовых норм, а также норм, поддерживающих нормативно ограниченную диспозитивность в сравнении с аналогичными нормами ГК государств – участников ЕАЭС. На основании проведенного анализа предложены пути модернизации применяемого метода, преодоления презумпции императивности норм ГК, а также придание методу качеств диспозитивного метода демократического государства, а также разработка Гражданского кодекса ЕАЭС. В процессе анализа применялись такие общенаучные и частнонаучные методы познания, как диалектический, исторический, системного анализа, юридической компаративистики, формально-юридический.

Ключевые слова: единое экономическое пространство, система гражданского права, метод гражданского права, ограниченная диспозитивность правового положения, дихотомия норм гражданского права, Гражданский кодекс Евразийского экономического союза, единое экономическое пространство.

Abstract

The author investigated the set of legal techniques and legal measures that form the civil law method of legal regulation of the Republic of Belarus, he identified legal norms that form the basis of the civil law regulation

method, carried out a comparative analysis of their content with similar norms of the Civil codes of post-Soviet states, members of the Eurasian Economic Union (hereinafter – the EAEU). On the basis of a critical analysis of the opinions to the applied civil law method, he concluded, firstly, the legal uselessness of statements of the imperative-dispositive method in civil law and, secondly, that the said method is characterized by normatively limited dispositiveness of the legal status of persons. The author has carried out the comparative analysis of the principles of civil law, as the basis of the method of legal regulation, with similar articles of the Civil Code of the EAEU – member states; it was concluded that the principles of civil law enshrined in the Civil Code of the Republic of Belarus establish the priority of public interests over private one's, that this fact contradicts the essence of civil law regulation, which should be applied in states with developed democracies. It is established that the civil codes of the EAEU-states, do not contain the principle of dispositiveness in its classical sense, and normatively limited dispositiveness, as a feature of the civil law method, along with the system of principles is supported by a certain set of legal norms and the presumption of their imperative character. The analysis of the Russian and Kazakhstani experience of denial of imperative character of civil law provisions, as well as the norms supporting the normatively limited dispositiveness in comparison with the similar norms of the Civil Code of the EAEU member states. On the basis of analysis, the author proposes the ways of modernizing the applied method, overcoming the presumption of the imperative character of the Civil Code, endowing him the quality of a dispositive method of a democratic state and developing the EAEU Civil Code. In the process of analysis, general and specific science methods of cognition as dialectical, historical, systemic analysis, legal comparative studies, formal legal method were used.

Keywords: common economic space, civil law system, method of civil law, limited discretion of legal status, dichotomy of civil law norms, Civil Code of the Eurasian Economic Union, common economic space.

Мировое сообщество на современном этапе развития можно охарактеризовать как интенсивно развивающееся в различных сферах, в том числе в сфере экономики и информационных технологий. Следует констатировать тот факт, что обе эти, безусловно, жизненно важные сферы общественного взаимодействия взаимообусловлены – экономика приобретает статус цифровой, чем дает толчок интенсивному развитию информационных технологий. В частности, 23 марта 2016 г. в Республике Беларусь и 28 июля 2017 г. в Российской Федерации правительствами двух государств были утверждены программы развития цифровых экономик. Вместе с информационными технологиями на основе заключенных международных договоров интенсивно развивается региональная экономическая интеграция постсоветских государств, в частности, в рамках ЕАЭС. Однако следует отметить, что экономическая интеграция, признаваемая эффективной, невозможна вне рамок опосредующей ее правовой основы, на необходимость совершенствования которой, разработки новых идей и конкретизации права в цифровую эпоху указывает О. А. Степанов [21. – С. 4]. Так, правовой основой экономического развития демократических государств, начиная с периода Великой Французской революции 1792 г., является гражданское право [12. – С. 40–43], качество системы которого приобретает особое значение в условиях международного экономического сотрудничества в рамках

ЕАЭС и развития цифровых технологий в экономике [8. – С. 33–37].

Таким образом, непосредственно гражданское право, обоснованность, логичность и доступность для восприятия включенных в него норм влияют на степень экономической свободы субъектов предпринимательской деятельности, предоставленной им государствами, входящими в ЕАЭС, а степень предоставленной субъектам экономической свободы влияет на их деловую инициативу и предпринимательскую активность и в итоге – на степень эффективности предпринимательской (хозяйственной) деятельности, осуществляемой как на территории каждого отдельного государства, так и на территории ЕАЭС [9. – С. 111–118]. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что система гражданского права государств – участников ЕАЭС, совокупность входящих в ее состав правовых норм, должны отвечать требованиям экономического развития как каждого отдельного государства – участника ЕАЭС, так и экономическому развитию единого экономического пространства в целом.

Достижению приведенных выше целей гражданско-правового регулирования, по нашему мнению, в максимальной степени будет способствовать разработка единой системы гражданского права и, соответственно, единого Гражданского кодекса ЕАЭС, что следует признать наиболее оптимальным путем для созданных единых правил осуществления хозяйственной

(экономической) деятельности на территории единого экономического пространства.

Применительно к существующим условиям осуществления хозяйственной деятельности следует отметить, что в государствах, входящих в состав ЕАЭС, действуют свои национальные системы гражданского права, которые в некоторой степени отличаются друг от друга, что, по нашему мнению, может служить препятствием для повышения эффективности экономического сотрудничества в рамках единого экономического пространства. Так, в Беларуси действует Гражданский кодекс от 7 декабря 1998 г. (далее – ГК Беларуси), в Республики Казахстан – от 27 декабря 1994 г. (далее – ГК Казахстана), в Российской Федерации – от 21 октября 1994 г. (далее – ГК РФ), в Республике Армении – от 28 июля 1998 г. (далее – ГК Армении), в Киргизской Республике – от 8 мая 1996 г. (далее – ГК Киргизии).

Таким образом, ГК Беларуси принят на четыре года позже, чем ГК РФ и ГК Казахстана, действует на государственной территории более двадцати лет. При этом в указанный период в ГК Беларуси 67 раз (с 14 июля 2000 г. по 29 июня 2020 г.) вносились изменения и дополнения, что вместе с тем кардинально не повлияло на действующую систему гражданского права белорусского государства. По сути, процесс точечного внесения изменений в ГК Беларуси, который продолжается и в настоящее время, можно признать перманентным, что указывает на некоторую недоработанность системы гражданского права к моменту принятия ГК.

Не остались без изменения и ГК других государств – участников ЕАЭС, совершенствовавшиеся по мере развития экономики на каждой из государственных территорий. Так, в ГК Армении изменения вносились 98 раз (по состоянию на 3 марта 2018 г.), в ГК Киргизии – 60 раз (по состоянию на 16 декабря 2016 г.).

Наиболее значимые изменения были внесены в ГК РФ, что произошло в процессе реформирования системы гражданского законодательства, начало которого было положено Указом Президента Российской Федерации от 18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» [2. – С. 5].

Действующая редакция ГК Беларуси, в первую очередь его общая часть, существенно отличается от более прогрессивного ГК РФ, в некоторой степени отличается от Гражданских кодексов других государств – участников ЕАЭС, что в со-

вокупности может служить препятствием для эффективного экономического взаимодействия в рамках ЕАЭС, повлиять на развитие благоприятного инвестиционного климата как непосредственно в Республике Беларусь, так и в рамках ЕАЭС.

Как на основную проблему ГК Беларуси, требующую решения, следует указать на применяемый в процессе гражданско-правового регулирования метод гражданского права, который наряду с предметом гражданско-правового регулирования выступает в качестве одного из признаков отраслевой принадлежности совокупности гражданско-правовых норм, что подтверждается исследованиями, выполненными учеными – теоретиками¹ [20. – С. 19–21]. В соответствии с общетеоретическими исследованиями существуют два самостоятельных метода правового регулирования: диспозитивный и императивный² [18. – С. 86–87].

Цивилисты высказывают точку зрения, согласно которой, в системе гражданского права применяются два метода правового регулирования одновременно или, что является аналогичным – диспозитивно-императивный метод [3. – С. 21–40].

Учеными, что отражено в юридической литературе, применение в одном нормативном массиве двух методов правового регулирования рассматривается в качестве признака комплексной отрасли права. Однако указанный подход неприменим в отношении гражданского права, которое выступает в качестве классического примера основной отрасли частного права. Одновременно другие ученые в принципе отрицают саму возможность существования комплексных отраслей права [5. – С. 23–27], с чем следует согласиться.

Утверждение о возможности применения диспозитивно-императивного метода правового регулирования в соответствии с обоснованной точкой зрения С. П. Маврина является бесполезным и с точки зрения теории юридической науки, и с точки зрения юридической практики, которые не позволяют определить место совокупности правовых норм, составляющих самостоятельную отрасль права в системе права, что обусловлено смешением при таком подходе частноправовых и публично-правовых приемов правового регулирования.

¹ См.: Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства : учебник. – М. : Норма : Инфра-М, 2001.

² См.: Поляков А. В. Общая теория права : учебник. – СПб. : Юридический центр – Пресс, 2001.

ния, и в силу этого не может служить критерием отграничения предмета одной отрасли права от смежных общественных отношений, урегулированных другими отраслями права [7. – С. 207–208]. Так, применение в рамках права одной отрасли двух юридически, содержательно противоположенных методов – императивного и диспозитивного, является синкретичным и, следовательно, недопустимым.

Приведенное утверждение обусловлено тем, что каждый из двух указанных методов правового регулирования наделен присущим ему набором правовых средств, с помощью которых государство воздействует на участников общественных отношений, и выражен своей, противоположенной другому методу, юридической формулой:

- императивный метод – «запрещено все, что прямо не разрешено правовыми нормами»;
- диспозитивный метод – «разрешено все, что прямо не запрещено правовыми нормами».

Бесспорным следует признать тот факт, что каждый из названных методов правового регулирования, в соответствии с содержанием приведенных формул, устанавливает присущее только ему правовое положение субъектов отрасли права, допуская или запрещая их собственное усмотрение в процессе участия в соответствующих правоотношениях.

Непосредственно такой подход – допущение возможности или полный запрет на собственное усмотрение субъектов – положен в основу деления системы права на отрасли частного и публичного права.

Следовательно, при оценке юридически значимого поведения участников экономических отношений на предмет правомерности или противоправности совершенного ими деяния применение одновременно двух указанных выше методов, юридические формулы которых содержательно являются противоположенными, может привести к ложным выводам. В частности, если в процессе такой оценки применить императивный метод, субъекту правовой оценки необходимо найти разрешающие нормы и при отсутствии таковых признать поведение субъекта противоправным, что присуще отраслям публично-правового блока. В случае применения диспозитивного метода необходимо найти запрещающие нормы, при отсутствии которых поведение субъекта следует признать правомерным, что имманентно отраслям частноправового блока.

Оставаясь приверженцами деления отраслей на отрасли частного и публичного права и единственно применяемого отраслевого метода правового регулирования [10. – С. 401], мы считаем возможным констатировать тот факт, что примененный в гражданском праве Беларуси метод правового регулирования не может быть квалифицирован как диспозитивный в его классическом понимании и вместе с этим, безусловно, он не является императивным. В гражданском праве Беларуси, что с небольшими оговорками можно утверждать и в отношении гражданского права других государств – участников ЕАЭС, применен диспозитивный метод, который включает правовой механизм, значительно ограничивающий возможности субъектов гражданского права по установлению своих прав и обязанностей в рамках заключаемых договоров. Такое состояние гражданско-правового метода служит препятствием для эффективного осуществления субъектами гражданского права экономической деятельности.

Нормы гражданского права, закрепленные в ГК Беларуси, выражающие содержание гражданско-правового метода, согласно нашей точке зрения:

- не способны обеспечить необходимую степень свободы поведения субъектов экономической системы, что, безусловно, необходимо для эффективного участия в экономических отношениях;
- допускают государственно-правовое воздействие на участников частноправовых (экономических) отношений, не оправданное целями гражданско-правового регулирования, стоящими перед гражданским правом демократического государства, что можно распространить как на территорию отдельного государства, так и на территорию единого экономического пространства;
- не в состоянии обеспечить достаточную степень стабильности экономических отношений, которые, как правило, основываются на длительных правовых и экономических связях;
- в целом создают предпосылки снижения эффективности экономики.

Следовательно, гражданско-правовой метод, применяемый в Беларуси, можно охарактеризовать как диспозитивный метод с включенной в него нормативно ограниченной диспозитивностью [14. – С. 143] субъектов гражданского права, правовое положение которых определяется юридиче-

ской формулой «дозволено только то, что прямо разрешено законодательством», что по своему содержанию в большей степени тяготеет к формуле императивного метода, не устанавливающей категорические запреты, в том числе в силу применяемых способов и правовых средств защиты нарушенных гражданских прав и законных интересов, закрепленных в Гражданском кодексе.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что гражданское право Беларуси с включенной в гражданско-правовой метод нормативно ограниченной диспозитивностью, сохранило некоторые черты системы гражданского права СССР, которая была направлена на поддержку административно-командного управления экономикой. Так, согласно обоснованному утверждению Шрама Ханса-Йоахима, в СССР практически отсутствовало деление права на частное и публичное, что было обусловлено приоритетом политического над частным, тотальной государственной собственностью на средства производства и централизацией всех полномочий у государства [23. – С. 87–88]. Отголоски советской системы гражданского права прослеживаются в методе гражданско-правового регулирования, который применяется в современном гражданском праве Беларуси. Это следует признать фактором, который существенно сдерживает частную предпринимательскую инициативу, препятствует развитию деловой активности граждан Республики Беларусь, что, соответственно, требует корректировки в условиях международного экономического сотрудничества.

Приведенная характеристика гражданско-правового метода Республики Беларусь, по нашему мнению, в некоторой степени присуща гражданскому праву Армении, Казахстана, Киргизии и, хотя и в несколько меньшей степени, гражданскому праву России.

Примененный в гражданском праве Беларуси метод правового регулирования, поддерживающий нормативно ограниченную диспозитивность субъектов, выражается в первую очередь через гражданско-правовые принципы, являющиеся в свою очередь основой построения системы гражданского права.

Необходимо констатировать тот факт, что некоторые ученые возражают против того, что принципы правового регулирования рассматривают в качестве «черт метода правового регулирования» [22. – С. 30]. Отдельные ученые,

наоборот, настаивают на том, что принципы гражданско-правового регулирования, характеризующие отрасль права через совокупность приемов правового воздействия на участников общественных отношений, необходимо рассматривать в качестве черты метода правового регулирования [15. – С. 26].

Вышеприведенные точки зрения нельзя признать обоснованными вследствие того, что метод правового регулирования представляет собой определенную совокупность правовых средств и приемов регулирования. При этом непосредственно к правовым средствам следует отнести нормы права, через которые, собственно, и выражаются принципы гражданско-правового регулирования, совокупность которых закреплена в отдельных статьях, которые называются «Основные началах гражданского законодательства» гражданских кодексов государств – участников ЕАЭС: в статье 2 ГК Беларуси и статье 2 ГК Казахстана; в статье 1 ГК РФ, что, по нашему мнению, оправдано с точки зрения логики размещения нормативного материала; в статье 2 ГК Киргизии «Гражданское законодательство», в которой в том числе закреплена и система источников гражданского права, а в ГК Армении – в статье 3 «Принципы гражданского законодательства».

Научный анализ правовых норм, закрепленных в названных статьях ГК государств – участников ЕАЭС, позволяет утверждать, что совокупность отраслевых принципов правового регулирования, составляющих основу гражданского права Армении, Беларуси, Казахстана, Киргизии и России, которое является практически идентичным. Исключением являются два принципа, включенных в соответствующие статьи ГК Армении и Киргизии – принцип автономии воли и принцип имущественной самостоятельности, но отсутствующие в ГК Беларуси, Казахстана и России. При этом автономия воли субъектов гражданского права вытекает из норм пункта 2 статьи 1 ГК РФ, пункта 2 статьи 2 ГК Казахстана и части 3 статьи 2 ГК Беларуси и в дополнительном нормативном закреплении в качестве гражданско-правового принципа не нуждается.

Идентичность содержания закреплённой в ГК пяти государств совокупности принципов гражданско-правового регулирования обусловлена тем, что основой национальных ГК указанных государств является Модельный Гражданский кодекс, принятый 29 октября 1994 г. на 5-м пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи

государств – участников СНГ. Однако Модельный ГК выступил лишь правовой основой для разработки национальных гражданских кодексов, а это предопределило возможность изменения их содержания согласно представлениям о системе гражданского права и подходам к опосредованию экономических отношений, воспринятых законодательными органами государств, территории которых образуют единое экономическое пространство.

Наиболее значимые изменения были внесены в систему принципов белорусского гражданского права, что выразилось во включении в статью 2 ГК Беларуси трех конституционных принципов, два из которых устанавливают приоритет государственных и общественных (публичных) интересов над частными. Такой подход к гражданско-правовому регулированию, по нашему мнению, несвойственен гражданскому праву, являющемуся основной отраслью частного права демократического государства. К названным следует отнести принцип социальной направленности регулирования экономической деятельности и принцип приоритета общественных интересов.

Наряду с этим, в статье 1 ГК РФ закреплены:

- принцип добросовестности участников гражданских отношений, а в статье 2 ГК Беларуси – презумпция добросовестности и разумности, которая не является гражданско-правовым принципом, что не предполагает возможность включения соответствующих норм в систему принципов, как это сделано в статье 2 ГК Беларуси.

В ГК России указанная презумпция закреплена в статье 10 «Пределы осуществления гражданских прав», в ГК Казахстана – в статье 8 «Осуществление гражданских прав», также закрепляющей требование добросовестного, разумного и справедливого поведения участников гражданских отношений. Следует отметить, что соответствующие нормы отсутствуют в ГК Беларуси. В ГК Киргизии презумпция добросовестности и разумности закреплена в статье 9 «Пределы осуществления гражданских прав». В ГК Армении отсутствует как принцип добросовестности и разумности участников гражданских отношений, так и соответствующая презумпция;

- принцип свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств, что не предусмотрено нормами ГК Беларуси, но наличествует в статье 3 ГК Армении, статье 2 ГК Казахстана и статье 2 ГК Киргизии.

При этом в статье 1 ГК РФ установлен запрет на извлечение преимуществ из своего незаконного и недобросовестного поведения, также отсутствующий в ГК Беларуси.

Таким образом, на уровне принципов гражданско-правового регулирования, которые составляют основное содержание гражданско-правового метода, белорусская система гражданского права направлена в первую очередь на поддержание публичных, а не частных интересов, не устанавливает обязанность добросовестного поведения участников экономических отношений, ни одна из анализируемых систем не поддерживает свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств в рамках государственной территории, что, по нашему мнению, является необходимым условием эффективного взаимодействия субъектов хозяйствования в пределах территории ЕАЭС, направлено на развитие и поддержание частной предпринимательской инициативы и деловой активности.

Анализируемые гражданские кодексы без исключения не содержат в системе принципов гражданско-правового регулирования принцип диспозитивности гражданских прав в его классическом понимании. При этом именно принцип диспозитивности является основой гражданско-правового (частного) регулирования систем гражданского права развитых демократий. Непосредственно указанный принцип поддерживает юридическую формулу поведения субъектов гражданского права «разрешено все, кроме того, что прямо запрещено». Однако каждый из пяти анализируемых ГК содержит нормы, которые рассматриваются российскими учеными в качестве известной формулы диспозитивности, выражающей содержание принципа диспозитивности гражданско-правового регулирования [2. – С. 57]. В частности, названные нормы ГК указывают на наличие у их субъектов собственной воли как на один из признаков гражданско-правовых отношений при осуществлении прав и исполнении обязанностей, которые, согласно анализируемым нормам, субъекты реализуют в своих интересах. При этом субъекты анализируемыми нормами наделяются свободой осуществления принадлежащих им прав и обязанностей и возможностью установления на основе договора любых прав и обязанностей, но не противоречащих законодательству.

С таким подходом нельзя согласиться.

Так, в соответствии с обоснованной нами точкой зрения, закреплённая в действующих ГК государств, входящих в состав ЕАЭС, формула диспозитивности поведения участников гражданско-правовых отношений с учетом закреплённого в ней указания на необходимость соответствия условий договора, сформулированных субъектами экономической деятельности, гражданскому законодательству, в значительной степени ограничивает собственное усмотрение субъектов гражданского права и в силу этого не может рассматриваться в качестве принципа диспозитивности гражданских прав в его действительном понимании, т. е. в соответствии с содержанием анализируемого принципа, закреплённого в гражданском праве государств с развитой демократией.

В совокупности с нормами, составляющими систему гражданско-правовых принципов, нормативно ограниченная диспозитивность как черта метода правового регулирования, поддерживается некоторыми нормами, закреплёнными в ГК Беларуси (Армении, Казахстана, Киргизии, России): статья 5 ГК Беларуси (ст. 9 ГК Армении, ст. 5 ГК Казахстана, ст. 5 ГК Киргизии, ст. 6 ГК РФ); статья 7 ГК Беларуси (ст. 10 ГК Армении, ст. 7 ГК Казахстана, ст. 7 ГК Киргизии, ст. 8 ГК РФ); ст. 169 ГК Беларуси (ст. 305 ГК Армении, ст. 158 ГК Казахстана, ст. 185 ГК Киргизии, ст. 168 ГК РФ), статья 391 ГК Беларуси (420 ГК РФ) и статья 392 ГК Беларуси.

Нормы указанных выше статей ГК, в том числе, закреплённые в статье 2, устанавливают правовой статус субъектов, их правовые возможности по самостоятельному определению своих прав и обязанностей, являются основой презумпции императивности норм гражданского права, закрепляют приоритет публичных интересов гражданско-правового регулирования и, соответственно, являются правовой основой нормативно ограниченной диспозитивности, выступающей основной характеристикой метода гражданского права.

Так, в статье 2 ГК закреплён принцип социальной направленности регулирования экономической деятельности и принцип приоритета общественных интересов. Нормы анализируемой статьи допускают возможность установления субъектами любых прав и обязанностей, но не противоречащих законодательству, а по сути с учетом норм статьи 169 ГК – соответствующих ему, что также закреплено в статье 7 ГК. Нормы гражданского права, закреплённые в статье 169 ГК, квалифицирующие сделки, совершенные по прави-

лам, не соответствующим законодательству, как ничтожные, и нормы статьи 7 ГК, допускающие заключение любых договоров, но не противоречащих законодательству, устанавливают презумпцию императивности гражданско-правовых норм.

Аналогичное содержание имеют нормы, закреплённые в статье 185 ГК Киргизии (в ред. Закона Киргизской Республики от 14 марта 2014 г. № 49).

В статье 391 ГК Республики Беларусь содержатся нормы, регулирующие процедуру применения формально диспозитивных норм, которые мы предлагаем из ГК исключить как нормы, ограничивающие правовую свободу субъектов.

Наряду с приведенными правовыми нормами необходимо внести изменения в статью 392 ГК Республики Беларусь, так как закреплёнными в ней нормами законодатель придает обратную силу нормативным правовым актам, вступившим в силу после заключения договора и изменяющим правила его заключения и исполнения. Закреплённые в статье 392 ГК Республики Беларусь нормы противоречат Конституции Республики Беларусь, а предусмотренный ГК Республики Беларусь подход к поддержанию стабильности (точнее – нестабильности) условий заключенного договора не свойственен ГК других государств, входящих в состав ЕАЭС.

В 2013 г. законодатель России попытался преодолеть присущую ГК презумпцию императивности норм гражданского права, изменив содержание статьи 168 ГК Российской Федерации (169 ГК Республики Беларусь), после корректировки норм которой сделка, совершенная с нарушением норм законодательства, стала по общему правилу признаваться оспоримой. Предложенный законодателем подход позволил сделку, признаваемую до изменения норм статьи 168 ГК ничтожной, т. е. недействительной с момента совершения, считать действительной до момента обращения заинтересованной стороны в суд с требованием о признании такой сделки недействительной и, соответственно, вступления решения суда в силу.

Аналогичные по смыслу изменения были внесены в статью 158 ГК Республики Казахстан (ЗРК от 27 февраля 2017 г. № 49-VI). Такое же по смыслу содержание присуще нормам, закреплённым в статье 305 ГК Армении.

Вместе с тем следует констатировать тот факт, что нормы соответствующих статей ГК Армении, Казахстана и России не создают право-

вых препятствий для недобросовестного поведения субъектов экономической деятельности, не лишают их возможности обратиться в суд с требованием о признании сделки недействительной в спекулятивных целях. Наряду с этим редакции указанных статей ГК Армении, Казахстана и России не меняют сути регулируемых нормами гражданского права общественных отношений в силу того, что и сейчас, и до внесения изменений в анализируемые статьи ГК, право на обращение в суд принадлежало и принадлежит исключительно заинтересованной стороне сделки, которая вправе оставить его не реализованным.

Исключение составляют нормы, закрепленные в пункте 3 статьи 157 ГК Казахстана, допускающие предъявление требования о признании сделки недействительной, наряду с заинтересованной стороной сделки, надлежащим государственным органом или прокурором. Такой подход противоречит существу гражданско-правового регулирования и переводит гражданско-правовые отношения в категорию публично-правовых.

Высший Арбитражный Суд Российской Федерации 14 марта 2014 г. принял Постановление Пленума № 16 «О свободе договора и ее пределах».

В соответствии с нормами названного постановления, как отмечает А. Р. Алимгафарова, «...стало возможным признание норм, имеющих явную атрибутику диспозитивности... императивными» [1. – С. 31]. Предложенный Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации подход не способствует стабильности гражданско-правовых отношений, что было предметом наших исследований [10. – С. 124]. Названное Постановление допускает необоснованно широкое усмотрение судов при толковании норм гражданского права, которое в случае возникновения спора о праве гражданском, вытекающем из договора, может привести к непредсказуемым для сторон на стадии заключения договора правовым последствиям. Установленный Постановлением подход лишил цивилистику как фундаментально, так и прикладного значения в части исследования норм гражданского права и их классификации, а непосредственно нормы ГК и, соответственно, гражданско-правовое регулирование – стабильности.

Заслуживает внимания верное утверждение О. А. Поротиковой, согласно которому за несколько последних лет почти все постановления Пленума ВАС РФ, а затем и Пленума Верховного

Суда РФ в области частного права необоснованно формулируют нормы, отсутствующие в законе, что выходит за пределы судебной компетенции [17. – С. 461].

Необходимо отметить, что судебное нормотворчество не соответствует закреплённому в конституциях Беларуси и России принципу разделения властей. Исключение составляет судебная система Республики Казахстан, суды которой официально наделены нормотворческой функцией, что, по нашему мнению, применительно к принципу разделения властей, неверно, но с позиции права вполне допустимо. В связи с изложенным нельзя согласиться с Н. В. Самсоновым, который утверждает, что постановления Пленума Верховного Суда, являясь актами официального толкования права, могут содержать новые нормы, рассчитанные на неопределенный круг лиц [19. – С. 158].

Следует отметить, что толкование (интерпретация) правовых норм представляет собой уяснение и разъяснение государственной воли, которая выражена в нормативных правовых актах в целях правильного и единообразного понимания содержащихся в них правовых норм и их точного применения в каждом конкретном случае [16. – С. 15], но не может рассматриваться как процесс нормотворчества. При этом в качестве задач и цели судебного толкования следует рассматривать установление действительной воли законодателя, выраженной в правовых нормах [4. – С. 74], а не в создании новых норм права.

Приведенные выше примеры попыток Российской законодательной и судебной властью преодолеть установленную в ГК презумпцию императивности гражданско-правовых норм, по нашему мнению, не достигли требуемого результата и не оказали существенного влияния на применяемый метод гражданско-правового регулирования, поддерживающий нормативно ограниченную диспозитивность (следует отметить, что в Беларуси такие попытки и вовсе не предпринимались).

В целях изменения подхода, примененного в гражданском праве, и преодоления нормативно ограниченной диспозитивности правового положения участников экономических отношений нами предлагается ряд изменений ключевых статей ГК и, в частности, новая редакция статьи 169 ГК Беларуси (ст. 305 ГК Армении, ст. 158 ГК Казахстана, ст. 185 ГК Киргизии, ст. 168 ГК РФ). Нормы указанной статьи при условии изменения

норм, закрепленных в статьях 2, 5, 7, 391 и 392 ГК Беларуси, будут основой преодоления презумпции императивности норм гражданского права и основанной на этом нормативно ограниченной диспозитивности правового положения субъектов [10. – С. 412].

При этом изменение содержания гражданско-правового метода необходимо начинать с содержания системы принципов гражданского права, совокупность которых определяет пределы гражданско-правового регулирования.

Наряду с изменениями норм, закрепленных в вышеуказанных статьях ГК Республики Беларусь, необходимо внести изменения в систему гражданско-правовых принципов путем модернизации статьи 2 ГК [10. – С. 409–411], которая в измененном виде может являться основой разработки ГК ЕАЭС.

Соответствующие нормы необходимо разместить в статье 1 ГК ЕАЭС, что обосновано логикой построения системы гражданского права.

Предложенная нами редакция норм статьи 2 ГК Беларуси должна создать условия для организации гражданского правопорядка, направленного на учет в первую очередь частных интересов, т. е. интересов отдельной личности, ее прав, свобод и достоинства. Такой подход к гражданско-правовому регулированию воспринят системами гражданского права демократических государств. Например, Гражданский кодекс Чешской Республики (§ 3) поддерживает приоритет интересов личности: частное право защищает достоинство и свободу человека и его естественное право заботиться о собственном счастье и счастье его семьи..., т. е. нормы, закрепленные в ГК Чешской Республики, в первую очередь направлены на защиту интересов отдельной личности. Том I Гражданского кодекса Французской Республики «Лица» содержит нормы, закрепляющие за гражданами Франции гражданские права (ст. 8), включая право на уважение своей частной жизни (ст. 9) и на соблюдение презумпции невиновности (ст. 91). Гражданский кодекс Федеративной Республики Бразилии построен на «...концепциях материальной этики, которая видит главным благом человеческое достоинство...» [6. – С. 238]. Модельные правила европейского частного права также направлены на защиту прав и фундаментальных свобод человека (ст. 1:102) [10. – С. 356].

Приведенные нормы свидетельствуют о том, что гражданское право демократических госу-

дарств направлено на установление приоритета прав и интересов личности над публичными интересами, что свойственно гражданскому праву, являющемуся основной отраслью частного права, основанном на диспозитивном методе правового регулирования.

Вместе с тем необходимо изменить нормы статьи 7 ГК Беларуси (ст. 10 ГК Армении, ст. 7 ГК Казахстана, ст. 7 ГК Киргизии, ст. 8 ГК России) в части указания на то, что условия договора должны соответствовать не законодательству как таковому, а непосредственно принципам (основам) гражданско-правового регулирования, закрепленным в статье 2 ГК Беларуси в новой редакции [10. – С. 411–412].

Предложенные выше изменения норм ГК Республики Беларусь направлены на создание юридически обеспеченной возможности формирования участниками экономических отношений своих договорных связей (прав и обязанностей) не только в рамках норм, имеющих диспозитивную конструкцию и допускающих изменение своего содержания по воле сторон правоотношения, но и в рамках всей системы гражданского права. Внесенные изменения в целом значительно расширяют правовые возможности участников экономических отношений и в совокупности с другими изменениями ГК преобразуют правовое положение субъектов гражданского права, подчинив его формуле «разрешено все кроме того, что прямо запрещено». Именно такой подход присущ диспозитивному методу правового регулирования, применяемому системами гражданского права демократических государств.

Вместе с нормами указанных выше статей ГК Беларуси применяемый сегодня метод гражданско-правового регулирования основан на дихотомии норм гражданского права, а именно на применении в ГК как формально диспозитивных, так и формально императивных правовых норм, что ограничивает правовые возможности субъектов непосредственно содержанием формально диспозитивных норм и только в рамках, предусмотренных применяемой диспозитивной нормой [10. – С. 125–142]. При этом применение диспозитивной нормы либо в виде, закрепленном в ГК, либо в измененном по соглашению сторон договоре, является обязательным, что получило необходимое обоснование в наших исследованиях [13. – С. 91–103].

Как изложенное выше, так и содержание указанных наших исследований, дают основание

утверждать, что диспозитивные нормы, закрепленные в ГК, ограничивают свободу выбора юридически значимого поведения субъектов и, следовательно, наряду с презумпцией императивности норм ГК, поддерживают нормативно ограниченную диспозитивность правового положения субъектов гражданского права.

В целях преодоления нормативно ограниченной диспозитивности как черты действующего гражданско-правового метода, придания ему свойств диспозитивного метода в классическом его понимании и согласно обоснованной нами редакции статьи 2 ГК Беларуси нами предлагается исключить из ГК формально диспозитивные нормы, а именно их окончание «если иное не предусмотрено соглашением сторон (договором) и т. п.». Предложенный подход наряду с изменением норм названных выше статей ГК Беларуси (Армении, Казахстана, Киргизии и России) позволит трансформировать действующий метод гражданского права и, соответственно, предоставить субъектам юридически обеспеченную возможность моделирования своих правоотношений в соответствии с пределами, обозначенными принципами гражданско-правового регулирования.

Таким образом, закрепив в статье 2 ГК Беларуси принцип диспозитивности (наряду с применением новой редакции ст. 7 и 169), позволяющий субъектам гражданского права моделировать свои гражданские права и обязанности в пределах, определенных нормами статьи 2 ГК, т. е. в отсутствие диспозитивных норм, изменять любую норму ГК в соответствии с содержанием конкретного экономического отношения, за исключением норм, не подлежащих изменению, мы закрепляем в ГК правовой статус субъектов, соответствующий юридической формуле «разрешено все, кроме того, что прямо запрещено правовыми нормами».

При этом закрепленная в ГК презумпция императивности гражданско-правовых норм будет заменена презумпцией их диспозитивности, что позволит создать систему гражданского права, основанную на диспозитивном методе правового регулирования, присущем системам гражданского права развитых демократий.

Вместе с тем для установления приемлемого для государства гражданского правопорядка в ГК должны быть закреплены отдельные нормы, не подлежащие изменению и, следовательно, маркированные определенным образом. Однако маркировка каждой конкретной нормы в соответствующей

статье ГК приведет к увеличению нормативного материала и усложнению восприятия норм ГК, чем обусловлена необходимость включения в состав ГК Беларуси специальной статьи, например, 3-1 [10. – С. 413], в которой бы был закреплен перечень императивных норм, изменение которых по соглашению сторон не допускается.

Необходимость закрепления в ГК статьи 3-1 с соответствующим содержанием вызвана нашими предложениями об изменении содержания гражданско-правового метода посредством исключения из ГК диспозитивных норм и изменения презумпции императивности норм гражданского права на презумпцию их диспозитивности.

Кроме названных, в гражданском правопорядке непосредственно Республики Беларусь существует еще одна проблема – подчиненное место ГК Беларуси в иерархической системе источников гражданского права актам Президента Республики Беларусь, что неоднократно было предметом наших исследований [10. – С. 46–60] и не присуще правопорядкам Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Киргизии и Республики Армения.

Такой подход к построению системы гражданского законодательства лишает ГК Республики Беларусь статуса «экономической Конституции», т. е. системообразующего нормативного правового акта в сфере правового регулирования экономических отношений [11. – С. 58–65] и, соответственно, систему гражданского права – необходимой стабильности.

Приведенная особенность системы гражданского законодательства Республики Беларусь является, по нашему мнению, серьезным препятствием на пути эффективной экономической интеграции в рамках ЕАЭС, создает предпосылки для недоверия системе законодательства Беларуси со стороны субъектов экономической деятельности других государств – участников ЕАЭС и указывает на необходимость создания единого, наднационального Гражданского кодекса ЕАЭС.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы.

Применяемый в действующем ГК Беларуси правовой метод неполностью соответствует требованиям интенсификации как национальной экономики Республики Беларусь, так и в целом экономической деятельности, осуществляемой в рамках ЕАЭС. Основой применяемого в настоящее время метода гражданско-правового регулирования выступает закрепленная в ГК Беларуси

(Армении, Казахстана, Киргизии, России) презумпция императивности гражданско-правовых норм, поддерживаемая требованием соответствия содержания правоотношений, возникающих между субъектами экономической деятельности, содержанию гражданско-правовых норм (но не принципам гражданско-правового регулирования). При этом совокупность приемов и правовых средств, составляющих содержание действующего гражданско-правового метода, характеризуется нормативно ограниченной диспозитивностью участников экономической деятельности.

Предоставленный ГК Беларуси (Армении, Казахстана, Киргизии, России) субъектам гражданского права правовой статус, не способствует развитию предпринимательской активности, деловой инициативы, сдерживает развитие экономических отношений как в рамках отдельного государства – участника ЕАЭС, так и в рамках единой экономической системы ЕАЭС.

На изменение действующего метода правового регулирования, его трансформацию в сторону диспозитивного метода правового регулирования, применяемого в условия презумпции диспозитивности гражданско-правовых норм, направлен предлагаемый нами комплекс первоочередных изменений норм, закрепленных в ГК Беларуси.

Кроме того, различные условия применения норм ГК в рамках единого экономического про-

странства, не могут способствовать повышению эффективности экономического взаимодействия в рамках ЕАЭС и, следовательно, требуют унификации, в процессе проведения которой можно пойти двумя путями:

1) разработать единый Гражданский кодекс ЕАЭС, имеющий приоритет над национальными ГК либо единственно применяемый на территории ЕАЭС Гражданский кодекс, что является более оправданным с точки зрения создания равных правовых условий осуществления экономической деятельности субъектам, принадлежащим юрисдикциям каждого из пяти государств-участников;

2) унифицировать в соответствующих частях национальные ГК, что будет наиболее проблематичным для Республики Беларусь, законодательство которой требует в первую очередь внесения изменений в статью 137 Конституции Беларуси, нормы которой устанавливают приоритет актов главы Белорусского государства над иными нормативными правовыми актами.

По нашему мнению, в целях оптимизации условий осуществления экономической деятельности на территории ЕАЭС наиболее оправданным следует признать разработку на базе ГК России с учетом внесенных нами предложений Единого ГК ЕАЭС.

Список литературы

1. Алимгафарова А. Р. К вопросу об императивных и диспозитивных началах в российском договорном праве // *Juvenis scientia*. – 2017. – № 1. – С. 30–32.
2. Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. – М.: Статут, 2016.
3. Грушевская Ю. В. Императивность в российском гражданском праве : дис. ... канд. юр. наук: 12.00.03. – Краснодар, 2010.
4. Гук П. А. Судебное толкование норм права // *Журнал российского права*. – 2016. – № 8. – С. 72–78.
5. Коваленко А. Ю. Характеристика комплексной отрасли права: теория и практика // *Вестник Уральского юридического института МВД России*. – 2017. – № 2. С. 25–29.
6. Коста Лазота Л. А. Гражданский кодекс в XXI в.: бразильский взгляд // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия. Юридические науки*. – 2014. – № 2. – С. 230–242.
7. Маврин С. П. О роли метода правового регулирования в структурировании и развитии позитивного права // *Правоведение*. – 2003. – № 1. – С. 205–216.
8. Маньковский И. А. Гражданское право в условиях региональной экономической интеграции: проблемы правового регулирования и направления развития // *Юстиция Беларуси*. – 2019. – № 9. – С. 33–37.
9. Маньковский И. А. Гражданское право Евразийского экономического союза: современное состояние и направления унификации // *Жизнь права: правовая теория, правовая традиция и правовая реальность : материалы IV Международной научно-практической конференции, г. Краснодар, 8 июня 2019 г.* – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2019. – С. 111–118.

10. Маньковский И. А. Нормативная модель гражданско-правового регулирования: проблемы формирования, толкования и применения : монография. – Минск : Международный ун-т «МИТСО», 2017.
11. Маньковский И. А. Система гражданского права в современных условиях развития государства и общества // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2014. – № 4. – С. 58–65.
12. Маньковский И. А. Система гражданского права: современная научная интерпретация // Юстиция Беларуси. – 2013. – № 2. – С. 40–43.
13. Маньковский И. А. Теоретико-прикладные проблемы формирования, толкования и применения норм гражданского права : монография. – Минск : Международный ун-т «МИТСО», 2015.
14. Маньковский И. А. Нормативно ограниченная диспозитивность как черта метода гражданско-правового регулирования: негативное влияние на развитие экономики и пути преодоления // Право и наука в современном мире : сборник материалов Международной научно-практической конференции. Пермь, 28 февраля / отв. ред. Р. В. Новиков, А. М. Бобров. – Пермь: ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России, 2018. – С. 138–145.
15. Муратова А. Р. Метод гражданско-правового регулирования: исторический аспект // Вестник науки и творчества. – 2018. – № 12. – С. 24–27.
16. Попова Л. Е. Толкование норм права и восполнение их пробелов // Закон и жизнь. – 2018. – Т. 2. – № 4. – С. 13–19.
17. Поротикина О. А. Об императивности и диспозитивности гражданско-правовых норм // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости : сборник трудов Международной научно-практической конференции, Воронеж, 2–4 июня 2016 г. – Воронеж : Наука-Юнипресс, 2016. – С. 460–468.
18. Рыбаков В. А. О дозвольтельном методе и диспозитивном типе правового регулирования // Юридическая наука. – 2016. – № 4. – С. 86–89.
19. Самсонов Н. В. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации как источник отечественного гражданского процессуального права // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 2. – С. 139–162.
20. Свириной Ю. А. О критериях деления права по отраслям // Современное право. – 2010. – № 10. – С. 19–21.
21. Степанов О. А. О проблеме конкретизации права в условиях цифровизации общественной практики // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 3. – С. 4–23.
22. Уфимцева Е. В. Структура системы Российского права: представления современных отечественных теоретиков // Российский юридический журнал. – 2016. – № 1. – С. 26–32.
23. Шрам Х. Й. Соотношение публично-правовых и частноправовых методов правового регулирования // Вестник института законодательства Республики Казахстан. – 2018. – № 4. – С. 84–93.

К вопросу о рецепции норм Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. в сфере правовой защиты государственного имущества в Российской Федерации

С. И. Файнгерш

кандидат юридических наук, начальник Управления приватизации городского имущества
Департамента городского имущества города Москвы.

Адрес: Департамент городского имущества города Москвы,
125993, г. Москва, 1-й Красногвардейский проезд, д. 21, стр. 1

E-mail: fayngershsi@mos.ru

Д. Д. Зубков

аспирант кафедры судебной экспертизы юридического факультета
Национального исследовательского Нижегородского государственного
университета им. Н. И. Лобачевского

Адрес: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского», 603950, Н. Новгород, проспект Гагарина, 23.

E-mail: gezhez@mail.ru

On the Issue of the Reception of the Norms of the Civil Code of the RSFSR of 1922 in the Field of Legal Protection of State Property in the Russian Federation

S. I. Fayngersh

PhD in Law, Head of the City Property Privatization Department
Department of City Property of Moscow

Address: Department of City Property of Moscow, 21 Krasnogvardeysky st. passage bld 1,
Moscow, 125993, Russian Federation.

E-mail: fayngershsi@mos.ru

D. D. Zubkov

Post-Graduate Student of the Department of Forensic Science of the Faculty of Law of National Research
Nizhny Novgorod State University N. I. Lobachevsky

Address: National Research Nizhny Novgorod State University N. I. Lobachevsky,
23 Gagarin Avenue, N. Novgorod, 603950, Russian Federation.

E-mail: gezhez@mail.ru

Аннотация

В настоящей статье рассмотрены вопросы рецепции положений ГК РСФСР 1922 г. в современных условиях с учётом необходимости более детальной правовой защиты сделок с имуществом публично-правовых образований, нормативно-правовое регулирование которых предполагает большую императивность. Исходя из этого авторами обозначены основные пробелы в существующих правовых механизмах защиты публичного имущества от нецелесообразного использования данного имущества лицами, принимающими решение об определении юридической судьбы имущества публично-правовых образований. С целью усовершенствования существующих механизмов правовой защиты сделок с публичным имуществом авторами, базируясь на историческом методе, был проанализирован комплекс норм, содержащихся в ГК РСФСР 1922 г., и дана оценка их эффективности в существующих условиях. Отмечены основные положения исследуемых норм права, содержащихся в ГК РСФСР 1922 г., которые находят отражение в существующем законодательстве и правоприменительной практике. Выделены основные предложения о рецепции императивных норм советского гражданского законодательства, закреплённых в Гражданском кодексе РСФСР 1922 г., в современных условиях с целью исключения коррупционных и антиконкурентных рисков, возникающих в ходе вовлечения в гражданский оборот имущества публично-правовых образований.

Ключевые слова: гражданское законодательство, рецепция советского права, участие публично-правовых образований в гражданском обороте, публичное имущество.

Abstract

This article examines the issues of the reception of the provisions of the Civil Code of the RSFSR of 1922 in modern conditions, taking into account the need for more detailed legal protection of transactions with the property of public law entities, the legal regulation of which implies a great imperative. Based on this, the authors have identified the main gaps in the existing legal mechanisms for protecting public property from the inappropriate use of this property by persons making a decision on determining the legal fate of public property. In order to improve the existing mechanisms of legal protection of transactions with public property, the authors, based on the historical method, analyzed the set of norms contained in the Civil Code of the RSFSR 1922, and assessed their effectiveness in the existing conditions. The main provisions of the studied norms of law contained in the Civil Code of the RSFSR of 1922, which are reflected in the existing legislation and law enforcement practice, are noted. The main proposals on the reception of the peremptory norms of the Soviet civil legislation, enshrined in the Civil Code of the RSFSR of 1922, in modern conditions are highlighted in order to eliminate corruption and anti-competitive risks arising from the involvement of public legal entities in the civil turnover of property.

Keywords: civil legislation, reception of Soviet law, participation of public law entities in civil circulation, public property.

Участие публично-правовых образований, к которым относятся Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования, в гражданско-правовых отношениях регулируется главой 5 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), состоящей из 4 статей (124–127)¹, содержание которых сводится к тому, что публично-правовые субъекты участвуют в таких отношениях на равных с частноправовыми (гражданами и их объединениями – юридическими лицами), действуют, подобно юридическим лицам (пункт 1 статьи 53 ГК РФ) через свои органы и должностных лиц, отвечают, в отличие от большинства юридических лиц (статья 56 ГК РФ), не всем своим имуществом, а только нераспределенной (казной, т. е. имуществом, не переданным на права оперативного управления или хозяйственного ведения – пункт 4 статьи 214 и пункт 3 статьи 215 ГК РФ) и не ограниченной в обороте (пункт 2 статьи 129 ГК РФ) его частью, в отношениях, осложненных иностранным элементом, обладают иммунитетом, а во всем остальном являются квазигиридрическим лицом.

Кроме этого, ГК также устанавливает примат финансового и административного права (пункт 3 статьи 1), приоритет законодательства о приватизации (статья 217) и законодательства о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в части порядка размещения государственного или муниципального заказа и условий государственного или муниципального контракта (абзац 2 пункта 2 статьи 525, пункт 1 статьи 527, статьи 765 и 768)².

Таким образом, гражданское законодательство путем выведения из-под своего непосредственного регулирования (сохраняя регулятивную функцию субсидиарно) под регулирование специальных законов защищает отношения отчуждения государственного имущества и распределения бюджетных и иных публичных средств, методами правового регулирования которых являются преимущественно императивные запреты и предписания.

Важность такой повышенной правовой защиты и более детальной, чем во взаимоотношениях между частными субъектами регламентации очевидна: государственная собственность субъекта Российской Федерации является экономической основой деятельности органов государственной власти соответствующего региона (статья 26.11 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (далее – Закон № 184-ФЗ³), а муниципальная – местного самоуправления (статья 49 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁴), т. е. рациональное и эффективное использование публичного имущества затрагивает интересы всех жителей соответствующей территории, уплачивающих налоги и

2019 г., с изм. от 28 апреля 2020 г.). – URL: СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (ред. от 30 декабря 2020 г.). – URL: СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 29 декабря 2020 г.). – URL: СПС «КонсультантПлюс».

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 8 декабря 2020 г.). – URL: СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 27 декабря

неналоговые платежи на формирование такой имущественной массы, с одной стороны, и претендующих на получение государственных или муниципальных услуг за счет расходных обязательств соответствующего бюджета или иных мер финансовой поддержки (получение финансирования в иных предусмотренных законом формах) из бюджетов – с другой.

В отличие от Российской Федерации, которая в силу требований пункта «о» статьи 71 Конституции Российской Федерации обладает исключительными полномочиями по принятию гражданского законодательства, остальные публично-правовые образования, как и иные участники гражданского оборота, сами не могут влиять на правовое регулирование своего участия в нем, однако, в отличие от иных участников гражданского оборота, они обладают повышенной ответственностью перед населением.

Очевидно также, что риски, присущие участию в гражданском обороте публичного имущества (как и любого иного имущества, управляемого не собственником непосредственно), сопряжены с такими факторами, как непрофессионализм лиц, управляющих этим имуществом, и коррупционный риск. Целью законодательства в связи с этим выступает разработка правовых механизмов минимизации этих факторов путем установления для публично значимого имущества такого режима, при котором усмотрение (дискреция) лица, принимающего решение о юридической судьбе такого имущества, было бы сведено к минимуму.

Эти соображения и подталкивают законодателей во всем мире регулировать отношения публичной собственности императивными нормами специальных законов.

В этой связи целесообразным представляется исследование истории отечественного государства и права, в процессе изучения которого можно выявить наиболее подходящие для современных условий образцы правовых механизмов защиты публичного имущества.

Проанализировав историю государства и права России, можно сделать вывод, что указанные выше образцы находят свое отражение в положениях Гражданского кодекса РСФСР (ГК РСФСР 1922), принятого 31 октября 1922 г.¹ Данный зако-

нодательный акт был первым в России кодифицированным актом гражданского законодательства, не считая деятельности М. М. Сперанского по систематизации царских указов в части I тома X Свода законов Российской империи (Свод законов гражданских), который по содержанию норм не соответствовал сложившимся на тот момент общественным отношениям уже в момент первого обобщения (т. е. к 1832 г.), и совершенно не соответствовал потребностям торгового и менового оборота, что признавалось как дореволюционными², так и советскими юристами [1. – С. 68]. Таким образом, история российского государства и права качественного дореволюционного гражданского законодательства не имеет, что обуславливает обращение к содержанию «гражданского кодекса пролетарской диктатуры» [3. – С. 68].

Итак, Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. – первый в истории российского государства и права кодифицированный акт гражданского законодательства в силу принятия его в конкретно-исторических условиях ставил своей целью защиту публичных интересов, ущемляя при этом частные, что, однако, не мешает использовать выработанные им механизмы при их критичном восприятии. Поэтому неслучайно современное региональное законодательство в части содержащихся в кодексе административно-правовых норм (относящихся, в отличие от норм законодательства гражданского к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (пункт «к» части 1 статьи 72 Конституции России³) и в части управления государственным имуществом (вопросы которого являются дискреционным полномочием соответствующих регионов в соответствии с пунктом 1 статьи 26.12 Закона № 184-ФЗ) воспроизводит многие из таких механизмов.

Примером использования таких механизмов может служить Положение, утвержденное Постановлением Правительства Москвы от 29 июня 2010 г. № 540-ПП (далее – Положение) «Об управлении объектами нежилого фонда, находящимися в собственности города Москвы».

¹ См.: Постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР». – URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%93%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BA%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81_%D0%A0%D0%A1%D0%A4%D0%A1%D0%A0_\(1922\)](https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%93%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BA%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81_%D0%A0%D0%A1%D0%A4%D0%A1%D0%A0_(1922)).

² Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – М.: СПАРК, 1995. – С. 42.

³ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). – URL: СПС «КонсультантПлюс».

¹ См.: Постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР». – URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%93%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BA%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81_%D0%A0%D0%A1%D0%A4%D0%A1%D0%A0_\(1922\)](https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%93%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BA%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81_%D0%A0%D0%A1%D0%A4%D0%A1%D0%A0_(1922)).

Согласно Положению используются дополнительные способы защиты публичных интересов путем императивного установления особенностей (условий договоров) пользования государственным имуществом города Москвы, такие как:

- возложение на арендатора обязанности проведения капитального ремонта (как было предусмотрено в примечании к статье 159 ГК РСФСР 1922 г. и предусмотрено в пункте 2.5.7 Постановления Правительства Москвы № 540-ПП);
- страхование за счет арендатора (согласно статье 164 ГК РСФСР 1922 г., пункту 2.4.1.2 Постановления Правительства Москвы № 540-ПП);
- только предварительно согласованная передача третьим лицам (в соответствии с примечанием к статье 168 ГК РСФСР 1922 г., пунктом 3.3.1.15 Постановления Правительства Москвы № 540-ПП);
- максимальный срок пользования (предусмотрен статьей 154 ГК РСФСР 1922 г., пунктом 3.3.1.8 Постановления Правительства Москвы № 540-ПП).

При этом, например, в отличие от примечания к статье 179 ГК РСФСР 1922 г. пункты 2.5.11–2.5.13 Положения предполагают не только безусловный безвозмездный переход арендодателю неотделимых улучшений по окончании срока договора, но и возможность их возмещения в случаях, если это прямо оговорено в дополнительном соглашении или изначальном договоре, если иное не установлено правовыми актами Правительства Москвы и в порядке, установленном правовым актом Правительства Москвы (которого *de lege lata* не существует). Указанное свидетельствует, что несмотря на явные параллели, вполне можно взвешенно и адресно применять удачные приемы и инструменты ГК РСФСР.

Действующий Гражданский кодекс Российской Федерации по всем приведенным условиям предусматривает диспозитивные нормы, которые целесообразно сохранить для использования частноправовыми субъектами.

Вместе с тем специальной нормой, регулирующей отношения, осложненные участием публично-правового образования, либо специальным законом, регулирующим особенности оборота государственного или муниципального имущества по приведенным условиям вовлечения его в отношения пользования, целесообразно предусмотреть императивные нормы, которые исключат усмотрение лиц, заключающих договоры от имени публично-правового образования, по выбору условий такого договора, а следовательно, коррупционные и антиконкурентные риски, а также обеспечат:

- дополнительную защиту и априори ответственное и бережное отношение к публичному имуществу со стороны пользователей;
- сохранение государственного или муниципального имущества именно в публичном обороте без приобретения на него прав отдельных пользователей через непрозрачные механизмы капитальных вложений в улучшения и ремонт имущества;
- прозрачность, понятность и, главное, стандартность условий пользования государственным или муниципальным имуществом, а значит, и его конкурентность, инвестиционную привлекательность и большую простоту в его оценке как в обыденном, так и в профессиональном плане.

Список литературы

1. Бочаров О. Е. История регионального управления государственным имуществом России: по материалам курско-орловского управления государственными имуществами, 1875–1918 гг. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2007. – Т. 17. – № 43-1. – С. 60–64.
2. Бочаров О. Е. Формирование мировоззрения ученого : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Курск, 2007.
3. Иоффе О. С. Избранные труды. – М. : СТАТУТ, 2003.
4. Косинов В. А. Проблемы государственного регулирования приватизации государственного и муниципального имущества // Административное и муниципальное право. – 2015. – № 1 (85). – С. 5–7.
5. Раскотиков И. С. Правовая защита государственного имущества как фактор устойчивого и сбалансированного развития общества. Отражение проблемы в российской правоприменительной практике // Научное обозрение. Серия 2: гуманитарные науки. – 2013. – № 3–4. – С. 49–56.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2021-1-64-71>

Осуществление судебной защиты от обвинений и компенсация вреда в европейском деликтном праве при рассмотрении дел о внедоговорной ответственности в нанобиотехнологической сфере

Т. Э. Зульфугарзадекандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: teymurz@yandex.ru

Implementation of Judicial Protection Against Charges and Compensation for Damages in European Tort Law in Cases of Non-Contractual Liability in the Nanobiotechnological Sphere

T. E. ZulfugarzadePhD of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Civil Legal Disciplines of the PRUE.Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: teymurz@yandex.ru

Аннотация

В статье приведены основные результаты проведенного научного исследования особенностей осуществления судебной и иной юридической защиты от обвинений, сформировавшихся в европейском деликтном праве, а также определения (установления) наличия и компенсации вреда при рассмотрении дел о внедоговорной ответственности в процессе разработки, производства, хранения и распространения нанобиотехнологий. Массовое производство и использование нанобиоматериалов, вызывающих появление новых рисков для жизни и здоровья человека, объективно требуют выработки новых методик обеспечения безопасного существования индивида, особенно в условиях неопределенности, вызванных, в том числе угрозой неблагоприятных последствий, связанных с глобальным распространением коронавирусных и им подобных инфекций, ряд из которых может иметь искусственное происхождение, а также эффективных методик судебного доказывания, включая судебную защиту, определения и компенсации вреда (ущерба), вызванного неблагоприятным воздействием нанобиоматериалов, – все это в свою очередь порождает деликтную ответственность делинквентов (правонарушителей). Предметом исследования послужили отношения, возникающие между разработчиками, производителями и распространителями нанобиоматериалов и нанобиопродукции человеком (индивидом), с одной стороны, а также юридическими лицами, на которых указанные виды материалов и продукции оказывают свое, в том числе неблагоприятное воздействие на окружающую среду, – с другой. В качестве основных методов познания при проведении исследования были использованы логический, сравнительный, эмпирический, аналитический, историко-правовой, описательный и др. Научную новизну исследования составили выводы, в соответствии с которыми, в первую очередь в европейском деликтном праве обязательство по восстановлению ранее существовавшего состояния должно применяться и при загрязнении нанобиоматериалами, выступать в качестве сдерживающего фактора, побуждающего поставщиков и производителей применять меры предосторожности и оказывать влияние на предварительные исследования и проверки, осуществляемые ими. При этом материальная ответственность за причиненный ущерб в европейском деликтном праве не действует заранее, а сами по себе риски понесения ущерба в будущем не подлежат компенсации. Таким образом, истцы сталкиваются с необходимостью судебного доказывания наличия чего-то осязаемого, на основе чего может быть назначена (определен размер) и выплачена компенсация, т. е. демонстрации свидетельства о причиненном вреде (ущербе) или хотя бы основательных известных вероятностей того, что определенный тип ущерба от воздействия проявит себя позже, на что

наука, связанная с нанобиоматериалами, пока не дает однозначного ответа. В последующем, выработанные в европейском деликтном праве методы судебной защиты, а также определения компенсации по делам о внедоговорной ответственности в нанобиотехнологической сфере, по нашему мнению, могут найти свое отражение в отечественном праве, например, в гражданском и природоресурсном (природоохранном) законодательстве Российской Федерации.

Ключевые слова: гражданское право, деликт, зловерность, вред, ущерб, инновационный, нанобиотехнологии, материалы, продукция, воздействие, недобросовестность, злоупотребление, дело, суд, компенсация, осторожность, безопасность, ответственность, делинквент, Европейский союз, COVID-19.

Abstract

The article presents the basic results of scientific research of the peculiarities of the judicial and other legal protection from prosecution, and determine (establish) the existence of and compensation for damage in cases of non-contractual liability in the process of development, production, storage and distribution of nanobiotechnology, formed in European tort law, which is important in modern conditions of mass production and use of nanobiomaterials, causing the emergence of new risks for life and health, objectively requires the development of new techniques to ensure the safe existence of the individual, which is especially important in the context of uncertainty, including the threat of adverse consequences associated with the global spread of coronavirus and similar infections, some of which can have an artificial origin, and this causes, in turn tort liability delinquent and effective methods of forensic evidence, including judicial protection, the determination and compensation of harm (damage) caused by the unfavourable impact of nanobiomaterials. The subject of the study was the relationship that arises between developers, manufacturers and distributors of nanobiomaterials and nanobioproducts on the one hand and a person (individual), as well as on the environment and legal entities on which these types of materials and products have their own, including adverse effects, on the other. The main methods of cognition used in the study were logical, comparative, empirical, analytical, historical-legal, descriptive and others. The scientific novelty of the study was based on the conclusions according to which, first of all, in European tort law, the obligation to restore a pre-existing state should also be applied in case of contamination with nanobiomaterials, act as a deterrent factor that encourages suppliers and manufacturers to apply precautionary measures, and influence the preliminary studies and inspections carried out by them, and, secondly, material liability for damage caused in European tort law does not apply in advance – the risks of future damage are not compensable by themselves. Thus, plaintiffs are faced with the necessity of legal evidence the presence of something tangible, which can be assigned (determined by size), and compensation, that is, the demonstration of evidence about the harm caused (damages) or at least a solid of known probabilities that certain types of damage effects will manifest themselves later – on science related to nanobiomaterials, does not give a clear answer. In the future, the methods of judicial protection developed in European tort law, as well as the determination of compensation in cases of non-contractual liability in the nanobiotechnological sphere, in our opinion, can partly be reflected in domestic law, for example, in the civil and natural resource (environmental) legislation of the Russian Federation.

Keywords: civil law, tort, malignity, harm, damage, innovative, nanobiotechnology, materials, products, impact, bad faith, abuse, case, court, compensation, caution, safety, liability, delinquent, European Union, COVID-19.

Активное общемировое развитие инновационных технологий и прежде всего нанобиотехнологий, применяемых в медицине для диагностики заболеваний и лечения, радиоэлектронике и других наукоемких областях промышленности, включая производство продуктов питания, новейших средств вооружений, медикаментов, косметики, сельскохозяйственных удобрений и т. п., как неоднократно отмечалось в научной литературе¹, помимо позитивного эффекта, имеет множество негативных последствий, опасность которых до

сих пор в полной мере не изучена, равно как до сих пор не определены возможные последствия, вызванные наступлением рисков, связанных с разработкой, производством, хранением, реализацией и применением нанобиопродукции. Особую значимость указанные проблемные вопросы получили в последний год, что непосредственно связано с реалиями коронавирусной пандемии, которая затронула все человечество.

Обращаясь к вопросам о возможности искусственного происхождения COVID-19, создатели антикоронавирусной вакцины открыто заявляют о том, что таковая может быть результатом «классической вирусной эволюции в природе» [1]. В связи с этим у разработчиков и производителей нанобиопродукции и нанобиоматериалов объек-

¹ Construction Safety and Health. Workplace Safety & Health Topics. National Institute of Occupational Safety and Health. – URL: <https://www.cdc.gov/niosh/topics/construction/> (дата обращения: 30.04.2021).

тивно возникает повышенная ответственность за вред, который может быть причинен в результате развития нанобиоисследований и нанобиопроизводства. Таким образом, в европейском деликтном праве возникает понятие «зловредность», которая «представляет собой неправомерное вмешательство, нарушение таких прав физических лиц, как право владеть собственностью, право на охрану здоровья, право на удобства и комфорт»¹. При этом немаловажно, что иски о зловредности применимы не только в правоприменительной практике государств – членов ЕС, но и, например, в статье 12, части 3 статьи 28 ГК РФ² и др.

Учитывая, что научный прогресс находится в своем непрерывном развитии, перед юридическим сообществом стоит многосложная задача, решение которой позволит, с одной стороны, не препятствовать легитимному развитию нанобиотехнологических исследований и производству нанобиоматериалов, а с другой – выработать эффективные механизмы компенсации (прежде всего на основании гражданско-правового деликта) вреда (ущерба), причиненного физическим и юридическим лицам в результате наступления неблагоприятных последствий, вызванных распространением нанобиоматериалов. В связи с этим полагаем целесообразным более подробно рассмотреть методы судебной защиты от обвинений и компенсации вреда, выработанные и апробированные в европейском деликтном праве применительно к рассмотрению дел о внедоговорной ответственности в нанобиотехнологической сфере.

Обратимся непосредственно к рассмотрению проблемных вопросов судебной защиты ответчиков по делам, связанным с наступлением неблагоприятных последствий, связанных с разработкой или производством нанобиоматериалов.

Основываясь на том, что право деликтной (внедоговорной) ответственности оснащено средствами судебной защиты от обвинений, в настоящей работе выделяются только те из них,

которые, по нашему мнению, являются наиболее значимыми (особенно актуальными) для проводимого исследования. Так, например, форс-мажорные (непредвиденные) обстоятельства вполне могут быть признаны таким средством судебной защиты, которое будет использоваться в делах о неблагоприятных воздействиях, связанных с нанобиоматериалами, если такие побочные эффекты возникают в процессе разработки или производства нанобиоматериалов.

Так, произошедшее событие (происшествие), связанное с наступлением риска неблагоприятных последствий создания или использования нанобиопродукции, должно быть вне возможностей средств контроля со стороны ответчика, непредсказуемым и неизбежным. При этом забегая вперед, целесообразно отметить, что к непредсказуемости будет трудно предъявлять претензии из-за потенциально известных рисков, присутствующих нанобиоматериалам, и исходя из опыта практического применения предыдущих развивающихся технологий, который можно было бы учесть при рассмотрении исследуемой категории судебных дел. Тем не менее состояние современной науки и имеющиеся знания вполне позволяют использовать разумные и достаточные, а также весьма надежные аргументы в отношении непредвиденной случайности, характерной для нанобиопродукции.

Во французском праве квазиделиктов (*quasi-delicts an act of God* – почти или практически преступлений) судебная защита от обвинений из-за стихийного бедствия (действия непреодолимой силы) связана с защитой от имевшего места события – непредвидимого события. Критерии ее применения такие же, но они касаются причины причинения ущерба от оспариваемого происшествия. Если оспариваемое происшествие было непредсказуемым и неизбежным, даже если оно и вменяется в вину ответчику и проходит тест «если бы не», ответчик будет освобожден от ответственности. Этот вопрос, по-видимому, схож со случаем, когда имеют место несколько различных причин: воздействие нанобиоматериалов и причинение вреда неизвестной этиологии, при этом причина возникновения вреда остается неизвестной.

Правовая категория «принятие на себя рисков» (*assumption of risk*) характеризуется отсутствием обиды (неприязни) в отношении изъясившего согласие, так как является защитным действием (защитной реакцией), при котором

¹ Егорова М. А., Крылов В. Г., Романов А. К. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве : учебное пособие / отв. ред. М. А. Егорова. – М. : Юстицинформ, 2017. – С. 148.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

полностью исключается какая-либо ответственность со стороны ответчика, поскольку он утверждает и вправе утверждать, что истец знал о рисках причинения вреда явно или неявно, и путем соглашения или одностороннего акта принял на себя эти риски как свои собственные. Соглашение состоит в том, что «потерпевшая сторона сознательно соглашается и берет на себя риски. Таким риском, как известно, является риск, который был признан потерпевшей стороной и в то же время был (охотно) принят ею» [5]. Принятие рисков происходит «когда пострадавшая сторона выразила свое согласие на несение ответственности за юридические последствия причинения ущерба самому себе либо вообще (в целом), либо по отдельным позициям причиненного (возникшего) вреда (ущерба) или определенным основаниям несения ответственности» [5].

Полагаем, что рассмотренная выше линия защиты в суде будет достаточно хорошо вписываться в концепцию о сфере риска (*sphere of risk*), реализуемую в том числе в деликтном праве ФРГ.

Рассмотрение указанного метода судебной защиты представляется немаловажным вследствие его распространенного использования в делах по воздействиям технологий, в том числе нанобиотехнологий, в судах Евросоюза. При этом подчеркнем, что реализация еще одного принципа европейского деликтного права «зная не желают», является примером того, что обычно происходит в тех ситуациях, в которых сам факт найма был воспринят в качестве молчаливого принятия рисков, связанных с данной работой (выполнением трудовых функций). Вместе с тем такой метод судебной защиты может быть с успехом использован против тех, кто работает на производстве нанобиоматериалов, будучи уведомленными о потенциально известных и неизвестных рисках (такая обязанность возлагается на работодателей), и продолжает работать в данном секторе, притом что работодатель принял все необходимые меры и установил новейшее профилактическое оборудование, но работники все же подвергаются воздействиям и развитию последующих телесных (и, как следствие, психических) повреждений.

В связи с вышеизложенным представляется возможным поставить вопрос о том, возможно ли использовать такой метод защиты для отклонения претензий к несению ответственности за качество продукции, когда информация о содержа-

нии нанобиоматериалов в данной продукции и рисках, связанных с ней, была должным образом доведена до сведения потребителей, и несмотря на то, что данная продукция использовалась должным образом, ее применение по-прежнему приводит к неблагоприятным последствиям.

Отвечая на поставленный вопрос, отметим, что если состояние научных знаний о последствиях воздействия нанобиоматериалов в ближайшие несколько десятилетий останется таким же, как в наше время, или станет хуже из-за бесчисленного разнообразия применяемых нанобиоматериалов, способов их использования и методов их испытаний, которые направлены на получение результата в рамках целевых параметров, которые установила лаборатория (испытательный комплекс), то призрачные (фиктивные) риски, безусловно, будут доводами, используемыми для усиления линии судебной защиты. Потенциальные правонарушители (делинквенты) в данной связи будут утверждать, что заявления истцов основаны на противоречивых или оспариваемых наукой данных, или в более общем плане – на отсутствующей научной базе, указывая на отсутствие реальной возможности создания рисков причинения ущерба. Такая линия судебной защиты, вероятнее всего, будет играть важную роль до тех пор, пока наука не даст более глубокие ответы на эти проблемные вопросы.

Способы судебной защиты от обвинений за качество продукции исходя из Директивы об ответственности 85/374/ЕЕС¹ предусматривают в том числе, что ключевой является защита в суде от самого современного риска – конструктивных недостатков. Полагаем важным отметить, что в соответствии с Директивой 85/374/ЕЕС, доминирующий оператор может использовать этот метод судебной защиты, т. е. утверждать, что данный выброс не был связан с причинением последовавшего ущерба из-за отсутствия в нем рисков в момент времени выброса.

Так, немецкий правовед В. Фогельман приводит доводы, в соответствии с которыми рассматриваемый метод должен толковаться в узком смысле в соответствии с принципом предосто-

¹ Council Directive 85/374/EEC of 25 July 1985 on the approximation of the laws, regulations and administrative provisions of the Member States concerning liability for defective products. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31985L0374:en:HTML> (дата обращения: 30.04.2021).

рожности. В частности, он отмечает, что «даже неокончательные научные доказательства о возможности причинения ущерба окружающей среде, исключают применение этого метода защиты» [3]. При использовании такого толкования причиненный ущерб от загрязнения нанобиоматериалами не будет покрываться за счет этой линии обороны. Однако Директивой ЕС об ответственности за причинение ущерба окружающей среде (ELD) предусматривается, что «если оператор докажет, что ущерб был причинен не по его неосторожности, и что это событие произошло в ходе разрешенной деятельности в рамках национального закона о применении директив и регламентов в соответствии с Приложением III статьи 8 (4) (а) Директивы ЕС об ответственности за причинение ущерба окружающей среде (ELD), он не будет нести ответственности»¹.

В других обстоятельствах будет применяться та же самая аргументация в отношении соответствия «минимальным юридическим требованиям», перечисленным в разделе, посвященном соблюдению техники безопасности и гигиены труда «Occupational safety and health» (OHS)², что они не будут достаточными для исключения несения ответственности. Такой метод судебной защиты, допускаемый в тех случаях, когда оператор докажет, что ущерб был причинен третьей стороной, несмотря на принятие соответствующих мер безопасности, учитывая, что «в современном мире безопасность фактически приобрела все черты общественного блага» [2. – С. 49], считается трудным для подтверждения, в частности, в случаях с нанобиотехнологиями в соответствии со статьей 8 (3) (а) ELD.

До получения более надежных научных данных, а также обретения понимания общей причинности в случаях воздействий (загрязнений) от нанобиоматериалов, такие методы судебной защиты будут предоставлять полную возможность потенциальным делинквентам оставаться безна-

казанными. Это отнюдь не означает, что деликтное право не работает; для функционирования защитных механизмов, оно считается рабочим инструментом, который только защищает от действующих непроверенных сигналов о неэффективной (неоптимальной) работе. Без более конкретных научных данных внедоговорная ответственность не достигнет своих целей и будет оставаться слабым механизмом регулирования нано-, нанобио-, а также других новых технологий.

Эффективность судебной защиты прямо влияет на установление размера компенсации за причиненный вред (ущерб), что объективно предопределяет необходимость более подробного рассмотрения вопросов определения компенсации за вред, причиненный делинквентами (правонарушителями) – разработчиками, производителями, продавцами нанобиоматериалов и нанобиопродукции.

В деликтном праве ЕС принцип пропорциональной, а также солидарной ответственности порожен в рассмотренной выше причинности отражает в основном то, каким образом осуществляется возмещение вреда (ущерба) в случае наличия нескольких делинквентов (правонарушителей). Существует несколько вариантов при рассмотрении того, как и в какой степени может быть установлен размер возмещения за причиненный ущерб.

Несомненно, в европейском деликтном праве предусмотрены компенсации за аварию, произошедшую без чьей бы то ни было явной вины, и за вытекающие из нее потери экономического характера (материального ущерба). При этом существуют единообразные ставки и фиксированные суммы компенсации за них, если за причинение конкретного морального вреда и материального ущерба может быть выделена сумма до определенного заданного объема «X» в качестве возмещения ущерба. Например, за причинение травмы будет выделена сумма «X» в качестве возмещения морального вреда. Таковая сумма может быть рассчитана по процентной доле приобретенной инвалидности, что, по мнению нормотворцев, ограничивает ответственность, обеспечивающую выплату компенсации пострадавшему, а также судебную защиту нанобиотехнологической промышленности в целом, включая исследовательские центры и лаборатории, в том числе нанобиотехнологическое производство.

Тем не менее для целей настоящего исследования остается важным вопрос о том, должна ли

¹ Directive 2004/35/EC of the European Parliament and of the Council of 21 April 2004 on environmental liability with regard to the prevention and remedying of environmental damage [2004] OJ L 143, 56–75. Hereinafter Environmental Liability Directive or ELD. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:32004L0035> (дата обращения: 30.04.2021).

² Construction Safety and Health. Workplace Safety & Health Topics. National Institute of Occupational Safety and Health. – URL: <https://www.cdc.gov/niosh/topics/construction/> (дата обращения: 30.04.2021).

присуждаться компенсация за ущерб, причиненный в качестве прямого следствия конкретной аварии (т. е. с включением традиционных понятий о косвенных экономических потерях), или может ли причиненный вред (ущерб) также быть возмещен за ожидаемые в будущем уже испытанные воздействия, например, компенсации за повышенный риск вреда от облучения.

Так, в Великобритании повышенный риск в случае заболевания мезотелиомой является основанием для компенсации вреда, при этом данный вред должен быть подтвержден медицинскими документами. Судебные дискуссии о потере возможностей также указывают на то, что начало болезни (травмы) по меньшей мере должно быть очевидным.

Следовательно, в европейском суде нельзя однозначно требовать возмещения вреда за утрату шансов оставаться здоровым, если не будет доказано (станет известным), что воздействия нанобиоматериалов оказали вредное влияние на здоровье данных лиц. Таким образом, представляется возможным определить, что в европейском деликтном праве риск (и anxiety – чувство тревоги) компенсируется в качестве косвенного убытка, если он значительный, и не является одним из основных факторов в причинении ущерба.

Для достижения целей настоящего исследования целесообразным представляется также оценить, может ли быть присуждена временная (предварительная) компенсация до окончательного подсчета всех составляющих суммы возмещения вреда (ущерба) в будущем, когда последствия данной травмы получат свое дальнейшее проявление. Такому механизму неизбежно свойственны свои сильные и слабые стороны [5]: сначала в нем бы учитывались риски от воздействия наночастиц, а сумма компенсации переоценивалась бы в ходе ухудшения последствий. Барьером (препятствием) для такого подхода стала необходимость продемонстрировать полученную травму, даже поверхностно, или по крайней мере доказать возможность развития серьезного заболевания¹, возможность наличия латентного периода ухудшения последствий от

данной травмы, а также отсутствия возможности возместить вред в связи с неплатежеспособностью или вследствие отсутствия у лица (лиц), причинившего вред – причинителя или причинителей вреда (ущерба) при резко выраженных последствиях от данной (полученной) травмы.

Такому положению дел в состоянии противостоять сложившаяся практика выплат компенсаций в рассрочку. Однако в целом действующая в ЕС страховая компенсационная система требует наличия гибкой инфраструктуры судебной системы (равно как и солидного страхового фонда) и, что еще важнее, претендентам на получение компенсационных выплат придется довольствоваться перспективой только частичной компенсации за причиненный вред (понесенный ущерб).

Далее рассмотрим вопрос о восстановлении первоначального состояния, что немаловажно с точки зрения причиненного вреда (ущерба) окружающей среде. Более детально указанный проблемный вопрос может быть сформулирован следующим образом: выиграет ли загрязнение нанобиоматериалами и последующее нанесение вреда окружающей среде от обязательства по возвращению ситуации в ранее существовавшее состояние?

Прежде чем попытаться ответить на поставленный вопрос в судебном заседании, представляется целесообразным установить, является ли возможным полное восстановление. Немаловажно отметить, что на сегодняшний день сколь бы то ни было подходящая с научной и практической точек зрения информация о разработках каких-либо методов или мер в этом направлении, отсутствует.

Как было отмечено выше, обнаружение нанобиоматериалов в окружающей среде является в наше время серьезной научной проблемой.

Директива ELD при специальном ее применении к экологической среде обитания ЕС «Натура-2000» (Natura 2000)² немного может предложить для нахождения ответа на вопрос о ранее существовавшем состоянии. Рассматриваемая Директива ELD, требует полного восстановления исходного состояния на месте, хотя предполагается и дополнительная реабилитация в случае невозможности полного восстановления, и компен-

¹ См.: Johnston V. NEI International Combustion LTD. UKHL 39 (17 October 2007). – URL: <https://www.casecheck.co.uk/johnston-v-nei-international-combustion-ltd-2007-ukhl-39-17-october-2007.html/>. (дата обращения: 30.04.2021).

² Natura 2000. – URL: https://ec.europa.eu/environment/nature/natura2000/index_en.html/ (дата обращения: 30.04.2021).

сационная реабилитация, которая заботится о временном возмещении вреда (ущерба), причиненного (нанесенного) использованию ресурсов среды обитания, предлагая в обмен сходные варианты. Одним из таких вариантов является естественное самовосстановление.

Действующие органы власти в соответствии с требованиями ELD должны взвесить доступные и разумные варианты восстановления, прежде чем выбрать метод очистки, всегда стремясь вернуться к исходному состоянию, т. е. оценить их соответствие следующим критериям: затраты на восстановительные мероприятия, успех от их реализации, будут ли они препятствовать нанесению будущего и сопутствующего ущерба, воздействие восстановительных мероприятий по выбранному варианту восстановления на здоровье и безопасность людей, выгоды от них природным ресурсам, сколько времени все это займет. Упомянутые органы власти могут также выбрать вариант, связанный с предоставлением либо непредоставлением мер по восстановлению первоначального состояния, если к тому времени они уже «устранили значительные риски» и, что интересно, если затраты «непропорциональны получаемым экологическим выгодам» [4].

При этом немаловажно отметить, что определение биоразнообразия, приведенное в статье 2 ELD, устраняет споры о количественной оценке ущерба на основе изменчивости видов, но вместо того сосредоточено на оценке «затрат на реализацию компенсационного проекта реставрации путем применения менее спорных и тем самым более приемлемых для всех сторон экономических методов оценки»¹.

Таким образом, восстановление первоначального состояния основано на анализе затрат и выгод. Считается, что оно может быть необходимым не только с политической и административной точек зрения, но и для воспрепятствования проявлению дальнейших пагубных последствий для окружающей среды (и здоровья человека) в результате очистки.

Подводя итоги проведенному исследованию, представляется важным отметить, что в Европейском деликтном праве обязательство по восстановлению ранее существовавшего состояния должно применяться и при загрязнении нано-

биоматериалами, выступать в качестве сдерживающего фактора, побуждающего поставщиков и производителей применять меры предосторожности и оказывать влияние на предварительные исследования и проверки, осуществляемые ими. Такое сдерживание, однако, может быть нарушено из-за роли, играемой страховщиками, хотя в шаблонной форме уведомления, направленного в 2008 г. страховым альянсом «Континентальная западная группа»² (США) держателям страховых полисов утверждалось, что в ее политике по восстановлению, в том числе по общей коммерческой ответственности страховой организации, при компенсации ущерба, понесенного страхователями – владельцами бизнеса, будет содержаться исключение в отношении нанотрубок и нанобиотехнологий. Даже если такое сдерживание специально не предусматривает восстановление ущерба, причиненного окружающей среде, ссылаясь только на имущество, оно позволяет не принимать во внимание это уведомление в случае возникновения между ними конфликта, давая нам возможность предположить, что данная компания не исключает специального покрытия нанобиотехнологической ответственности, если таковое будет затребовано.

Вместе с тем материальная ответственность за причиненный ущерб в европейском деликтном праве не действует заранее – сами по себе риски понесения ущерба в будущем не подлежат компенсации. Таким образом, истцы сталкиваются с необходимостью судебного доказывания наличия чего-то осязаемого, на основе чего может быть назначена (определен размер) и выплачена компенсация, т. е. демонстрации свидетельства о причиненном вреде (ущербе) или хотя бы основательных известных вероятностей того, что определенный тип ущерба от воздействия проявит себя позже, на что наука, связанная с нанобиоматериалами, пока не дает однозначного ответа.

Подобный подход позволил определить, что современное европейское деликтное право обладает инструментами для эффективного регулирования новых технологий, поддержания справедливого баланса прав потенциальных делинквентов (правонарушителей) и возможных групп

¹ См.: Sustainability. – URL: <https://www.bergkampinc.com/sustainability/> (дата обращения: 30.04.2021).

² Construction Safety and Health. Workplace Safety & Health Topics. National Institute of Occupational Safety and Health. – URL: <https://www.cdc.gov/niosh/topics/construction/> (дата обращения: 30.04.2021).

риска. Даже при наличии выплаты страхового покрытия необходимость восстановления первоначального состояния по-прежнему остается серьезным инструментом сдерживания (еще одной проблемой является то, что лицо, определяющее политику, должно также понимать, что сегодня страхование ответственности за причинение экологического ущерба все еще является относительно новым бизнесом; в этом отношении представляется возможным сослаться на то, что дифференциация рисков в страховании ответственности за причинение ущерба окружающей среде в европейском деликтном праве все еще находится в начальном состоянии и что существует гораздо больше возможностей связывать

соответствующим образом условия страховых полисов и страховых премий с экологической надежностью нанобиопроизводителей), хотя латентный ущерб может представлять препятствия, даже если существует положение о временной (предварительной) компенсации ущерба. В последующем, выработанные в европейском деликтном праве методы судебной защиты, а также определения компенсации по делам о внедоговорной ответственности в нанобиотехнологической сфере, по нашему мнению, отчасти могут найти свое отражение в отечественном праве, например, в гражданском и природоресурсном (природоохранном) законодательстве Российской Федерации.

Список литературы

1. Плотникова А. Создатель вакцины от коронавируса рассказал о происхождении COVID-19 // Profile.ru. – 2020. – 19 декабря. – URL: https://profile.ru/news/scitech/sozdatel-vakciny-ot-koronavirusa-rasskazal-o-proisxozhdenii-covid-19-470330/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop/ (дата обращения: 30.04.2021).
2. Федулов Г. В. Безопасность как нематериальное благо субъектов гражданского права // Экономика. Право. Общество. – 2019. – № 1. – С. 48–55.
3. Fogelman V. First Environmental Liability Directive cases from European Court of Justice. Retrieved 20.12.2010, from Commerical Risk Europe. – URL: <http://www.commercialriskeurope.com/cre/190/57/First-Environmental-Liability-Directive-cases-from-European-Court-of-Justice/> (дата обращения: 30.04.2021).
4. Cheryl Micallef-Borg, Geert van Calster. Non-Contractual Liability as an Instrument for Regulating Nano and New Technologies : A Thorough Review Using National and European Union Tort Law. – 2011. – June 21. URL: <https://ssrn.com/abstract=1934730> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1934730> (дата обращения: 30.04.2021).
5. Gerven van Walter, Lever J. F., Larouche P. Tort Law: Ius Commune Casebooks for the Common Law of Europe, Bloomsbury Academic, 2000.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2021-1-72-79>

Развитие правового обеспечения личной безопасности обучаемых в образовательных организациях высшего образования США

Г. В. Федулов

аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: fedulov.gv@rea.ru

Development of Legal Provision of Personal Security of Students in Educational Institutions of Higher Education in the United States

G. V. Fedulov

Post-Graduate Student of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: fedulov.gv@rea.ru

Аннотация

В работе приведены результаты исследования основных общих особенностей развития правового обеспечения личной безопасности обучающихся и выпускников, в том числе постдоков, американских университетов и колледжей в условиях распространения коронавирусной инфекции, усугубляющих финансово-экономический кризис глобального масштаба, а также негативно влияющих на неприкосновенность студентов, вынужденно находящихся на удаленном обучении в университетских кампусах. Предметом исследования послужили отношения, возникающие в процессе реализации прежде всего гражданско-правовых и отчасти административно- и уголовно-правовых отношений между администрацией и преподавателями университетов и колледжей, с одной стороны, и студентами – с другой, а также между студентами при межличностном общении, в процессе которого возникают ситуации противоправного характера, требующие разрешения в первую очередь посредством использования гражданско-правовых методов и средств профилактики и противодействия для обеспечения личной безопасности субъектов образовательной деятельности. В процессе проведения исследования были использованы логический, аналитический, историко-правовой, эмпирический, метод стратегического управления, инструментальный и другие методы познания объективной реальности в рассматриваемой юридической области. Научную новизну исследования составили новационные подходы к правовому обеспечению личной безопасности студентов (выпускников) вузов США, результатами которых явились следующие основные выводы, в соответствии с которыми, во-первых, сложившееся негативное положение дел в отношении обучающихся, в том числе аспирантов PhD, а также постдоков и ассистентов профессоров, может быть исправлено посредством пересмотра законодательной политики в области грантового обеспечения, позволяющего поощрять увеличение числа научно-образовательных благотворительных фондов (сделать это действительно выгодным и для государства, и для бизнес-сообщества), имеющих существенные финансовые возможности, и тем самым расширить возможности финансовой поддержки указанной категории лиц за счет заключаемых с ними наряду с трудовыми договорами договоров гражданско-правового характера на проведение научных исследований, а также осуществление ими учебной и учебно-методической деятельности; во-вторых, в современном обществе нет места такого рода правилам, которые установлены на сегодняшний день действующей редакцией Раздела IX Свода законов США. В свою очередь университеты должны и далее самостоятельно поддерживать в своих стенах должный порядок и дисциплину исходя из гражданско-правовых норм деликтного и договорного права (что более всего, по нашему мнению, подходит именно для гражданско-правовых методов обеспечения личной безопасности студентов и иных непосредственных участников образовательного процесса), а также при необходимости с помощью административного и уголовного законодательства, которое, как известно, автоматически прекращают действие гражданско-правовых норм, если происходят соответствующие случаи исключительного характера, тре-

бующие прямого вмешательства правоохранительных органов государства. Такой режим позволил бы применять разные подходы, соответствующие многообразию имеющихся социальных и правовых институтов. Тем не менее до тех пор пока правительство Соединенных Штатов будет обеспечивать соблюдение регламентов Раздела IX Свода законов США, только четко сформулированные правила будут способствовать обеспечению личной безопасности студентов и других участников образовательной деятельности, защищать надлежащие для исполнения внутриуниверситетские управленческие процедуры и свободу слова и университетскую культуру в целом, которые приносятся ими в жертву, из-за фактического «безумия» молодых людей – студентов и некоего, имеющего нередко политический окрас, пыла вузовских администраторов среднего уровня.

Ключевые слова: юриспруденция, право, гражданский, образование, безопасность, договор, риск, организация, среда, сфера, деятельность, кризис, пандемия, студент, выпускник, постдок, университет, колледж, противодействие, посягательство, COVID-19.

Abstract

The paper presents the results of a study of the main general features of the development of legal support for the personal safety of students and graduates, including postdocs, American universities and colleges in the current conditions of the spread of coronavirus infection, which exacerbate the financial and economic crisis on a global scale, as well as negatively affecting the integrity of students who are forced to study remotely on university campuses. The subject of the study was the relations that arise in the process of implementing primarily civil law, as well as, in part, administrative- and criminal law relations between the administration and teachers of universities and colleges on the one hand and students on the other, as well as between students in interpersonal communication, in the process of which situations of an illegal nature arise that require resolution primarily through the use of civil law methods and means of prevention and counteraction to ensure the personal safety of subjects of educational activity. In the process of conducting the study, logical, analytical, historical and legal, empirical, strategic management, instrumental and other basic methods of cognition of objective reality in the legal field under consideration were used. The scientific novelty of the study was made up of innovative approaches to the legal provision of personal security of students (graduates) of US universities, the results of which were the following main conclusions, according to which, first, the current negative state of affairs in relation to students, including PhD students and postdocs and assistant professors, can be corrected through the revision of legislative policy for grant support, allowing you to promote an increase in the number of scientific-educational charities (to make it really profitable for the state and for the business community) who have substantial financial capabilities, and thereby expand the possibilities for financial support of this category of persons due to be concluded with them, along with employment agreements, contracts of civil nature for scientific research, as well as the implementation of their educational and methodological activities and, secondly, in modern society there is no place at all for such rules, which are established today by the current version of Title IX of the Code of Laws of the United States. In turn, universities should continue to independently maintain proper order within their walls and discipline themselves by civil law methods - general rules of tort and contract law (which, in our opinion, is most suitable for civil law methods of ensuring the personal safety of students and other direct participants in the educational process), as well as, if necessary, administrative and criminal legislation, respectively, which are known to automatically terminate civil law norms if there are relevant cases of an exceptional nature that require direct intervention by law enforcement agencies of the state. Such a regime would allow different approaches to be applied, corresponding to the diversity of existing social and legal institutions. And yet, as long as the United States Government enforces the regulations of Title IX of the United States Code of Laws, only clear and well-defined rules will help ensure the personal safety of students and other participants in educational activities, protect proper intra-university management procedures and freedom of speech from the university culture that they sacrifice because of the actual «insanity» of young people – students and a certain fervor of middle-level university administrators, which often has a political connotation.

Keywords: jurisprudence, law, civil, education, security, contract, risk, organization, environment, scope, activity, crisis, pandemic, student, graduate, postdoc, university, college, counteraction, encroachment, COVID-19.

Новые, необычные для нашего поколения условия, в которых оказалось все мировое сообщество, характеризующиеся неблагоприятной финансово-экономической ситуацией, активно развивающейся на фоне пандемических явлений, вызванных распространением коронавирусной

инфекции COVID-19, приводят не только к заражению большого числа людей, но и росту числа противоправных деяний, совершаемых в том числе в молодежной среде. В сложившихся условиях возникает объективная необходимость выработки новационных методов правового обеспечения

безопасности обучаемых в образовательных организациях высшего образования (студентов), повышения их правового статуса как объектов и одновременно субъектов безопасности не только с помощью административно- и уголовно-правовых, но и гражданско-правовых методов.

В связи с этим полагаем важным обратиться к опыту США, где студенты обычно отрицают свою принадлежность к отдельному классу общества. Скорее они относят себя в силу сложившихся традиций к «доклассовому» [4] (pre-class) сообществу, поскольку пока не влились в ряды производственных и интеллектуально состоявшихся социально-экономических формаций.

Современные студенты в индустриально развитых государствах мира, в том числе в США и в России, могут только надеяться, что в случае успешного окончания образовательной организации, прежде всего университета или колледжа, со временем смогут стать частью среднего класса. Это в свою очередь означает, что они станут наемными работниками, которых в США не вполне корректно, по нашему мнению, называют принадлежащими к «рабочему классу» [3].

Нередко переход вчерашних американских студентов в средний класс существенным образом затягивается из-за необходимости выплаты накопившихся за время обучения кредитов. Особенно серьезно указанная проблема влияет на тех студентов, которые после окончания бакалавриата и магистратуры продолжили обучение в аспирантуре PhD.

Получение диплома PhD в США, как и в подавляющем числе стран, всегда было весьма трудной задачей. Несмотря на то что призывы американской общественности к реформированию системы образования звучат уже довольно давно, время учебы в аспирантуре PhD до сих пор не сократилось.

В свою очередь в России обучение в очной аспирантуре длится три года (официально диплом PhD выдается только несколькими российскими университетами наравне с утвержденными дипломами кандидата наук). В Великобритании для получения диплома PhD обычно требуются четыре года обучения, хотя многие соискатели ученой степени PhD затрачивают значительно больше времени.

Дипломы PhD в США, особенно выдаваемые престижными университетами, представляют собой документы, подтверждающие достижение их обладателями «высочайшего уровня в обра-

зовании и науке, фактически, свидетельствуют о явной целеустремленности и ответственности» [7]. В среднем на получение степени PhD в областях науки и техники аспиранты в США затрачивали около семи лет, в области социальных наук – восемь, около девяти лет требуется для того, чтобы стать PhD в области гуманитарных наук. Но наибольшее число времени затрачивают соискатели ученой степени PhD в области педагогики – около 12 лет [6].

Типичному обладателю диплома PhD может быть уже около 30 лет при его вступлении в реальный мир. К тому времени его друзья, решившие пойти по другому пути, накопили опыт работы и сбережения, вместо того, чтобы пополнить ряды имеющей большие кредитные долги рабочей силы. По данным Национального научного фонда (National Science Foundation, NSF), расположенного в США, за последнее десятилетие спрос на экспертов в научных сферах резко сократился [3].

При этом немаловажно, что штатные сотрудники в университетах по всему миру, имевшие пожизненный контракт, были вынуждены заключать временные контракты, нередко находясь в процессе адъюнктификации и занимая должности не на основании трудовых контрактов, а договоров, как их называют в Российской Федерации, гражданско-правового характера (предоставления услуг, подряда), что является нетривиальным способом для образовательных организаций высшего образования. В настоящее время более половины всех преподавателей в США привлечены к осуществлению образовательной деятельности на таких условиях (в последние годы указанная тенденция наблюдается и в европейских, в том числе российских вузах, в соответствии с действующим законодательством «в свете проведенной образовательной реформы» [1. – С. 58]).

Целесообразно отметить, что так называемая адъюнктификация в Германии (в Российской Федерации – адъюнктура), нашла свое достаточно широкое распространение и в Великобритании. При этом и в США, и в Великобритании, и во многих других странах большинство соискателей ученых степеней PhD нередко оставляют без льгот, офисов, стипендий, командировочных, без признания их существования.

В подавляющем большинстве американских и британских университетов многие ассистенты профессоров и нередко сами профессора вынуж-

дены преподавать в нескольких местах для того, чтобы поддерживать приемлемый финансово-экономический уровень. Академический мир профессоров и исследователей в современных вузах беспощаден. Так, например, преподавателям не дозволяется взаимодействовать друг с другом на равных. К большинству ассистентов относятся, как к интеллектуальными париям (отверженным, бесправным). При этом сойти с накатанной колеи ассистента, не имея доступа к финансированию собственных исследований или выступлений в аудитории, практически невозможно.

Несмотря на то что существующий спрос явно не соответствует предложениям, университеты продолжают «штамповать докторов» (PhD). При практически полном отсутствии явных шансов быть зачисленными на пожизненную должность преподавателя (тенюр) у остепененных PhD не остается иного выбора, кроме как согласиться с незаслуженно принимаемым статусом, присваиваемым в постдокторантуре, называемым постдокторатом или постдокком.

Указанные постдоки или постдоктораты устраиваются в университеты и научные институты; средний срок пребывания в постдокторантуре составляет 2-3 года и требует прохождения конкурсного избрания. Без прохождения стадии постдока в странах Европы, Америки и Австралии и без подтверждения при этом своей квалификации научными публикациями практически невозможно найти место работы не только в академическом мире, но и в серьезных государственных и коммерческих организациях.

Представляя собой малооплачиваемую рабочую силу для университетских кафедр и лабораторий, которой приходится довольствоваться весьма небольшим уровнем финансирования научных исследований, постдоки, как правило, если не имеют дополнительного заработка в сторонних организациях, фактически живут по принципу «от зарплаты до зарплаты», выполняя одну и ту же работу, имея весьма малые шансы на прогресс. Любые их попытки создать собственную лабораторию игнорируются или не поощряются.

Подобное положение дел сложилось прежде всего по причине того, что для постдоков недоступно ни научное руководство исследованиями, ни доступ к источникам финансирования. Во многих отношениях, как и ассистент профессора, американский постдок, находится в самом неприемлемом положении, будучи при этом «за-

сасываемым в круговорот безнравственного холопства» [4].

Таким образом, общество приобретает в лице постдоков малооплачиваемый научный персонал, имеющий доступ непосредственно к научной деятельности, но чрезмерно загруженный учебной (как правило, проведение практических, а не лекционных занятий, без права осуществлять руководство выпускными квалификационными работами студентов) и учебно-методической работой, что объективно снижает уровень мотивации и приводит к разочарованию. Современные американские и британские (и не только) постдоки – это, как правило, переутомленные и недооцененные молодые люди. Будь то в США или Великобритании, существующая система постдоков вселила ожидания академического карьерного роста, которые во многих случаях никогда не станут реальностью.

К сожалению, миновать стадию постдока в академических сообществах большего числа современных государств практически невозможно, если выпускник университета принял решение занять значимое положение в академических кругах. Прежде чем посвятить себя работе в университете, ему рекомендуют оценить собственные возможности, учитывая, что выбранный им академический путь весьма непрост. Как правило, аспиранты PhD подвержены большему риску психического расстройства, чем население в целом.

Менее обсуждаемое явление в среде постдоков – изоляция от общества. Зачастую абстрактная природа их труда и ощущение ими интеллектуальной скудости могут привести к своего рода умственной деградации.

Низкая оплата их труда снижает возможности выплат по кредитам, снижая и без того невысокий экономический уровень и социальный статус. К этому можно добавить осознание отсутствия рынка труда с пожизненной занятостью.

Все вышеперечисленные негативные с точки зрения личной безопасности факторы в своей совокупности могут привести аспиранта PhD или постдока, или ассистента профессора к психологическому срыву. В связи с этим полагаем важным отметить, что внедрение института постдокторантуры, соответствующей американской либо британской модели, нашей стране было бы нецелесообразным.

Тем не менее проявления вышеуказанных пагубных воздействий, угрожающих личной безопасности, присутствуют и в российской академиче-

ской среде (не только в вузах, но и в научных и научно-исследовательских институтах). Поэтому целесообразно и далее расширять практику привлечения молодых ученых и преподавателей к образовательной и научной деятельности через посредство грантовой поддержки на условиях, предусмотренных не только стандартными трудовыми договорами, но и дополнительно заключаемых с ними от лица государственных и частных научно-образовательных фондов договоров гражданско-правового характера.

С учебно-научной точки зрения общеизвестно, что безопасность труда в университете во многом зависит от количества научных статей, которые аспирант уже опубликовал в авторитетных, рецензируемых, особенно высокорейтинговых, журналах. Однако сегодня число не принятых к публикации статей продолжает расти, особенно на это повлиял так называемый коронакризис (пандемическая угроза личной, национальной и планетарной безопасности).

Существенным образом повысились требования, предъявляемые редакциями научных журналов к таким публикациям; возрастает стоимость опубликования в высокорейтинговых журналах, а также различного рода изданиях научной направленности, предполагающих грантовую поддержку, которой у аспиранта или постдока может и не оказаться. В результате наука все более приобретает черты, присущие бизнесу, требующему предварительных вложений до получения прибыли и преференций.

Сложившееся негативное положение дел, как отмечено выше, может быть исправлено посредством пересмотра законодательной политики в области грантового обеспечения обучающихся, в том числе аспирантов PhD, а также постдоков и ассистентов профессоров, позволяющего поощрять увеличение числа научно-образовательных благотворительных фондов (сделать это действительно выгодным и для государства, и для бизнес-сообщества), имеющих существенные финансовые возможности, и тем самым расширить возможности финансовой поддержки указанной категории лиц за счет заключаемых с ними наряду с трудовыми договорами договоров гражданско-правового характера на проведение научных исследований, а также осуществление ими учебной и учебно-методической деятельности.

Еще одной актуальной на сегодняшний день проблемой обеспечения безопасности в образовательных организациях, прежде всего в вузах,

является вопрос предупреждения и противодействия сексуальным насилием, число которых резко возросло из-за необходимости для студентов находиться преимущественно дома или в университетских кампусах в условиях пандемии.

В начале мая 2020 г. Министерство образования США, входившее в расширенную администрацию Президента Д. Трампа, объявило о постепенном введении новых регламентов Раздела IX Свода законов США¹ в отношении преследования студентов за сексуальные домогательства гражданско-правовыми методами и средствами, имеющимися в распоряжении вузовских администраций. Несмотря на серьезное отношение американского Минобра к обвинениям студентов в сексуальных проступках, министерство настаивало и продолжает настаивать на усилении защиты обвиняемых, разрешая перекрестные допросы оспариваемого поведения представителями сторон и не позволяя одному и тому же администратору университета или колледжа быть и следователем, и лицом, принимающим решения по фактически гражданско-правовому спору, находящемуся в силу американского законодательства, на стадии рассмотрения вопроса в стенах университета во внесудебной юрисдикции. Эти правила также «стараяются не допустить, чтобы комментарии о том, что должно считаться неправомерным поведением» [6], использовались в качестве оснований для последующего предъявления судебного иска в соответствии с вышеупомянутым Разделом IX.

В связи с этим необходимо отметить, что изменения, вносимые в указанные регламенты, не нашли поддержки в Американском совете по образованию (ACE), созданном в 1918 г. и являющемся некоммерческой ассоциацией высшего образования в США (в состав ACE входит около 1 700 американских университетов и колледжей, а также несколько связанных с высшим образованием менее крупных объединений и ассоциаций).

Главное возражение, выдвинутое ACE, связано с тем, что внедрение рассматриваемых регламентов потребует больших финансовых затрат, особенно во время кризиса COVID-19 (коронакризиса). Но эти же самые организации не жаловались на огромные расходы, которые

¹ См.: Title IX and Sexual Misconduct New York Film Academy. – 2020. – May 19. – URL: <https://www.nyfa.edu/about/title-xi.php> (дата обращения: 31.01.2021).

они понесли из-за заявления администрации Б. Обамы, находившегося на президентском посту в 2009–2017 гг. [6], которая фактически вынудила американские университеты и колледжи активизировать расследования сексуальных домогательств, нанять еще больше должностных лиц (администраторов) для контроля за исполнением регламентов Раздела IX. Тогда они оказались под угрозой потери всего федерального финансирования. В настоящее время эта угроза нивелирована новыми правилами.

АСЕ также отметил, что новые регламенты Раздела IX, введенные при Д. Трампе, нарушают процесс управления университетом, как будто проблема связана с этими конкретными правилами, а не с решением о расширении Раздела IX, принятым еще президентской администрацией США Б. Обамы. Кроме того, новые регламенты являются формально юридическими, на их основании молодого студента могут пожизненно назвать сексуальным развращенцем или злодеем (*sexual miscreant or predator*), если он не будет связан строгими правилами. Не признаются также многие постановления судов (без сомнения, формально юридических), которые отменяли указанные гражданско-правовые решения университетов и колледжей, принятые в соответствии с предыдущими правилами, нарушавшими надлежащую процедуру.

Многие американские университеты и колледжи, приняв к исполнению руководство администрации Б. Обамы по правилам Раздела IX, сделали их еще хуже, чем они должны были быть. Так, в частности, Гарвардский университет стал вопиющим примером: девятнадцать из его профессоров юридического факультета охарактеризовали прежние регламенты средством «лишения обвиняемого возможности ознакомиться с обвинениями против него или нее, встретиться с обвиняющей стороной и нанять адвоката» [6].

Другим ярким примером послужил Северо-Западный университет, в котором одна из женщин – профессор кафедры коммуникаций была дважды привлечена к внутриуниверситетским расследованиям не за какие-либо неправомерные действия, которые она совершила, а за ее принципиальные замечания и обращения с жалобами на несправедливость правил и процедур Северо-Западного университета по проблемам, затрагивавшим сексуальные отношения студентов. В конце концов дела против нее, затеянные университетской администрацией, были прекра-

щены, но отнюдь не до принятия ею решения защищаться в длительных судебных процессах, притом что свобода слова в указанном университете оставалась длительное время в несколько «замороженном» состоянии.

В отсутствие четких стандартов, предусмотренных новыми правилами Раздела IX, университетские администрации будут пользоваться пристрастными гражданско-правовыми процедурами, которые, несомненно, будут заканчиваться гражданско-правовыми актами несправедливости.

Во-первых, представители университетских администраций почти все идеологически придерживаются левых взглядов, зачастую крайне левых, их считают приверженцами политики идентичности. Как, в частности, показал опыт Колледжа Сара Лоуренс (частный гуманитарный колледж в Йонкерсе, штат Нью-Йорк, США), политические взгляды его администраторов оказались даже левее, чем взгляды преподавателей, и они, судя по всему, формируют взгляды студентов в нелиберальном направлении.

Во-вторых, даже университетские администраторы с благими намерениями, вне зависимости от их собственных личных взглядов, нередко движимы бюрократическими стимулами для расширения сферы своей юрисдикции и действий по усмотрению. Они становятся более могущественными и менее ответственными.

Администраторы американских университетов и колледжей не будут слишком часто подвергаться контрмерам ни со стороны профессорско-преподавательского состава, ни со стороны высшего руководства – лидеров образовательной организации высшего образования. Некоторые преподаватели сами вовлечены в «войны» за социальную справедливость и вполне довольны несправедливым процессом, если он идеологически обоснован. Другие преподаватели концентрируются только на своей основной деятельности. Награды и штрафы за атаки на администрацию вуза отсутствуют. На практике профессора естественных наук поддерживали политику равноправия, поскольку принятые на обучение студенты по более низким стандартам могли не записаться ни на один из их учебных курсов (классов).

Вне всяких сомнений существуют и редкие исключения, например, профессорско-преподавательский состав Гарвардской школы права, выступивший против правил Раздела IX своего университета. Однако это явное исключение: препода-

даватели права профессионально заинтересованы в надлежащей правовой процедуре, а профессора права Гарварда располагают не многими внешними опциями, чтобы позволить себе открыто высказывать личную, отличную от спускаемой свыше, точку зрения.

Лидеры университетов, такие как президенты, ректоры, provosts (эквивалент первого проректора в университетах США и Канады) и деканы университетских институтов, колледжей и факультетов, также вряд ли будут контролировать свою администрацию по исследуемым проблемам, связанным с новациями, внесенными в Раздел IX, даже если они сами не являются энтузиастами тех исков, которые мотивируют их студентов и подчиненных. Современный университетский лидер заинтересован в сохранении мирной атмосферы в кампусе (университетском городке). Мир не только облегчает жизнь, он также важен для карьеры администратора, а большинство старших администраторов стремятся подняться в своей карьере до престижных рангов и высокого уровня заработной платы.

С того момента как, профессор Н. Пьюзи в 1969 г. был вынужден уйти из Гарварда за принятое им решение вызвать полицию, чтобы принудительно выдворить студентов-правонарушителей, оккупировавших его офис, руководители университетов жили в страхе перед нападками радикалов и пытались удовлетворять их требования. Потому их поведение вряд ли будет соответствовать идеологическому рвению студенческих движений, таких, например, как «MeToo» (достаточно быстро распространившегося в октябре 2017 г. в соцсетях и осудившего сексуальное насилие и домогательства, в результате скандала и обвинений, выдвинутых в адрес кинопродюсера Х. Вайнштейна), призывающих автоматически поверить всем обвиняющим, или бюрократическим интересам администраторов нижнего уровня, на которых возложено ведение таких программ.

Завершая исследование полагаем важным сделать следующие обобщающие выводы.

В первую очередь, рассмотренные правила, введенные ушедшей администрацией Д. Трампа, необходимы в немалой степени потому, что они создают барьеры против предсказуемых протестов и давлений со стороны студентов, энтузиаз-

ма представителей вузовских администраций в соответствии с Разделом IX и упорства старших должностных лиц в университетских кампусах. Они предлагают модель разработки любых федеральных регламентов, применимых к американским университетам и колледжам.

Во вторую очередь, только в некоем идеальном мире такие правила – руководящие принципы – считались бы второсортными и малопримлемыми. По нашему мнению, в современном обществе вообще нет места такого рода правилам, которые установлены на сегодняшний день действующей редакцией Раздела IX Свода законов США. В свою очередь университеты должны и далее самостоятельно поддерживать в своих стенах должный порядок и дисциплинировать самих себя гражданско-правовыми методами – общими нормами деликтного и договорного права (что более всего, по нашему мнению, подходит именно для гражданско-правовых методов обеспечения личной безопасности студентов и иных непосредственных участников образовательного процесса), а также при необходимости с помощью административного и уголовного законодательства, которое, как известно, автоматически прекращает действие гражданско-правовых норм, если происходят соответствующие случаи исключительного характера, требующие прямого вмешательства правоохранительных органов государства. Такой режим позволил бы применять разные подходы, соответствующие многообразию имеющихся социальных и правовых институтов. Тем не менее до тех пор, пока правительство Соединенных Штатов будет обеспечивать соблюдение регламентов Раздела IX Свода законов США, только четко сформулированные правила будут способствовать обеспечению личной безопасности студентов и других участников образовательной деятельности, защищать надлежащие для исполнения внутриуниверситетские управленческие процедуры и свободу слова и университетскую культуру в целом, которые приносятся ими в жертву из-за фактического «безумия» молодых людей – студентов и некоего, имеющего нередко политический окрас, пыла вузовских администраторов среднего уровня.

Список литературы

1. Мошкова Д. М., Лозовский Д. Л. Правовое регулирование обеспечения безопасности образовательного процесса в организациях высшего образования // Административное право и процесс. – 2015. – № 7. – С. 58–60.
2. Олейник О. В., Уткина О. Л. Процесс заимствования с когнитивной точки зрения (на материале немецких и английских СМИ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – № 5. – С. 315–319.
3. Hudson M. Are Students a Class? // CounterPunch, 2017. – June 2. – URL: <http://www.counterpunch.org/2017/06/02/are-students-a-class/> (дата обращения: 31.01.2021).
4. Hunt B. The Western Status Quo Political System Is Collapsing Into 'Something Else' // Rssing. – 2017. – June 1. – URL: https://chromobacteriaeae69.rssing.com/chan-67772363/all_p140.html (дата обращения: 31.01.2021).
5. Kowarski I. How Long Does It Take to Get a Ph.D. Degree? // US News. – 2019. – Aug. 12. – URL: <https://www.usnews.com/education/best-graduate-schools/articles/2019-08-12/how-long-does-it-take-to-get-a-phd-degree-and-should-you-get-one/> (дата обращения: 31.01.2021).
6. McGinnis J. O. Why Universities Need the New Title IX Rules // Law & Liberty. – 2020. – May 21. – URL: <https://lawliberty.org/why-universities-need-the-new-title-ix-rules/> (дата обращения: 31.01.2021).
7. Overrated: PhDs // StandPoint. – 2019. – June 26. – URL: <https://standpointmag.co.uk/overrated-phds/> (дата обращения: 31.01.2021).

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2021-1-80-87>

A Conceptual Model for the Innovation Strategy in Terms of Uncertainty by a Scenario-Based Technology Roadmap

Akbar Mohammadi

PhD student of University of Tehran.
Address: University of Tehran, Tehran, Iran
E-mail: imohammadi@ut.ac.ir

Sepideh Mohammadi

MSc student of University of Tehran.
Address: University of Tehran, Tehran, Iran
E-mail: sepideh_mohammadi75@yahoo.com

Abstract

The main purpose of this paper is providing a conceptual model based on scenario planning and technology roadmap for aiding knowledge-based firms which are comforting uncertainty to formulate their innovation strategy. Asking opinion of experts and managers of these firms, we tried to consider all environmental uncertainties which marine industry knowledge-based firms are faced with. Academic and practical experts have verified proposed conceptual model, which tries to consider required dimensions of innovation strategizing. Employing qualitative approach, we have used various research tools such as deep interviews with experts and managers of knowledge based firms in Iran maritime industry for gathering and analyzing qualitative data. Our research design had two major phases. In the first phase, we tried to make our panel experts become much more familiar with the way of how innovation strategy in knowledge-based firms in uncertainty conditions can be formulated and how scenario-based technology road mapping can be employed in this situation. In second phase, we asked stakeholders to check the results and verify them. Therefore, in this research, qualitative tools are widely used for data collection and analysis. In this research, the concept of innovation strategy has approached based on Vahs and Berm work, which defines innovation strategy by its four components such as technology strategy, product strategy, process strategy and finally timing strategy. Innovation and technology strategy as a functional strategy are known as the key elements of strategic planning of any business. Many studies address firm's innovation strategies are affected by different organizational features. Review of the literature shows that a conceptual model which handle many of internal and external organizational features relating with innovation strategy in uncertainty situations has not been implemented with the employing scenario-based technology roadmap. The final model obtained is a conceptual model in time, with the advance of the timing strategy and taking into account the characteristics of market pull (drivers, needs and perspectives) and the technology push (innovations, enablers, and resources) in the overall Innovation strategy process begins. As in the scenarios-based technology roadmap models, four layers of market, products, technologies and technological resources strategies in the context of the time frame during the model of innovation strategies process are considered in this model. In this model, the competitive advantage comes from considering the external environment and paying attention to internal skills and capabilities, and then the stages of competitive strategy, technology strategy, and gaining competitive advantage over time are emphasized. Reviewing all aspects and considering uncertainty by utilizing the scenario-based technology roadmap tool as well as initiating an innovation strategy with developed processes and technologies along with customer needs and market pull are main achievements of the model marine industries knowledge-based firms. This model, given the fact that it has been reviewed by the managers and experts of these companies, as well as all the requirements of the literature, has increased its applicability, along with its high learning.

Keywords: Innovation Strategy, Scenario based technology roadmap, Knowledge-based Companies, Iranian Marine industries.

Introduction

In a world where the changes occur so fast, a look into the future is not only an additional tool for strategic planning but an essential exercise for every company [23]. The fundamental importance of

innovations for a company's success is nothing new, since the ability to generate and implement innovations have always been key to the success of a company [13]. What is new is an increasingly dynamic and complex economic environment,

forcing companies that want to stay competitive into developing new products within increasingly shorter intervals of time. Globalization is a significant factor in this context. On one hand, it opens up new procurement markets and consumer markets; on the other hand, it puts local markets under increasing pressure from foreign providers. Globalization is not only characterized by an increased mobility of goods and labour, but also by a high mobility of information and knowledge. This results in dramatic knowledge based rates of increase accompanied by technological progress, which in turn entail many solutions inconceivable only 10 years ago [7]. At the same time, the interval in which knowledge can be applied is also getting shorter. In addition to technological progress, the fact that customer needs are getting more and more met by specific solutions leads to a drastic reduction in product life cycles (Shepherd and Ahmed) [4]. Studies show that product life cycles in the past 50 years have decreased on average by 75 % [7].

Our research design had two major phases. In the first phase, we tried to make our panel experts become much more familiar with the way of how innovation strategy in knowledge-based firms in uncertainty conditions can be formulated and how scenario-based technology road mapping can be employed in this situation. In second phase, we asked stakeholders to check the results and verify them. Therefore, in this research, qualitative tools are widely used for data collection and analysis. In this research, the concept of innovation strategy has approached based on Vahs and Berm work, which defines innovation strategy by its four components such as technology strategy, product strategy, process strategy and finally timing strategy. The innovation strategy model obtained is a conceptual model in time, with the advance of the timing strategy and taking into account the characteristics of market pull (drivers, needs and perspectives) and the technology push (innovations, enablers, and resources) in the overall Innovation strategy process begins. As in the scenarios-based technology roadmap models, four layers of market, products, technologies and technological resources strategies in the context of the time frame during the model of innovation strategies process are considered in this model.

In order to present this model, literature review has been initially conducted on the areas of innovative strategy and the conceptual framework of the roadmap for technology and the relationship

between them. Then the research methodology is expressed and the conceptual model of the innovation strategy is expressed with the views of the experts. At the end of the article, the findings and results of the research are discussed.

Innovation Strategy

Here, the term innovation strategy will follow the thoughts of Vahs and Brem, which characterize an innovation strategy by means of four content components, namely those of technology, product, process and timing strategy. As illustrated in Figure 1, there are interdependencies between the various components of innovation strategy [28].

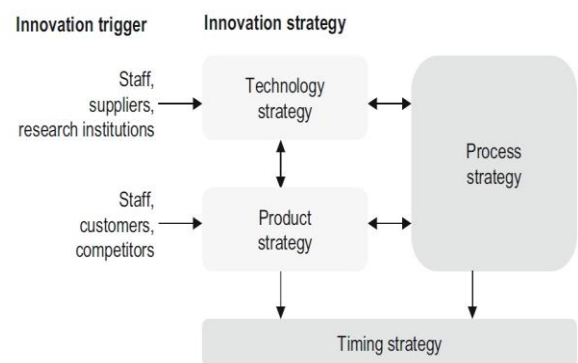


Figure 1. Components of innovation strategy [28]

Thus, new technologies and processes which have been inspired by staff, suppliers or research institutions make the development of new products possible. Alternatively, new products that have been initiated by staff, customers or competitors, can be the trigger for the development of new technologies and processes. The four components of the innovation strategy can be characterised in detail as follows:

1. Technology strategy: This strategy is used to determine which technologies should be developed and which should be abandoned. The technology strategy is of particular significance, as many ground breaking innovations are induced by technology rather than the market.

2. Product strategy: With product strategy, the decision is which products are going to be developed, kept or eliminated. Thus, it becomes clear that there is a great interdependence between the product strategy and the product policy within marketing.

3. Process strategy: The process strategy frequently results from the chosen technology and product strategy. Initiation of process innovations from new technologies is expected to lead to a cost

reduction and quality improvements. New products can lead to process innovations, especially when they are necessary for the manufacturing process.

4. Timing strategy: After the determination of technology, product and process strategy, decisions need to be made with regard to the timing of the new invention, i. e. the time when the development of product and processes needs to be completed (timing of inventions), and the time when the product should be launched in the market (timing of innovation). If existing products are to be replaced by new ones, it is necessary that the timing strategy is harmonized with the life cycle of the existing products.

In addition, the features of the innovation strategy are based on the various organizational features and it affects them. among these features are defensive or aggressive behaviour of the company and whether the company moves according to the needs of customers (market pull) and/or developed technologies (technology Push) or does the company plan to pursue its strategy based on being a leader in the market or being a follower?.

The generic technology roadmap framework

This is in form of the generic technology roadmap framework presented in Figure 2.

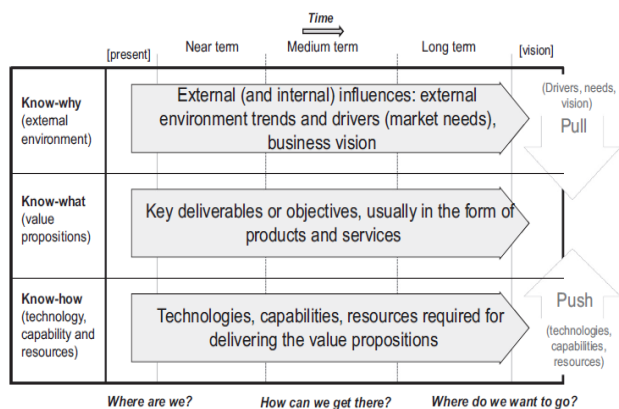


Figure 2. The generic technology roadmap framework [20]

This time-based multilayered structure drives data gathering and analysis. It brings out, along the time dimension, logical steps for planning, asking the questions where are we, where do we want to go, and how can we get there?). The multilayered structure facilitates the alignment of interacting themes, and captures analysis on three broad levels [24]. The firm's value propositions (in form of innovation ideas, products, etc.), are the key focus (the roadmap middle layer). They are to be developed in response to the needs of the external market environment (roadmap top layer). There

sources, capabilities and technologies advance ideas and facilitate delivery of value propositions (the roadmap bottom layer).

Thus the top and bottom layers provide the underpinning for the product innovation from market pull and technology push perspectives respectively and thus facilitate the creation of roadmap [29]. Another feature of roadmapping is that it is usually carried out as a collaborative and social process involving a group of experts in the field of the strategic issue considered in the roadmap [11]. The roadmapping process depends on the cognitive effort of the group which usually serves as the primary (or initial) source of data and the means of its analysis. Roadmapping processes are usually carried out to spur action to drive innovation. Therefore they tend to be driven towards achieving consensus between participants, to increase the likelihood that the decisions reached will be implemented [4].

There is no single universally accepted process for roadmapping, but there are four generic stages identifiable from literature [19]. These are (1) initiation and planning, (2) input and analysis, (3) roadmap synthesis and output and (4) implementation of the roadmap. The input and analysis stage is usually carried out in workshop forums. It is at these workshops that the group of experts participate and their cognitive efforts are combined for input and analysis of data towards consensus building [14].

Technology Roadmap and Innovation Strategy

Rinne explores how technology roadmaps support virtual innovation and argues roadmaps can be important drivers of innovation, as they allow the convergence of foresight and innovation, represent the co-evolution of technologies and markets, and contribute to technology organization over time [22]. Simonse et al. built a model for innovation roadmapping and point out the effects on innovation performance of competitive timing and industry synergy [26]. Ahlqvist et al. [1] propose the Innovation Policy Roadmapping (IPRM), a methodological framework that connects the results of R & D to the innovation systems context for policy design. Therefore, the IPRM integrates technology and social environment analysis to make future-oriented analysis, listing the results of the survey to policy design in five ways: (1) building a common vision; (2) facilitating systemic change by identifying

social needs that require new solutions; (3) anticipating the emergence of a new market; (4) understanding the interdependence of the different layers of the roadmap; (5) identifying specific innovation targets. The IPRM is based on two traditional exercises: technology roadmapping, with respect to the legal instrument of technology identification and its alignment to product planning and action plans, and strategic roadmapping, which involves a dynamic and interactive process.

In structural terms, the authors divide the IPRM on two levels. The first level corresponds to the systemic transformation roadmap, which aims to understand the technological development and its socioeconomic frameworks to support policy-making. Its architecture consists of four levels: (1) drivers, (2) policies, (3) sectoral development; (4) key enablers. The second level corresponds to the technology roadmap, which is a sub level of the key enablers step and is formed by the long-term vision defined in the previous level. The structure of the technology roadmap can have up to four sub-levels, depending on the analyzed topic: (1) technology-based solutions; (2) enabling technologies, convergence; (3) needs and markets (segments, geography); and (4) capabilities, resources, actors (CRA).

To illustrate how the political perspective can be built in the dynamic context, the authors analyzed two case studies: the roadmap of green and intelligent buildings in Australia and the roadmap of environmentally sustainable ICT in Finland. This approach has two main contributions to the use of roadmaps for policy design: (1) the IPRM emphasizes the systemic benefits of foresight, integrating many stakeholders to build a shared long-term vision; (2) the roadmap identifies gaps and the interdependence of the components of the system [1].

Scenario-based Technology Roadmap in Uncertainty

A general objective of technology roadmapping approaches is to provide a structured way of forecasting the future developments of a market or industry and to review this prediction in an ongoing process [12]. Among the many FTA tools, the roadmapping approach has become widely popular during the last decade and has been adopted by companies, governments and other organizations, due to its capability to link technology/innovations, policy and business/social drivers [6]. However, a general lack of attention to uncertainty and risk has been noted across the majority of published

roadmaps. As part of this study, 650 published roadmap reports available in the public-domain [19] were examined. Of these, it was observed that 64 acknowledged the presence of uncertainty and (or) risk.

Of the 64 roadmaps, it was in only 22 (3,4%) that some measures to explicitly address the uncertainties and risks were taken. Eleven of these applied scenario techniques. Similarly, the explicit communication of risk and uncertainty in roadmap visuals has been found to be generally lacking. From a sample of 369 roadmap visuals, uncertainties and risks surrounding the respective objectives and targets were presented on the visual in only 14 (3,8%). It is noted from literature that this observation of a lack of attention to risk can be extended to strategy and innovation planning [3], which are the typical applications of roadmapping. Given the fundamental nature of risk and uncertainty to strategy and innovation it is important that the issues are addressed. The primary feature that sets roadmapping apart from other traditional strategy formulation routines is the visual dimension that it brings to strategic planning [4].

While initial research was limited to the mapping of multiple paths [27], recent research propose approaches, relying on graphical tools for guiding companies towards building scenarios and realizing strategic goals [17]. The instrument for scenario-based technology roadmapping, one of the most recent approaches, already includes analytical power for the process, in order to "provide a concrete way to facilitate decision making against different future conditions" [17]. The proposed approach for scenario-based technology roadmapping in the paper at hand is designed as a four-step approach, analog to the three steps proposed by Lee et al.

Research Methodology

This study is categorized as an applied research and, in terms of research strategy; it is a multiple case study. The case study method can precisely introduce innovation development strategies in marine knowledge based companies by an adequate approach to fully understand the current status (AS-IS). Qualitative case studies allow interpretation based on rich evidence and used to understand less well-known phenomena [9]. In This research, a multidimensional study approach with focus on knowledge based companies analysis of marine industry of Iran is applies. The case study method

base on [30] quadruple categorization of case studies is a holistic multiple-case study. By using this approach, different companies from the marine industry, have been studied to present a conceptual model of the innovation strategy in uncertainty with the help of scenario-based technology roadmap.

As mentioned earlier, the focus of study in this research is the marine knowledge based companies in Iran and the research question is to receive to conceptual model of the innovation strategy in uncertainty in that industry. Purposive sampling method is used to select the samples and identify the case studies. Purposive sampling which is also known as non-probability sampling, try to select targeted research items for gaining knowledge or information. This type of sampling involves the non-accidental selection of units or research items and cases based on the purpose of the research [2]. The process of conducting this research is based on the methodology introduced by [30], which includes the stages of the research plan, case study, data and evidence collection and also data analysis.

Regarding the data gathering in this research, data collection protocol was first developed. Meanwhile, during the reviews and amendments after the initial interviews, the preliminary interview protocol was also formulated. Regarding the data validity, processes such as the selection of key people with careful examination, and the use of initial theoretical framework of research have been used to reach the final model of research. To enhance reliability some techniques were used to organize structured processes for collecting, recording and interpreting data and parallel data analyzing from interviews and agreement among analysts [21].

In this study, as it mentioned in Table 1 a deep interview with 6 managers of the marine knowledge based companies was conducted.

The basis for the interviews was based on whether is there a systematic way of thinking about issues that allow a company to come up with ideas and break the rules? What kind of strategies should be considered in different areas for companies to create these innovations for companies, and what decisions should be made by companies at the levels of resources, technologies and markets in different scenarios.

Interview's questions were designed based on the main purpose of the study and considering the elementary model of the research. The research findings are obtained based on the analysis of the interviews and the reliance on the collected documents regarding the level of capabilities and experience of Iranian marine knowledge based companies in facing challenges.

Conceptual Model of the Innovation Strategy

As previously stated, after theoretical studies and interviews with the managers of the Iranian marine knowledge-based companies, the final model of the innovation strategy of these companies was presented taking into account the uncertainty and the help of a scenario-based technology road map too (Figure 3).

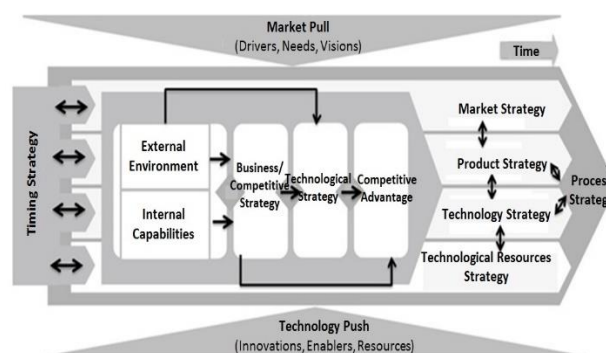


Figure 3. The Conceptual model of Innovation Strategy

Findings

Market Pull and Technology Push

Attention to the market pull in the innovation strategy of knowledge-based companies in marine industries refer to sustainability innovations that rely on upgrading and optimizing existing products, or adding new functions to meet customer and market requirements [10].

In this thinking, special attention is required to the main drivers of business, customer needs and the industry's core vision. The science push approach in the innovation strategy of knowledge base

Table 2
Interviews Details and Information

Interview Duration, h	Interview Date	Degree of Education	Organization	Experience in the Industry	Gender	Interviewee Position
Manager	Male	38	Saman Pishro Tajhiz	MSc	23th August 2019	00:45:00
Manager	Male	32	Caspian Elm Avaran	MSc	25th August 2019	00:55:00
Manager	Female	34	Spadana Tarh	MSc	29th August 2019	01:08:00
Chief Executive Officer	Male	28	Parsian Tarh Afarinan	MSc	4th September 2019	00:53:00
Manager	Male	43	Sepehr System Andish	MSc	13th September 2019	01:45:00
Manager	Male	57	Pasargad	PHD	18th September 2019	00:36:00

companies, also with regard to fundamental innovations, is trying to apply creativity in the new products development through the science and technology development, and emphasizes on innovations, enablers and resources. Also for the organization and management of activities, it is possible to use exploration approach (with the aim of further creativity and achieving fundamental innovations) or exploitation approach (with the aim of optimizing and achieving evolutionary innovations) in the structures of these companies.

Of course, the choice between these two approaches is different in designing innovative structures depending on the industry and the nature of the product and many other factors but the important note is that relying on one of these two approaches in firms structure is not enough due to the turbulent and changing environment that comes with a high risk.

Key Strategies (Market, Product, Technology, Technology Resources and Scheduling)

Considering the literature review and studies on the capabilities and challenges facing the knowledge-based industries of Iran, especially in the marine industry, as well as the results of interviews with the managers of knowledge-based companies in the marine industry, which are constantly faced with these challenges, In total, five key strategies were considered in the overall framework of the innovation strategy. These strategies include market, product, technology, resources, and timing strategies. These strategies need to be considered throughout the process of innovation strategy. These strategies interaction are shown in particular in the model.

These strategies have been used as key strategies by researchers in the field of innovation and technology. In particular, the literature on the technology roadmap has been developed based on these strategies, the importance of having all of them in the model agreed upon by the managers of knowledge-based companies in the marine industry.

From situation analysis to achieve competitive advantage

One of the processes that has been specifically addressed at the heart of the corporate innovation strategy model is the process that demonstrates how to achieve competitive advantage by situation analysis. according to this process, as shown in the figure, in the first step, along with market, product, technology, resources and timing strategies,

attention is also paid to the requirements of technology push and market pull. This precise knowledge can be an introduction to developing a strategy and preparing a precise business model. Then, based on this business model, technology strategy will be written to achieve distinct competitive advantages. The interaction between this four-step process is also depicted in this figure.

Conclusion

The experience of presenting innovation strategy model of the knowledge-based enterprises of the maritime industry suggests that commercialization and simultaneous attention to the issue of market pulling are among the main challenges of these companies, and more attention should be paid to them. In this regard, in the obtained model, along with the issues of the science pull, which includes enablers, resources and technologies, special attention has been paid to market strategies, market drivers and market needs.

The time of product presentation and entry into the market is also one of the important points in the strategy of corporate innovation, which has been considered along with timing strategies, should be based on the accurate knowledge of the environment, the recognition of the corporate capabilities and an examination of important indicators, including the market situation, technology life cycle, and so on. Also along with the above, the development of a competitive strategy and business model for marine knowledge companies based on the accurate knowledge of the internal and external environment and in order to gain competitive advantage has been specifically considered.

In addition to all of the above, developing a time-based innovation strategy reflects the importance of targeting innovations and paying attention to the industry and business perspectives, and it is clear that innovation strategies will also be written to achieve corporate goals. One of the important points highlighted during this study was the careful analysis of the challenges and the presentation of the model, taking into account the requirements of the existing uncertainties.

These uncertainties, which are fundamentally affecting the technological, market, and organizational levels of knowledge-based companies, have made it harder for companies to have a robust and accurate innovation strategy model. These difficult conditions have made the corporate innovation strategy more sophisticated,

and try to see all the requirements and key points of these strategies.

One of the weaknesses of this model in the writers' view is the lack of transparency in the path to the type of activity of the innovation strategy, which should be addressed in subsequent studies to overcome this ambiguity. The fact that companies have active behaviors for their innovation, and they are campaigning to eliminate competitors to gain market share or passive behavior and wait for the competitor to launch a new product and if successful it's a duplicate of copying, two distinct decisions in the strategy of innovation. How to choose these different strategies in the presented model is not stated. Of course, it should be noted that any competitive strategy in the company should show itself in the process and output of the organization, and on the other hand, it is in agreement with the main model of the company strategy.

Studies show that many companies rely on creative actions based on lucrative innovation. Some companies also rely on a particular non-structured approach, which often leads to incremental improvements. The innovation strategy model, which consists of general dimensions, is very necessary for the innovation of companies. This model is a comprehensive, systematic approach that focuses on the creation of incremental, radical and disruptive innovations. Utilizing the above model can make innovations to be a conscious and repeatable process and create an important difference in the value delivered to consumers, customers and partners. The model obtained in this research can be verified in subsequent studies with a higher statistical society of knowledge-based companies in various industries.

References

1. *Ahlqvist T., Valovirta V., Loikkanen T.* Innovation Policy Roadmapping as a Systemic Instrument for Forward-Looking Policy Design // *Science and Public Policy*. – 2012. – N 39 (2). – P. 178–190.
2. *Bazeley P.* Integrating Analyses in Mixed Methods Research, 2017.
3. *Bromiley P., Miller K. D., Rau D.* Risk in Strategic Management Research // *The Blackwell Handbook of Strategic Management*, 2001. – P. 259–288.
4. *Bruce E. J., Fine C. H.* Technology Roadmapping: Mapping a Future for Integrated Photonics, 2004. – P. 1–21.
5. *Burgelman R. A., Rosenbloom R. S.* Technology Strategy: an Evolutionary Process Perspective // *Research on Technological Innovation, Management and Policy*. – 1989. – N 4 (1). – P. 1–23.
6. *Carvalho M. M., Fleury A., Lopes A. P.* An Overview of the Literature on Technology Roadmapping (TRM): Contributions and Trends // *Technological Forecasting and Social Change*. – 2013. – N 80 (7). – P. 1418–1437.
7. *Cooper R. G.* Winning at New Products: Creating Value through Innovation: Basic Books, 2011.
8. *Daim T. U., Oliver T.* Implementing Technology Roadmap Process in the Energy Services Sector: a Case Study of a Government Agency // *Technological Forecasting and Social Change*. – 2008. – N 75(5). – P. 687–720.
9. *Eisenhardt K. M.* Building Theories from Case Study Research // *Academy of Management Review*. – 1989. – № 14 (4). – P. 532–550.
10. *Farrukh C., Holgado M.* Integrating Sustainable Value Thinking into Technology Forecasting: a Configurable Toolset for Early Stage Technology Assessment // *Technological Forecasting and Social Change*. – 2020. – N 158 (6). – P. 120–171.
11. *Garcia M., Bray O.* Fundamentals of Technology Roadmapping. Sandia National Laboratories, 1997.
12. *Hansen C., Daim T., Ernst H., Herstatt C.* The Future of Rail Automation: a Scenario-Based Technology Roadmap for The Rail Automation Market // *Technological Forecasting and Social Change*. – 2016. – N 110. – P. 196–212.
13. *Hauser J., Tellis G. J., Griffin A.* Research on Innovation: a Review and Agenda for Marketing Science // *Marketing science*. – 2006. – N 25 (6). – P. 687–717.
14. *Kerr C., Phaal R.* Technology Roadmapping: Industrial Roots, Forgotten History and Unknown Origins // *Technological Forecasting and Social Change*. – 2020. – N 155.

15. Kerr C., Phaal R., Probert D. Cogitate, Articulate, Communicate: the Psychosocial Reality of Technology Roadmapping and Roadmaps // *R&D Management*. – 2012. – N 42 (1). – P. 1–13.
16. Lee C., Song B., Park Y. An Instrument for Scenario-Based Technology Roadmapping: How to Assess the Impacts of Future Changes on Organisational Plans // *Technological Forecasting and Social Change*. – 2015. – N 90. – P. 285–301.
17. Lee S., Kang S., Park Y., Park Y. Technology roadmapping for R&D planning: The case of the Korean Parts and Materials Industry // *Technovation*. – 2007. – N 27 (8). – P. 433–445.
18. Moehrle M. G., Isenmann R., Phaal R. Technology Roadmapping for Strategy and Innovation. Charting Route to Success. – Berlin al. Springer, 2013.
19. Park H., Phaal R., Ho J.-Y., O'Sullivan E. Twenty Years of Technology and Strategic Roadmapping Research: a School of Thought Perspective // *Technological Forecasting and Social Change*. – 2020. – N 154.
20. Phaal R., Muller G. An Architectural Framework for Roadmapping: Towards Visual Strategy // *Technological Forecasting and Social Change*. – 2009. – N 76 (1). – P. 39–49.
21. Qu S. Q., Dumay J. The Qualitative Research Interview. *Qualitative Research in Accounting & Management*, 2011.
22. Rinne M. Technology Roadmaps: Infrastructure for Innovation // *Technological Forecasting & Social Change*. – 2003. – N 71. – P. 5–26.
23. Rohrbeck R., Schwarz J. O. The Value Contribution of Strategic Foresight: Insights from an Empirical Study of Large European Companies // *Technological Forecasting and Social Change*. – 2013. – N 80 (8). – P. 1593–1606.
24. Saad S., Perera T., Gindy N. N., Cerit B., Hodgson A. Technology Roadmapping for the Next Generation Manufacturing Enterprise // *Journal of Manufacturing Technology Management*. – 2006. – June.
25. Saritas O., Aylen J. Using Scenarios for Roadmapping: The Case of Clean Production // *Technological Forecasting and Social Change*. – 2010. – N 77 (7). – P. 1061–1075.
26. Simonse L. W., Hultink E. J., Buijs J. A. Innovation Roadmapping: Building Concepts from Practitioners' Insights // *Journal of Product Innovation Management*. – 2015. – N 32 (6). – P. 904–924.
27. Strauss J. D., Radnor M. Roadmapping for Dynamic and Uncertain Environments // *Research-Technology Management*. – 2004. – N 47(2). – P. 51–58.
28. Vahs D., Brem A. Innovationsmanagement: Von der Idee zur erfolgreichen Vermarktung (4. Ausg.). – Stuttgart : Schäffer-Poeschel Verlag, 2013.
29. Wells R., Phaal R., Farrukh C., Probert D. Technology Roadmapping for a Service Organization. *Research-Technology Management*. – 2004. – N 47 (2). – P. 46–51.
30. Yin R. K. Case Study Research: Design and Methods. –5th ed. – Los Angeles : SAGE Publications, Inc. Van Rijn G. and Baron G, 2012.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2021-1-88-95>

К вопросу о правовом статусе и правовом положении юридических лиц – участников производства по делам об административных правонарушениях

В. М. Редкоус

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений Академии управления МВД России.

Адрес: ФГКОУ ВО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», 125993, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

E-mail: rwmmos@rambler.ru

Н. Ю. Дуванов

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: Duvanov.NY@rea.ru

С. В. Зарицкий

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: Zaritskiy.SV@rea.ru

On the Issue of the Legal Status and Legal Position of Legal Entities – Participants in Proceedings in Cases of Administrative Offenses

V. M. Redkous

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Management of the Activities of Units for Ensuring the Protection of Public Order of the Center for Command and Staff Exercises of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Address: Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 8 Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh Street, Moscow, 125993, Russian Federation.

E-mail: rwmmos@rambler.ru

N. Yu. Duvanov

PhD of Law, Senior Lecturer of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: Duvanov.NY@rea.ru

S. V. Zaritsky

PhD of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: Zaritskiy.SV@rea.ru

Аннотация

Арсенал методологических средств исследования такого правового явления, как юридическое лицо, безусловно, требует расширения, поиска прочных теоретических оснований, развития прежде всего универсального понятийного аппарата. Одним из значимых теоретических аспектов, выступающих предметом научной дискуссии, является правовое положение юридического лица – субъекта административно-деликтных правоотношений. В статье обоснована возможность и практическая необходимость разграничения правового статуса юридического лица и его правового положения уже как юридического лица, участвующего в реальных процессуальных отношениях, направленных на реализацию соответствующих материальных норм права в связи с возникновением определенного юридического факта, сделан вывод о правомерности использования понятия «административная деликтоспособность» применительно к правовому статусу юридических лиц. Авторы в ходе исследования используют сочетание диалектического общенаучного метода познания с частнонаучными, характерными для исследования в области юриспруденции: сравнительно-правовым, технико-юридическим, формально-логическим. Новизна исследования заключается в том, что авторы предлагают комплексный междисциплинарный подход к исследованию разграничения понятий правового статуса и правового положения юридического лица, привлекаемого к административной ответственности. В результате исследования авторами сформулированы предложения, направленные на совершенствование законодательства об административных правонарушениях, показана важность дифференциации понятий «правовой статус» и «правовое положение», «субъект производства по делам об административных правонарушениях» и «участник производства по делам об административных правонарушениях».

Ключевые слова: гражданское право, субъект права, участник правоотношений, деликтоспособность, административная ответственность, административное правонарушение.

Abstract

The arsenal of methodological means of studying such a legal phenomenon as a legal entity, of course, requires expansion, the search for solid theoretical foundations, the development, first of all, of a universal conceptual apparatus. One of the significant theoretical aspects that are the subject of scientific discussion is the legal status of a legal entity - the subject of administrative tort legal relations. The article substantiates the possibility and practical necessity of differentiating the legal status of a legal entity and its legal status already as a legal entity participating in real procedural relations aimed at the implementation of the relevant substantive rules of law in connection with the emergence of a certain legal fact, was made a conclusion about the legitimacy of the use of the concept of «administrative delinquency» in relation to the legal status of legal entities. In the course of the study, the authors use a combination of the dialectical general scientific method of cognition with the particular scientific ones characteristic of research in the field of jurisprudence: comparative legal, technical legal, formal logical. The novelty of the research lies in the fact that the authors propose a comprehensive interdisciplinary approach to the study of the delineation of the concepts of legal status and legal status of a legal entity brought to administrative responsibility. As a result of the study, the authors formulated proposals aimed at improving the legislation on administrative offenses, showing the importance of differentiating the concepts of «legal status» and «legal status», «subject of proceedings in cases of administrative offenses» and «participant in proceedings in cases of administrative offenses».

Keywords: legal status, civil law, subject of law, participant in legal relations, delinquency, administrative responsibility, administrative offense.

Развитие институтов привлечения юридических лиц к ответственности за совершение правонарушений детерминирует необходимость детального исследования этого уникального правового явления, сочетающего признаки фикции, абстракции, правовой личности, организации (организма), коллективного и персонифицированного имущества и др.

Гениальность созданной римскими юристами в противопоставление материальной природе индивидуума идеи чистой юридической формы заключается в том, что сложнейшие корпоративные конструкции, различные учреждения, состоящие

из разветвленной системы органов, подразделений, должностных лиц и работников, имеют возможность вступать в гражданские, трудовые, административные и иные правоотношения, руководствуясь юридическим алгоритмом, применимым к обычным гражданам – физическим лицам.

В такой форме даже самые сложные внутренне устройства корпорации (организации) не оказывают никакого влияния на объем прав и обязанностей, возникающих, изменяющихся или прекращающихся у юридического лица в результате взаимодействия с другими субъектами права. Как правовая личность юридическое лицо об-

ладает собственной волей, отличной от воли представляемых им лиц, и именно это обстоятельство обуславливает формирование собственного правового интереса и в какой-то мере даже юридического интеллекта. В умоглядном мире чистого права юридические и физические лица не имеют никаких существенных отличий, за исключением тех, что обусловлены материальной, психологической природой человека (например, существенные различия в понимании вины физического и юридического лица в совершении правонарушения). Однако вне правового пространства юридические лица существовать не способны, потому как само существование юридического лица есть лишь правовая форма определенных общественных отношений.

Очевидно, что сама идея такой правовой формы прежде всего отвечает интересам частным, торговым, коммерческим и предпринимательским, а уже потом – публичным ровно в той мере, в которой это необходимо для защиты публичных интересов органами государственной власти. Именно поэтому основные начала правовой формы юридического лица следует искать в цивилистике.

Между тем системы правовых норм ограничены рамками частных отраслей права весьма условно. В правовом регулировании сложносоставных правоотношений наблюдается взаимопроникновение правовых норм различных отраслей права, смешение публичных и частных интересов, управления и регулирования.

Как отмечает Р. А. Курбанов, основная задача деления на частное и публичное право заключается в определении тех пределов, которыми государство должно быть ограничено во вторжении в сферу интересов индивидов и их объединений. Ученый справедливо полагает, что в сфере частного интереса государство должно выполнять роль арбитра, а регулирование частноправовых отношений – носить диспозитивный, рекомендательный характер [3. – С. 101–110].

Вместе с тем, когда частноправовой интерес юридического лица выходит за отведенные государством пределы возможного поведения, т. е. когда юридическое лицо начинает злоупотреблять правом или действовать откровенно противоправно, вмешательство государства неизбежно. Посредством органов исполнительной власти оно реализует свою правоприменительную (правоохранительную) функцию, направленную на регулирование правоотношений, пресечение правонарушений и восстановление нарушенных прав.

Вопрос о форме и содержании привлечения юридического лица к ответственности вызывает особый интерес в среде ученых-правоведов и практикующих юристов. Отчасти это связано с активными научными дискуссиями о возможности привлечения юридических лиц к уголовной ответственности, отчасти – с ежегодным увеличением количества назначаемых юридическим лицам административных наказаний. Согласно официальной статистике, в 2010 г. к административной ответственности было привлечено 139 430 юридических лиц, в 2016 г. – уже 217 507, а в 2019 г. – 283 511¹.

Следует признать, что при совершении правонарушения правовое положение юридического лица не может определяться исключительно нормами гражданского права. К нему, безусловно, присоединяются нормы смежных правовых отраслей: административного, гражданского процессуального, арбитражного, трудового, земельного и ряда других.

Итак, стержневой элемент правового положения юридического лица в любых правоотношениях обусловлен соответствующими признаками, закрепленными в статье 48 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 8 декабря 2020 г.). В качестве регулятора правового положения юридического лица, привлекаемого к административной ответственности в системе субъектов производства по делам об административных правонарушениях, выступают нормы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 30 декабря 2020 г.).

Процессуальные действия, осуществляемые в рамках производства по делам об административных правонарушениях, немыслимы без участия лиц, которых действующее законодательство наделяет объемом процессуальных прав и на которых возлагает определенные процессуальные обязанности. Эти права и обязанности коррелируются в зависимости от той процессуальной роли, которая отводится названным лицам – участникам производства по делам об административных правонарушениях. Практически каждый ученый-административист в своих работах затрагивает проблему статуса лиц, участву-

¹ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru>

ющих в производстве по делам об административных правонарушениях¹ [2; 5].

Общеизвестно, что для целей плодотворной научной дискуссии необходимо дать определения понятиям и разъяснить смысл терминов. И в научной доктрине, и в правовых актах употребляются различные термины применительно к вышеуказанным лицам. В легальных источниках чаще используется термин «участник производства по делам об административных правонарушениях», а в доктринальных, как правило, – «субъект производства по делам об административных правонарушениях». Все они, независимо от того, какому из терминов мы отдаем предпочтение по мере вовлечения в административный процесс, приобретают особый процессуальный статус и выполняют специальные функции. Указанное обстоятельство детерминирует необходимость определения правомерности использования вышеуказанных терминов и необходимых элементов административно-процессуального статуса. Начать предлагается с понятия «субъект административного права».

Как уже было сказано выше, сегодня юридические лица могут участвовать практически во всем спектре разнообразных правовых отношений, в том числе административных и административно-процессуальных.

Ю. Н. Старилов указывает, что субъект административного права – это одна из сторон публичной управленческой деятельности, участник управленческих отношений, наделенный законодательством правами, обязанностями, полномочиями, компетенцией, ответственностью, способностью вступать в административно-правовые отношения². Административные и административно-процессуальные правоотношения соотносятся как общее и частное, поэтому справедливо говорить о том, что любой субъект административно-процессуальных правоотношений одновременно является субъектом административного права.

По мнению авторов, важные методологические выводы по данной проблеме сделал А. Ю. Якимов: во-первых, каждый субъект административного права обладает соответствующим админи-

стративно-правовым статусом, под которым в наиболее общем виде понимается его правовое состояние, характеризующееся комплексом (системой) юридических прав и обязанностей; во-вторых, если правовой статус (правовое состояние) абстрактного субъекта характеризуется совокупностью предусмотренных юридических прав и обязанностей, то правовое положение (правовое состояние) персонально индивидуализированного лица определяется как потенциальными обязанностями и правами, так и реальными обязанностями и правами. Поэтому правовое положение реального лица постоянно изменяется в зависимости от наличия тех или иных юридических фактов, в то время как статус субъекта неизменен до той поры, пока не меняются соответствующие правовые нормы [5. – С. 21]. Эти важные положения еще ближе подводят нас к пониманию сущности различий между понятиями «субъект права» и «участник правоотношений».

А. П. Алексин утверждает, что субъект административного права – это физическое лицо или организация, обладающие административной правоспособностью. Он также предлагает не отождествлять это понятие с понятием субъекта административного правоотношения³. Последний при этом обладает административной правоспособностью и административной дееспособностью.

В научной доктрине под административной правоспособностью понимается возможность вступать в административные правоотношения, приобретать права и нести обязанности в сфере государственного управления. Однако одной возможности еще недостаточно для полноценного участия в административных правоотношениях. Для реализации этой возможности необходимо определенное правовое состояние, при котором субъект административного правоотношения своими действиями способен приобретать права и выполнять обязанности. Такое правовое состояние принято называть административной дееспособностью. Административная право- и дееспособность в совокупности составляют административную правосубъектность.

По мнению авторов, административная правосубъектность является качественной характеристикой административно-правового статуса

¹ См.: Денисенко В. В., Позднышов А. Н., Михайлов А. А. Административная юрисдикция органов внутренних дел : учебник. – М. : ГУК МВД России, 2002.

² См.: Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право : учебник. – М. : Норма, 2004. – С. 121.

³ См.: Алексин А. П., Кармолицкий А. А. Административное право России. Основные понятия и институты : учебник. – М. : ИКД «Зерцало-М», 2004. – С. 55.

субъекта. Она очерчивает пределы его возможного участия в решении государственно-управленческих задач.

В отличие от физических лиц для юридических лиц моменты возникновения и прекращения административной правоспособности и административной дееспособности совпадают и связаны с внесением сведений о юридическом лице в Единый государственный реестр юридических лиц и исключением из него соответственно. Следует особо подчеркнуть, что именно внесение сведений в указанный реестр, а не иные юридические факты: подписание учредительных документов, проведение собрания участников организации, приобретение имущественного комплекса и др., является правовым основанием возникновения административной право- и дееспособности. Фактически через это условие выводится неочевидный, но очень важный признак юридического лица – признание организации в качестве юридического лица компетентными органами государственной власти. До момента внесения сведений в Единый государственный реестр юридических лиц организация не может быть признана юридическим лицом даже при условии наличия всей совокупности обязательных признаков, предусмотренных статьей 48 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 8 декабря 2020 г.). Единственное законное право, которое имеется у такой организации, – это право требовать государственной регистрации.

Одной из особенностей административной право- и дееспособности юридического лица является зависимость объема приобретаемых прав и корреспондирующих прав других субъектов права обязанностей целям деятельности, определяемым в соответствии с учредительными документами, от самой специфики указанной деятельности. Специальная правосубъектность обуславливает необходимость четкой классификации юридических лиц в зависимости от организационно-правовой формы, целей деятельности, имущественной обособленности и др.

Способность субъекта нести ответственность по административному праву традиционно называется административной деликтоспособностью. С учетом того, что в юридической литературе ряд авторов рассматривают юридическую ответственность как обязанность виновной стороны претерпеть лишения личного, имущественного либо иного характера за совершенное правона-

рушение, деликтоспособность часто рассматривается как составная часть дееспособности субъекта¹. Такую позицию нельзя признать ошибочной, однако следует заметить, что институт юридической ответственности, в том числе и административной, является достаточно самостоятельным институтом, играющим важную роль в регулировании общественных отношений как в позитивном смысле, являясь фактором, сдерживающим совершение правонарушений, так и в негативном смысле, обеспечивая привлечение виновных в совершении правонарушений к соответствующим видам юридической ответственности и назначение наказания. Поэтому административная деликтоспособность как административно-правовая категория имеет полное право на самостоятельное существование и, по нашему мнению, наряду с административными право- и дееспособностью является составной частью административной правосубъектности.

Таким образом, правосубъектность юридического лица характеризуется наличием трех элементов: правоспособности, дееспособности и деликтоспособности. Последнее имеет особое значение для определения роли и места юридического лица как участника производства по делу об административном правонарушении в контексте статьи 25.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 30 декабря 2020 г.).

Использование такого подхода позволяет говорить о существовании административной деликтоспособности юридических лиц как об их способности нести юридическую ответственность в соответствии с законодательством России и правомерности использования соответствующего понятия.

Здесь же следует оговориться – способность эта является автономной, не зависит от имущественных возможностей учредителей, органов и должностных лиц юридического лица. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 8 декабря 2020 г.) в качестве одного из обязательных признаков юридического лица выделяет наличие обособленного имущества, которым оно отвечает по своим обязательствам. Обособленное имущество юридического лица является следствием другого значимого признака – организационного

¹ См.: Алехин А. П., Кармолицкий А. А. Административное право России. Основные понятия и институты. – С. 57.

единства. Указанные признаки неразрывно связаны между собой. Именно они создают форму правовой личности юридического лица, ограничивают ее от других правовых форм коллективных субъектов права. Впоследствии эта личность получает наименование путем внесения соответствующих сведений в учредительные документы и место нахождения – территориальное закрепление правосубъектности.

Таким образом, нет никаких оснований отождествлять ответственность юридического лица с ответственностью лиц, которых оно представляет. Однако и здесь следует сделать оговорку – в большинстве случаев учредители имеют если не право собственности на имущество юридического лица, то, как минимум, имущественные права в его отношении, а значит, любые имущественные обязательства юридического лица так или иначе затрагивают интересы учредителей. Между тем для целей нашего исследования подробное изучение данного вопроса не требуется.

В легальном понимании юридическим лицом признается организация, которая, как уже отмечалось, имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде.

Анализ юридической литературы позволяет выявить ряд особенностей административно-правового статуса юридических лиц. Во-первых, содержание гражданской и административной правосубъектности не является однородным (гражданская правоспособность в отличие от административной правоспособности зависит, помимо прочего, от организационно-правовой формы юридического лица, сферы его деятельности, полномочий и др.); во-вторых, не все административные наказания, предусмотренные Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 30 декабря 2020 г.), могут применяться в отношении юридических лиц; в-третьих, административные наказания, применяемые в отношении юридических лиц, отличаются повышенной строгостью; в-четвертых, возможность одновременного привлечения к ответственности юридических и физических лиц за совершение одного правонарушения (на самом деле правонарушений всегда несколько, так как физические и юридические лица привлекаются к административной ответственности отдельными

производствами на основании соответствующих процессуальных документов, составленных в отношении каждого субъекта административной ответственности, и обстоятельства, учитываемые при назначении наказания, строго индивидуальны); в-пятых, болезненный и проблемный для всех тех, кто занимается изучением права, вопрос вины юридического лица в совершении административного правонарушения; в-шестых, актуальный вопрос привлечения к ответственности публично-правовых образований, органов государственной власти, унитарных предприятий и т. д., т. е. тех юридических лиц, имущество которых принадлежит государству (в данном случае налицо нецелесообразность проведения затратных процедур для взыскания в пользу казны Российской Федерации средств за счет казны Российской Федерации); в-седьмых, административно-деликтные отношения априори выстраиваются в условиях неравенства сторон: с одной стороны лицо, предположительно совершившее административное правонарушение, а с другой – орган государственной власти в лице должностного лица, наделенного властными полномочиями (отсюда объективная необходимость обеспечения всесторонней защиты субъективных прав лица, привлекаемого к административной ответственности); в-восьмых, административно-правовой статус одновременно является составной частью общего правового статуса юридического лица, раскрывающегося через систему междисциплинарных правовых норм, в первую очередь гражданско-правовых, и совокупности специальных административно-правовых статусов, в число которых входит административно-процессуальный статус.

Учитывая, что указанные особенности выведены путем исследования частных случаев участия субъектов административного права в конкретных административных правоотношениях, они характерны и для административно-правового статуса юридических лиц, привлекаемых к административной ответственности.

Для целей нашего исследования необходимо рассмотреть вопрос тождества и различия понятий «правовой статус» и «правовое положение» участников производства по делам об административных правонарушениях. Указанные понятия в науке и на практике преимущественно отождествляются. Однако, на наш взгляд, существует ряд отличий, которые тем не менее позволяют глубже понять различия в понятиях

«субъект производства по делу об административном правонарушении» и «участник производства по делу об административных правонарушениях». Это различие имеет существенное значение как для исследования вопросов гражданского и административного права, так и для его реализации и применения на практике.

Правовой статус в отличие от правового положения является моделью – правовой абстракцией, совокупностью потенциальных прав и обязанностей, существующих в виде правовой идеи, реализуемой на практике только в связи с наступлением определенных обстоятельств – набора юридических фактов (например, в связи с возбуждением дела об административном правонарушении). О правовом положении, напротив, мы можем говорить только в контексте реальных, конкретных правоотношений, когда неопределенный субъект административного права трансформируется и становится участником административно-процессуальных правоотношений. Отсюда с логической необходимостью вытекает, что понятие «субъект административного права» неразрывно связано с понятием «правовой статус». Как правило, употребляются названные понятия в контексте правового моделирования административного правоотношения на законодательном уровне либо в ходе научных правовых исследований. Понятие же «участник (субъект) административного правоотношения» находится в логической взаимосвязи с понятием «правовое положение» и используется, как правило, при описании имевших место фактических обстоятельств (например, в актах применения права).

Вышеизложенное свидетельствует о том, что нормы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 30 декабря 2020 г.) и иных нормативных правовых актов устанавливают набор прав и обязанностей абстрактных субъектов производства по делу об административном правонарушении, а участником конкретного производства лицо становится уже после совершения административного правонарушения и только в том случае, если в отношении него в установленном законом порядке возбуждено административное производство.

Сделанный нами вывод позволяет сформулировать практические предложения, направленные на совершенствование структуры Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред.

от 30 декабря 2020 г.). В частности, предлагается объединить раздел 3 «Судьи, органы, должностные лица, уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях», и главу 25 «Участники производства по делам об административных правонарушениях, их права и обязанности» в рамках одного раздела, назвав его «Субъекты производства по делам об административных правонарушениях, их права и обязанности». Учитывая существенные различия в содержании гражданско-правового и административно-правового статуса юридических лиц, представляется целесообразным в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 30 декабря 2020 г.) дать определение понятию юридического лица, выделив только те признаки, которые имеют значение для определения административно-правового статуса и административно-правового положения юридического лица в системе административных и административно-процессуальных правоотношений. Предлагается также распространить административную ответственность юридических лиц на организации, обладающие всеми признаками юридического лица, но в силу отсутствия государственной регистрации таковыми не являющимися, через примечание к соответствующей статье Общей части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 30 декабря 2020 г.).

Применительно к теме нашего исследования вышеизложенное детерминирует реальную возможность и практическую необходимость разграничения административно-процессуального статуса юридического лица и его административно-процессуального положения уже как юридического лица, участвующего в реальных процессуальных отношениях, направленных на реализацию соответствующих материальных норм права в связи с возникновением определенного юридического факта. Польза такой правовой дифференциации понятий не ограничивается исключительно расширением методологических рамок научных исследований в области гражданского и административного права, она также имеет существенное практическое значение, например, при выработке алгоритмов действий должностных лиц, осуществляющих производство по делам об административных правонарушениях, либо при подготовке адресных методических рекомендаций по порядку привлечения юридиче-

ских лиц к ответственности с учетом всестороннего изучения их процессуального статуса и т. д.

Важность дальнейшего исследования проблем правосубъектности юридических лиц, их гражданско- и административно-правового статуса, многоаспектности проявления юридического лица в административно-деликтных правоотношениях, процессуального положения среди других участников производства по делам об административных правонарушениях предопределена активным развитием сложных юридических связей между юридическими лицами и другими субъектами права.

Дальнейшего изучения требуют возможность привлечения юридических лиц к уголовной от-

ветственности, пределы, формы, принципы и условия применения такого вида государственного принуждения в отношении юридических лиц, использование органа юридического лица в качестве законного представителя в условиях отсутствия единого научно обоснованного понимания и легально закреплённого определения органа юридического лица. Все это позволит расширить арсенал методологических средств исследования такого правового явления, как юридическое лицо, более точно определить его место и роль в современном гражданско- и административно-правовом пространстве.

Список литературы

1. Арютина М. А. Административная ответственность юридических лиц: соотношение с ответственностью должностных лиц // Новая наука: современное состояние и пути развития. – 2016. – № 2-2 (62). – С. 196–198.
2. Дугенец А. С. Административно-юрисдикционный процесс : монография. – М. : ВНИИ МВД России, 2003.
3. Курбанов Р. А. Правовое обеспечение частных и публичных интересов: диалектика развития в российском праве // Государство и право. – 2020. – № 1. – С. 101–110.
4. Панов А. Б. Административная ответственность юридических лиц : монография. – М. : Норма : Инфра-М, 2014.
5. Якимов А. Ю. Статус субъекта административной юрисдикции и проблемы его реализации : монография. – М. : Проспект, 1999.

Требования к публикациям

1. Статья должна обладать определенной новизной, представлять интерес для широкого круга читателей журнала, а также соответствовать требованиям, предъявляемым к научным публикациям.
2. Представляемый материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в том же виде в других печатных и электронных изданиях.
3. Статья представляется в редакцию в электронном и распечатанном виде в формате Microsoft Word, шрифтом Times New Roman, размер шрифта – 14 пт, межстрочный интервал – 1,5 строки.
Поля: левое – 2,5 см; правое – 1,5 см; верхнее – 2 см; нижнее – 2 см.
Материал статьи, представленный на бумажном носителе, должен соответствовать материалу статьи, представленному в электронном виде. В случае обнаружения расхождений редакция будет ориентироваться на электронный вариант статьи.
4. Материал для публикации в электронном виде должен содержать 3 файла:
 - 1-й файл: текст статьи на русском языке со следующей структурой:
 - а) на первой странице в верхнем правом углу (перед заглавием) необходимо указать Ф. И. О. автора, ученую степень, ученое звание;
 - б) заглавие статьи;
 - в) аннотация – не менее 150 слов – должна включать:
 - предмет исследования;
 - метод или методологию исследования;
 - научную новизну и выводы;
 - г) ключевые слова – не менее 15 слов;
 - д) текст литературы в конце статьи в алфавитном порядке по фамилиям авторов;
 - 2-й файл: текст на английском языке со следующей структурой:
 - а) на первой странице в верхнем правом углу (перед заглавием) необходимо указать Ф. И. О. автора, ученую степень, ученое звание;
 - б) заглавие статьи;
 - в) аннотация – не менее 150 слов – должна включать:
 - предмет исследования;
 - метод или методологию исследования;
 - научную новизну и выводы;
 - г) ключевые слова – не менее 15 слов;
 - 3-й файл: сведения об авторе по следующей форме на русском и на английском языке: фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; занимаемая должность; телефон; почтовый адрес; электронный адрес.
5. Объем текста статьи должен составлять не менее 12 страниц, включая таблицы, графический материал, аннотацию и список литературы.
6. Статья должна содержать библиографию (список литературы (других источников), используемой в статье), минимальное количество источников – не менее 5. При добавлении списка использованной литературы необходимо соблюдать правила действующих стандартов.
 - 6.1. В качестве источников, на которые автор ссылается в статье, следует использовать следующие:
 - статьи из периодических изданий;
 - статьи из продолжающегося издания (сборника трудов);
 - материалы конференций;
 - монографии.
 - 6.2. Все источники в списке литературы необходимо группировать по алфавиту фамилий авторов или первых слов заглавий документов.
7. На все нормативно-правовые акты следует ссылаться путем их упоминания в тексте статьи с указанием полного названия и даты утверждения без использования постраничных ссылок. В статье допускается использование только внутритекстовых ссылок на источники. Ссылки оформляются в основном тексте статьи путем указания в конце предложения в квадратных скобках порядкового номера упоминаемого источника из списка литературы, а в случае цитаты – и номера страницы цитируемого источника [3. – С. 5].
8. В бумажном варианте статьи должна присутствовать сквозная нумерация страниц.
9. Таблицы в тексте статьи должны иметь заголовки; на каждую таблицу в тексте должна быть ссылка.
10. Иллюстрации должны иметь порядковый номер и название. При написании формул, схем, построении графиков, диаграмм, блок-схем не допускается размер шрифта менее 8.
11. Размер графиков, диаграмм, рисунков не должен превышать по вертикали 21 см, по горизонтали – 13,5 см.
12. Представленные статьи направляются по профилю научного исследования или по тематике рассматриваемого вопроса на рецензию экспертам-ученым и специалистам университета в данной области. Статьи, принятые к публикации, но нуждающиеся в доработке, направляются для внесения необходимых исправлений. После доработки статьи повторно рецензируются, после чего редакционная коллегия принимает решение о возможности публикации.
Не рецензируются научные доклады, заслушанные на съездах, конгрессах, конференциях; информационные сообщения и объявления.